

Служу России и Спецназу

ВАЛЕРИЙ

РОЩИН

**ТРИНАДЦАТЬ
СПОСОБОВ
УМЕРЕТЬ**

Валерий Рощин

Тринадцать способов умереть

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159937
Тринадцать способов умереть: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-20307-9*

Аннотация

Все же боевикам удалось сбить их вертолет. Так боевой вертолетчик Максим Скопцов оказался в чеченском плену, и более того, стал рабом на плантации конопли. Но он настоящий профи и владеет секретами новейших боевых машин. Так что грузинская разведка уже вплотную заинтересовалась им. Но, похоже, она не дожидается никаких секретов. Группа спецназовцев подполковника Баркляя уже идет на помощь Максиму. Когда-то Скопцов спас жизнь Баркляю, а долг платежом красен...

Содержание

Способ первый	4
Способ второй	21
Способ третий	47
Способ четвертый	72
Способ пятый	93
Способ шестой	117
Способ седьмой	135
Способ восьмой	165
Способ девятый	192
Способ десятый	226
Способ одиннадцатый	258
Способ двенадцатый	284
Способ последний	313
Эпилог	342

Валерий Роцин

Тринадцать

способов умереть

Способ первый

1-2 сентября

Каким образом его будут лишать жизни, он не знал, но глубоко внутри тлел уголек надежды, что произойдет это быстро и без мучений. Смерть всегда казалась ему далеким, неправдоподобным событием – с кем угодно, только не с ним! Да вот, поди ж ты, столкнулся нос к носу и приходится теперь терзаться, обливаясь холодным потом...

Вот, скажем, выстрел в затылок. Из пистолета. И неожиданно. Данный способ, пожалуй, выглядел самым предпочтительным, гуманным...

В крайнем случае – острым ножом по горлу. Как это у них делается?.. Судя по рассказам сослуживцев: кто-то подходит сбоку, хватает за волосы, запрокидывает голову назад и... Конечно, придется с минуту помучиться, пока молодое тело выплеснет пару литров крови, и угасающее сознание перестанет ощущать боль.

Однако жуткие истории, поведанные ранее товарищами, настойчиво предсказывали другой – жестокий и кошмарный конец. Поговаривали, будто могут отрезать голову; забить до смерти палками или прикладами; а того хуже – распоров брюхо, медленно дергать за кишки, скармливая их голодным собакам...

Ранним утром пленный младший сержант тяжело поднялся с собранного вороха грязной соломы – уснуть этой ночью так и не довелось, подошел к крохотному оконцу, устроенному рядом с входом в каменную, кособокую лачугу и с тоскою наблюдал за намазом – пятой молитвой на восходе солнца. Чечены в фесках, тюбетейках, армейских кепках стояли на коленях и простирали ниц под тонкий голосок местного отрядного муэдзина. Глядя на слаженное действо, он и сам не заметил, как завязал разговор с богом. С каким – не ведал, потому что никогда не заглядывал в культовые храмы, ни разу всерьез не задумывался: верит ли? Не знал ни единой молитвы, да и Господа поминал только все...

Он просил о снисхождении, вымаливал чудесное спасение, но понимал: жизнь висит на тонком волоске и сколь долго еще провисит – зависит от людей, отбивающих сейчас поклоны Аллаху. А конкретно от командира отряда боевиков – неопрятного сорокалетнего мужика с колючими, злыми глазками; с двумя седыми прядками, затерявшимися в густой черной бороде.

Трое суток назад амир по прозвищу Араб прилюдно объ-

явил вердикт: казнить русского сержанта на рассвете сегодняшнего дня. Весь отпущенный срок сержант не терял присутствие духа: прислушивался к каждому звуку – не летит ли вертолет, не урчат ли бэтээры, не стреляет ли поблизости пехота, штурмуя этот лесистый взгорок. Вряд ли командование знало о его несчастье, да и знало б – не поспешило бы спасать. Но вдруг затеют операцию по уничтожению банды или захвату известного главаря?! Или пилоты парочки патрульных вертушек случайно зацепят взглядами расположенный на склоне лагерь?..

Эх, ему бы только один маленький шанс! Уж он бы точно его не упустил!..

И вот наступило сегодняшнее, злосчастное утро.

«Неужели с той проклятой минуты, когда Араб объявил о предстоящей казни, ничего не изменилось? Может быть, он передумал?.. Или позабыл о своем намерении?..» – в тайне надеялся молодой пацан.

Муэдзин замолчал, намаз окончился, мужчины поднялись с колен и стали расходиться. На крохотном пустыре перед лачугой сделалось тихо, обыденно, как и в предыдущие дни. Лишь одинокий страж, привалившись спиной к неровной каменной стене между оконцем и дверью, монотонно напевал национальный мотив...

«Забыли!.. – осторожной искоркой промелькнула радостная догадка. – Или решили помиловать! Чтоб получить выкуп или обменять!.. Такое ведь раньше тоже случилось».

Тяжесть тревоги постепенно вытеснялась хрупким предчувствием удачи. Пожалуй, самой огромной, великой удачи в его короткой жизни! Созерцаемый из оконца кусочек однообразного, бесцветного и одновременно пугающего пейзажа сначала робко окрасился безобидными оттенками; затем ожил, заиграл яркими бликами и, наконец, заполнился почти осязаемой теплотой. Сомнения и тревоги таяли с каждой минутой спокойного, солнечного утра...

«Они такие же люди, нелишенные жалости, сострадания, доброты, – едва заметно кивал парнишка, все еще побаиваясь поверить в неожиданно свалившееся счастье. – И седобородый амир, оказывается, неплохой мужик. Араб... Почему Араб? Наверное, из-за темной прокопченной кожи лица. Просто решил пугнуть меня страшным приговором. Преподать урок неверному...»

Бесшумно ступая босыми ногами по земляному полу, засыпанному пересохшей грязной соломой, он прогулялся по убогому каземату; обошел вокруг вкопанную посредине помещения металлическую раскоряку, предназначения которой так и не сумел понять...

И тут вдруг почудились голоса – далекий нестройный хор мужских голосов. Мальчишка испуганно остановился, прислушался...

Нет. Показалось.

Спохватившись, он вновь метнулся к амбразуре, точно боясь изменений, способных в одночасье произойти снаружи в

его отсутствие. На пустыре по-прежнему было тихо, безлюдно. Только «песня» караульщика, да резвая беготня мальчишки лет восьми, что обитал, должно быть, вместе с отцом или старшим братом в горном бандитском лагере. Сорванец гонялся с палкой за бараном, улизнувшим из огороженного дувалом закута. Догнав, оседлал, вцепился черными пальцами в шерсть, что-то задорно выкрикнул...

Пленный невольно улыбнулся – даже плюгавый юнец, огревший пару дней назад по спине своей длинной сучковатой дубинкой, в этот час представился вполне симпатичным и забавным ребенком. Да и те моджахеды, бывшие в первые дни плена до потери сознания, до крови из ушей, до нестерпимого желания умереть – уж не казались извергами.

Он глубоко вдохнул побаливавшей от побоев грудью; слегка пригнул голову, мечтательно глянул на клочок синевшего неба. В памяти всплыли обрывки детства, прошедшего в маленьком городишке на извилистой, неспешно несущей желтоватые воды реке под названием Хопер. Молодая цепкая память мигом восстановила в воображении улыбчивое, доброе лицо матери; незлобивое ворчание на его шалости отца – водителя молоковоза; хрупкую, рыженькую одноклассницу Анюту, ронявшую на вокзале слезы и обещавшую дожждаться...

И вдруг сладостные воспоминания о былой мирной жизни, светлые мечты о спасении и о встрече с родными людьми прервал чей-то властный окрик:

– А ну выходи, гяур!

Трое боевиков во главе с кривоzubым коротышом, державшим в руках странное ружье, подходили сбоку к лачуге.

Холодная волна липкого страха прокатилась по телу от головы до пят; отпрянув от оконца, сержант качнулся, удерживая равновесие на враз ослабевших ватных ногах. Сколоченная из грубых досок дверь шумно распахнулась – в слепившем пятне проема появились крепкие мужские фигуры. Сильные руки подхватили, поволокли на улицу...

На краю обширной, чуть пологой поляны, вокруг которой был разбит лагерь, собиралась толпа страждущих лицезреть очередное зрелище. Полевой командир Руслан Куцаев – тот самый неопрятный хмурый чеченец с двумя седыми прядками в черной бороде, по-хозяйски устроился в старом кожаном седле, брошенном на траву меж высоких древесных стволов. Другие расположились по обе стороны от амира.

Русского сержанта привели из каменного сарайчика, правую руку по приказу все того же кривоzubого чеченца с жиденькой квадратной бороденкой, для чего-то нацепившего на лицо модные темные очки, накрепко привязали к коренастому, крепкому дереву...

Он не сопротивлялся. Изредка хлопая длинными ресницами, паренек лишь бросал на зрителей непонятливые взгляды, наполненные отчаянием, мольбой, парализовавшим волю страхом. Когда одноглазый пожилой моджахед подвел к

нему отрядного битюга – могучего жеребца по кличке Бахыз, он сызнава посмотрел в глубокую синеву чистого неба; что-то прошептал бледными, обескровленными губами...

Покорно выдержав грубость, с которой опутали свободным концом конской упряжи левое запястье, пленный так и стол, задрав коротко остриженную голову кверху... И продолжал нашептывать – верно, молился или прощался с близкими. Он не слышал отрывистой злой речи, произнесенной Арабом перед страшным действием; как не слышал и дружных одобрительных возгласов полусотни абреков и последней команды торопившегося куда-то амира...

Конь раздул ноздри, мотнул головой в ответ на повелевающий рывок повода; нетерпеливо переступил тяжелыми копытами и послушно подался вперед.

Вместе с коротким криком, раздался хруст разрываемой плоти. Сделав несколько упругих шагов под перешедший в затихающий стон крик, Бахыз остановился. Повернув вбок голову, темным глазом покосил на страшный трофей, волочившийся за ним по траве и оставлявший на ней кроваво-красный след. Но, похоже, вид изуродованной человеческой конечности, как и вид бывшего ее владельца, лежащего возле дерева с белым лицом, был ему привычен. Встряхнув ушами, умное животное потянулось к сочной траве и стало торопливо лакомиться – знало: вот-вот прозвучит неприятный резкий звук, приноровиться к которому не получалось долгие месяцы.

Да, все происходило по старому сценарию: седобородый амир по прозвищу Араб нетерпеливо поднялся с кожаного седла, вынул из-за пояса пистолет, встал над хрипящим мальчишкой, прислушался к выкрикам соплеменников...

Выстрел, спугнул стайку беспечных птиц и заставил вздрогнуть коня. Тот беспокойно стукнул копытом; переступил, двинувши крупом... да державший повод человек с черной повязкой на правом глазу, ласково потрепал по холке, провел суховатой ладонью по жесткой гриве, что успокоило, вселило надежду: происходящее обыденно, никакой опасности нет.

Поляна быстро пустела – большая часть банды Араба отпирывалась к пограничному с Грузией перевалу...

* * *

– Батонебо Мансур... перекурим, а, – оглянувшись, попросил клочущим от усталости голосом грузинский проводник.

Его попытки изъясняться на чеченском удавались не всегда – иной раз Мансур догадывался о смысле сказанного скорее по интонации или по отдельным словам. Однако сейчас раздражало другое.

– Не здесь, – ответил он отрывистым шепотом. – Здесь проклятое место. Внимательней смотри по сторонам и гово-

ри потише...

– Почему проклятое? – послушно понизив голос до шепота и испуганно озираясь на густые заросли, вопрошал грузин.

– Ты хорошо знаешь горы там – с южной стороны, за пограничным перевалом. А тут ты новичок. Два каравана за последние шесть месяцев бесследно сгинули в этой долине. Точно под землю провалились...

Местность и впрямь представлялась не самой подходящей для продвижения группы людей, сопровождавших цепочку из двух десятков мулов, медленно петлявших узкой тропой на север. По здешним труднопроходимым дебрям следовало пробираться в одиночку или на худой конец без животных – лишь такой вариант гарантировал шанс проскочить незамеченным, выжить, добраться до цели, или же своевременно ускользнуть обратно. А скорость и неповоротливость каравана делала людей до предела уязвимыми.

Семеро хорошо вооруженных охранников, не считая грузина-проводника, размеренно и мягко переступали по сухой прошлогодней листве, почти не выдавая звуками своего присутствия в сумрачном ущелье. И верно – слишком уж удобной для организации засады представлялась густая «зеленка», прижившаяся на каменистых бесформенных нагромождениях. Дно глубокого ущелья, тянувшегося почти от самой Грузии, изрядно поросло смешанным лесом, кустарником, травой. Продвигаться по единственной тропе можно было исключительно в двух направлениях: вперед или назад; по-

тому как крутые скалистые склоны, нависавшие над тропой и слева, и справа оставались неприступными.

– Еще с километр пути и проход станет шире. Скоро остановимся для отдыха, – успокоил грузина Мансур.

Но тон его отчего-то показался проводнику странным – в голосе сквозили нотки сожаления, точно чеченцу вовсе не хотелось поскорее выбраться из гиблого черного леса. «То со страху, – подумалось ему, – храбрится, рисуется передо мной. Ведь испугался идти первым – меня попросил, хоть и не знаю дороги. А сам только подсказывает: сейчас тропа повернет вправо, обойди валуны левее... Да еще постоянно оглядывается, будто кто-то, скрываясь в чаще, крадется за караваном!..»

Впереди показался просвет – то ли начиналось редколесье, позволяя солнечным лучам беспрепятственно достигать земли, то ли узкая тропа на короткий миг превращалась в поляну.

– Вот тут и передохнем; покурим, – на тяжелом выдохе объявил Мансур. – А от поляны останется метров семьсот... Дальше идти будет легче...

Караван медленно достиг лесной проплешины, замедлил движение, остановился.

– Привал. Полчаса, – сказал чеченец, привязывая одного из мулов к ближайшему стволу. Покончив с веревками и узлами, кивнул двум соплеменникам: – Хорошенько осмотрите местность!..

Двое людей Мансура тотчас нырнули в заросли.

Грузин отдышался, достал трясущимися пальцами пачку сигарет, сверкнул огоньком зажигалки, глубоко затянулся и... дернувшись телом, попятился назад, схватившись обеими руками за пробитую пулей грудь.

Одиночного выстрела никто не слышал – вероятно, пулю выпустили из бесшумного оружия. Долговязый мужчина, беззвучно хватая ртом воздух, неуклюже повалился на землю; Мансур же, мгновенно узрев опасную перемену, прыгнул в кусты и ужом прополз несколько метров в густой кустарник. Там, лихорадочно вытаскивая из-за пазухи рацию, злорадно оскалил рот, сверкавший металлическим коронками и, нажав на кнопку «передача», отрывисто произнес:

– Араб, это Мансур. Ты меня слышишь? Араб!!

– Слышу, – прорвался сквозь шипение мужской голос. – Слышу, говори!..

– Наживка сработала! Поторопись, Араб – моих людей убивают как мух!..

* * *

Генерала Ивлева Барклай неплохо знал уже несколько лет. Доверял ему безраздельно, как доверял и возглавляемому им ведомству. Только разведка Ивлева поставляла достоверные и многократно проверенные данные о шедших караванах.

нах из ущелий соседней Грузии. Чаще всего бока трудолюбивых мулов и лошадей натирали мешки с сушеной коноплей, а точнее с самыми ценными – верхними частями этого растения – измельченными в строго определенной пропорции шишками и листьями. Дважды Барклаю с группой своих парней удавалось подстеречь и уничтожить тамошние «посылки» для местных чеченских амиров. Одна была полна оружия и боеприпасов; другая состояла из конопли, медикаментов и различных взрывчатых веществ, включая дорогостоящий пластит.

Армейские и авиационные разведчики чаще подводили – выдавали ошибочные или устаревшие сведения, и каждый раз злой и уставший Барклай возвращался восвояси ни с чем.

Но последняя операция стартовала после очередного известия от Ивлева – значит, вновь появлялась надежда на удачный исход многодневной охоты. Значит, вновь очередная посылка с оружием или страшным зельем, туманящим мозги молодежи и позволяющим чеченским амирам добывать большие деньги, не дойдет до адресата...

И вот он, долгожданный миг – один из бойцов передового дозора наконец-то просигналил: «Внимание! Вижу цель». Парни изготовились к бою – им, хорошо обученным спецам, не нужно было повторять, дублировать сигналы – сами все отлично знали.

Воевать Барклай умел. Причем не по тем правилам и канонам, что преподаются в академиях. Здесь в чеченских ле-

сах они срабатывали редко – полевые командиры бандформирований придерживались своих устоев, своих методов ведения войны. Потому и приходилось учиться заново, вырабатывать новые тактические приемы...

Два опытных снайпера – Валерка и Димка, расположившиеся по обеим сторонам тропы, устремили со своих позиций зоркие взгляды на поляну. Двум бойцам подполковник приказал обосноваться выше, чтобы ударить с тыла и отрезать каравану путь к отступлению. Да и остальных узреть было очень трудно – парни точно растворились в «зеленке», стали частью лесистого ущелья. Заметин был лишь Толик Терентьев, лежавший по соседству с командиром, да юный лейтенант Кравец – новобранец отряда, беспрестанно отодвигавший мешавшую ветку... «Волнуется салага, – усмехнулся подполковник. – Пока не привык к нашим сумасшедшим будням. Ничего, еще десяток-другой вылазок и станет таким же, как все...»

Сколько уж подобных засад было организовано им за время долгой службы! Крошил со своими молодцами банды, выслеживал главарей бандитских соединений, подкарауливал такие же караваны... В основном хорошо продуманные операции проходили успешно – в конце концов, и сам Барклай был отличным профессионалом, и парней отбирал в свое подразделение не с улицы. Но случались иной раз и осечки. Крайне редко, но случались.

Сейчас, по его убеждению, все должно было сработать от-

лично – как смазанный механизм надежных швейцарских часов...

Сквозь плотные заросли, наконец, показалась чья-то тень – высокий сутуловатый кавказец, тяжело дыша, озирался и, неуклюже переставляя длинные ноги, шел по тропе. За ним, вровень с первым мулом осторожно продвигался другой – чуть моложе, пониже ростом и половчее. Следом один за другим из-за плавного поворота, огибавшего поваленное, полусгнившее дерево, появлялись навьюченные животные и сопровождавшие их вооруженные люди...

До заранее обозначенного Барклаем рубежа – серого угловатого валуна, вросшего в землю посреди еле приметной лесной проплешины, оставалось немного. Сейчас тощий мужик, возглавлявший караван, поравняется с ним и...

Однако, не дойдя пяти шагов до своей смерти, тот вдруг оглянулся на второго мужчину, замедлил движение и остановился вовсе. Рука нетерпеливо скользнула за пазуху, потянула из кармана пачку сигарет... А к поляне уже подходили другие вооруженные боевики, парочка из которых расторопно шмыгнула в кусты – должно быть, осмотреть прилегающую местность.

Первый выстрел Барклая должен был послужить сигналом для остальных бойцов. Караван рубежа не достиг – должно быть, старший объявил привал, и медлить теперь нельзя – если конвой разбредется в стороны от тропы, то задача многократно усложнится. Уже сейчас подполковник был озабо-

чен теми молодцами, что исчезли из поля зрения.

Занимавший неплохую позицию справа от тропы Терентьев понял приказ командира мгновенно. Неприметно кивнув, он тут же тихо исчез в «зеленке». «Там будет порядок! А вот слева один Кравец. Черт! Кто же знал, что они решат тут устроить перекур?!» – лихорадочно размышлял Барклай, с трудом отыскивая хорошо замаскировавшегося со снайперкой Димку.

– Духа видишь? – знаком спросил он у него.

– Нет, – на том же языке отозвался тот.

Зато молодой лейтенант, смекнув о причине беспокойства командира, вовремя подсуетился.

– Цель вижу! – энергично просемафорил он правой кистью и с умоляющим ожиданием смотрел на подполковника.

«Ладно, – скрепя сердце, подумал тот, – не маленький уже, не курсант. Пора и ему доверять!»

И, дозволив Кравцу заняться отошедшим в заросли бандитом, поймал в прорезь прицела грудь закурившего сутулого кавказца...

* * *

Немногочисленное подразделение русского спецназа отчаянно сопротивлялось. Группа из десяти-двенадцати человек слаженно и за считанные секунды успела ухлопать по-

что всех людей Мансура. Тот сразу понял: здесь на крохотной полянке «посчастливилось» столкнуться с настоящими охотниками-профессионалами. Сам он так и остался лежать посреди разлапистых ветвей, сжимая в одной руке автомат, в другой портативную рацию, изредка издававшую противное шипение. Не сделав ни единого выстрела, почти не двигаясь, дабы не обнаружить себя, не привлечь внимания неверных, хитрый чеченец лишь осторожно осматривался, да приглушенно поторапливал по радио Араба.

И слегка запоздавший отряд Араба все же появился. Появился как раз в тот момент, когда стрельба почти утихла, и Мансур, почувствовав пробежавший по спине холодок, наблюдал из-под куста за беззвучно крадущимися тенями русских бойцов, решивших обследовать поляну и убедиться в гибели караванного конвоя...

Да, Араб был мастером подобных делишек. Девятилетнее участие в войне, начал которую рядовым боевиком у Арби Бараева; бесчисленные вылазки, налеты, теракты, засады на дорогах – все это в результате сложилось в огромный боевой опыт удачливого полевого командира. Сегодня его умению продумывать и организовывать секретные операции мог бы позавидовать любой выпускник Российской академии Генерального штаба.

Его люди появились неожиданно. Шквал огня обрушился на русский спецназ в тот момент, когда четверо бойцов в разгрузочных жилетах и головных повязках защитного цвета

достигли центра поляны – серого угловатого валуна вросшего в землю рядом с тропой. Эти четверо погибли сразу. Следом моджахеды подавили огонь двух русских, оказавшихся позади каравана. Остальные приняли бой и не собирались ни сдаваться, ни отходить назад. Занимая неплохую позицию, они отвечали короткими и точными очередями из своего мощного бесшумного оружия и в свою очередь тоже изрядно потрепали отряд Араба. Его моджахеды напирали с южной стороны; не жалея патронов, давили; пытались обойти поляну по скальным уступам и взять спецназовцев в клещи... Но те отчаянно отстреливались, прекрасно владели оперативной обстановкой и пресекали любые хитрости мусульман.

Скоро и с той и с другой стороны в ход пошли гранаты.

Схватка грозила стать затяжной...

Однако все решил один из расторопных воинов Мансура. Тот самый, что был послан им в сторону от тропы – осмотреть местность. Именно его находчивость и решила исход кровавого поединка на дне лесистого, глубокого ущелья.

Способ второй

2-4 сентября

Крепкие матерные словечки так и норовили вырваться из уст связанного Баркляя. Им бы – этим словечкам, сейчас не помешали ни разбитые губы; ни сочившаяся, солоноватая кровь, которую поминутно приходилось сплевывать...

Да что от них было проку?! Ругаться следовало раньше, когда готовил и натаскивал прибывшую из училища молодежь.

Мало натаскивал! Недостаточно был строг и требователен! Редко наказывал! Да что там наказывать?! Гнать следовало в три шеи в армейский спецназ тех, кто не дотягивал, не укладывался в жесткие требования. А теперь... Теперь следовало молиться богу или уповать исключительно на удачу, на счастливый случай. Но надежд на эти «чудесные» составляющие успеха становилось все меньше и меньше.

Троицу выживших бойцов куда-то вели по скользкой пыльной тропе. Руки их накрепко скручивала длинная веревка, образующая единую связку; глаза закрывали плотные повязки, свернутые из их же, спецназовских бандан. Ноги для самостоятельного передвижения оставались свободны, да от этого легче не становилось.

Первым в связке, спотыкаясь, шел подполковник; вторым

шагал его заместитель Толик; замыкающим плелся молодой Кравец.

Идиот! Салабон в лейтенантских погонах!.. Именно из-за его нерасторопности и слабости пришлось...

Барклай зло сплюнул опять накопившуюся во рту кровь.

Способных продолжать бой у лесной проплешины оставалось трое: Толик, раненный Димка Логинов и сам Барклай. Не много, если рассчитывать на благополучный финал в проваленной операции; но и не мало, для того чтобы испортить «чехам» праздничное настроение по поводу хитро организованной ловушки. Втроем они еще поспорили бы с бандой. Ох, как поспорили, если бы не слабак Кравец!..

Признаться, подполковник посчитал его убитым, когда тот, нырнув в заросли за ушедшим в сторону от тропы бандитом, надолго пропал из виду.

Да... лучше бы его там убили!..

Грех, конечно, так рассуждать, но...

Но мальчишка оказался жив. Мало того, бандит обезоружил лейтенанта и, прячась за обмякшим телом, выволок из кустарника, приставив к горлу десантный нож.

Вот тут-то, увидев обезумевшие от страха и полные страдания глаза молодого подчиненного, Барклай хрястнул с досады своим автоматом о камень и медленно встал, поднимая руки.

Встал и Толик. Раненный Димка подняться не смог...

Человек, не ведавший ранее провалов, будет до самой по-

следней минуты надеяться на чудо, на счастливое спасение. И лишь тот, кто успел не раз побывать в когтях смерти, способен в самой критической ситуации более или менее четко себе сказать: да, приятель – это конец. Барклай даже в то ужасное мгновение, когда пришлось поднять руки, не считал положение безнадежным, еще лелеял надежду на другой исход, ибо случались в его биографии схожие переделки. И каждый раз выпутывался, отыскивая крошечную лазейку, изобретая единственно возможный способ...

Но теперь все складывалось иначе – из зарослей появлялись все новые и новые боевики; вооруженные до зубов, озлобленные потерями; с волчьими, наполненными ненавистью взглядами...

Тогда-то он и буркнул:

– Все. Отвоевался.

Раненного Димку Логинова добились сразу, без единого слова, без секунды сомнения. Прищуриив колючие глазки, предводитель банды подозрительно косил и на окровавленное колено Барклая. Правда, позже, когда оставшихся в живых русских избивали, он принял решение отсрочить его смерть – не смотря на касательное ранение, тот все же крепко стоял на ногах...

И вот, избитых, связанных, утеревших веру в спасение, под конвоем многочисленного отряда их куда-то ведут. Впрочем, где бы они ни оказались, перспектива остаться в живых не маячила – не перерезали глотку в ущелье, значит,

решили приберечь для показательной казни в бандитском стане.

– Так мне, мудаку и надо! – прошептал Барклай разбитыми губами. – Полгода собирался написать рапорт! Нет, опять поперся!.. Дома такая баба ждет, а я ползаю по этим скалам во главе детсадовского сброда. Старый придурок!..

– Брось, Барк. Кто ж знал, что так случится, – послышался за спиной приглушенный голос Толика.

Вздыхнув, командир группы промолчал...

Нет, он обязан был предугадать, предусмотреть все нелепости, приведшие к провалу задания, к гибели группы. Сколько сотен километров намотал пешкодралом по горам, да по лесам чеченским! Сколько сожрал сухпаев! Скольких товарищей здесь похоронил!.. А до конца прокачивать подобные нюансы так и не научился.

Толик – капитан Терентьев, хороший парень. И в такую минуту найдет пару слов, чтобы попытаться успокоить, поддержать. Однако нетрудно представить, каково сейчас ему. Года не прошло, как получил капитана; женат всего пару лет; скоро станет отцом...

По крайней мере, должен был им стать.

«Чертова повязка на глазах!» – подполковник поморщился от боли, оступившись на каменной россыпи пологой тропы. Вблизи той несчастливой поляны одна из чеченских пуль саданула по самому краю коленного сустава. Того самого больного сустава, что лечил в лучших московских клиниках

почти год. Трижды ложился под нож хирурга... И вот опять. Вся левая голень давно была мокрой – кровь основательно пропитала штанину до самого ботинка. Да что там до ботинка – даже ступня ощущала неприятную липкую влагу.

Пронзительная боль отогнала мысли о Толике. Но не надолго...

Терентьев попал в его группу пару лет назад, когда, напорвшись на засаду во время одного из рейдов, Барклай потерял половину своих людей. С достойной заменой своевременно пособил Ивлев, носивший тогда полковничьи погоны – порекомендовал четверых надежных ребят из армейского спецназа. Прибыл в той четверке и Анатолий.

Так и познакомились...

Потом потянулись бесчисленные вылазки; затяжная операция по выслеживанию Абдул-Малика и прочие передраги, в одной из которых Терентьев спас своему командиру жизнь.

Та прошлогодняя операция определенно должна была стать для Всеволода последней. Так уж случилось, что у развернутого аппарата спутниковой связи он оказался один – в спешке вызывал необходимое как воздух подкрепление. Парни под бешеным огнем вытаскивали двоих раненных с каменистого берега горной речушки. В тот момент Толик и засек снайпера, целившего в Барклая. Достать чеченца очередью было сложно – позицию дух выбирал с умом – за грядой исполинских валунов. Потому и решился капитан стрелять не в него, а пугнуть подполковника – пустил пару пуль

над самой макушкой.

Барк, не будь дураком, сразу рухнул – распластался на речной гальке, а не то чеченский свинец спустя секунду непременно бы вышиб мозги...

Да, тогда ускреблись, отбились, выжили. Повезло.

А сегодня не получилось...

* * *

«Человек любит и чувствует сердцем, а извилины так и норовят включить сомнения. Мешают, тормозят естественный процесс. Черт бы их побрал, эти извилины!..» – вяло рассуждал Барклай, вперив взгляд в полосу солнечного света и вспоминая о любимой женщине, должно быть, ждавшей его сейчас в крохотном уютном гарнизоне на юге Ставропольского края. Желтая полоса врывалась в открытую дверь каменной лачуги, где подполковник с двумя молодыми сослуживцами парился вторые сутки. Короткий луч медленно полз по усыпанному грязной сухой соломой полу; становился длиннее и, кажется, менял оттенок...

Мысли о побеге не беспокоили, не бередили остывшую душу. Все мечты и сомнения померкли – побег был просто невозможен. Руки пленников не стягивали веревки, зато к ногам крепилась массивными «манжетами» толстая и ржавая цепь. Единой змейкой она опутывала троицу офицеров

и концом своим была намертво прикручена к вкопанному в землю раскуроченному станку от пулемета ДШК. Откопать эту хрень свободными руками, ежели постараться, конечно, можно. Однако у раскрытой двери – снаружи сарайчика, постоянно торчали «духи». Сидели, убудки, скрестивши ноги, сверкали колючими темными глазищами, судачили на басурманском языке, да скалили белые зубы в злобных своих ухмылках.

Тут не то что выдернуть из слежавшейся породы стальную раскоряку – оправить малую нужду в углу хибары без присмотра не получалось. Стоило шевельнуться – бандиты разом замолкали и вскидывали автоматы. Оттого, видать, и дверь не закрывали, сволочи, чтоб глаз не спускать.

Вот и вспоминал Всеволод Барклай свою жизнь, привалившись спиной к прохладным булыжникам, понуро свесив коротко остриженную голову, да наблюдая за неторопливым странствием по земляному полу полосы света. Перебирал, неторопливо ворошил сорок лет своей жизни...

Вряд ли эти воспоминания были сплошь хорошими. Немного сутуловатый, но крепкий – с широкими покатыми плечами мужик, успел пережить многое. Усталые, зеленовато-карие глаза, вокруг которых уже завязались мелкие морщинки, скорее излучали печаль по чему-то несбывшемуся, нежели тосковали о потерянном. Да и что по большому счету удалось повидать за те суетные восемнадцать лет, одним коротким мигом пролетевшие после окончания военного учи-

лица?.. Служба, тренировки, командировки в горячие точки, бесчисленные боевые операции, ранения, и столь же бесчисленные госпитальные палаты... Многое, как говорится, уже осталось за его плечами. Жизнь перевалила экватор, и изученного, познанного посредством проб и ошибок, сделанного на совесть не сосчитал бы никто – набиралось этого с излишком. Неприхотливость с выносливостью вошли в привычку; болевые ощущения как у всякого человека перешагнувшего рубеж сорока, притупились; почти все решения и действия, благодаря огромному опыту, принимались автоматически – на «автопилоте»...

Первый и единственный брак вспыхнул яркой звездочкой в сумерках однообразных будней. Свою будущую жену он повстречал в одном из темных переулков соседнего с гарнизоном городка – отбил у троицы то ли пьяных, то ли обкурившихся конопля молодцов. Возвращаясь из гостей, слышал женский крик, поспешил на помощь... Юных насильников раскидал мощными ударами в считанные секунды. Один из них, кажется, остался после того короткого «разговора» инвалидом – родители добились уголовного дела; ставшая чуть позже супругой Наталья проходила по делу и потерпевшей, и свидетелем, но своего спасителя не выдала. «Не знаю, кто это мог быть, – упрямо твердила она следователю, – не видела его ни до, ни после. Подоспел, раскидал ублюдков и был таков...» По правде говоря, Барклай нес ее от места недолгой схватки до центральной улицы на руках – та пребывала

в шоке. Поймав такси, привез домой, послал отмываться в ванную, затем накормил ужином и уложил спать в отдельной комнате. Так и не дознался следак из районной прокуратуры до истины; так и остался спаситель «неизвестным»... Их любовь и супружество продлилось чуть дольше года, затем огонек стал затухать, покуда не погас совсем. Наталья – обычной наружности женщина – ни пава, ни ворона, устав от постоянных ожиданий и нервотрепки, связанной с его частыми и стремительными отъездами, тихо собрала вещи и ушла. С тех пор он ее не видел. Точнее, не захотел предпринять попытки увидеть, вернуть или что-то изменить. Знал: изменить невозможно. Предательством ее бегство не счел, полагая: она заслуживает лучшей участи, чем серая жизнь в стандартной гарнизонной хрущевке; одинокое, наполовину вдовье существование.

Через пару лет после развода он повстречал симпатичную девушку с красивым и модным тогда именем Сусанна. И снова зародилась любовь, помогая излечиться и позабыть неудавшийся брак. Одному богу было известно, сколько надежд связывал Барклай с новым знакомством, сколько душевной теплоты вкладывал в быстро развивавшиеся отношения!.. Да, он был самым обычным мужиком – ослепительных достоинств не имел, как, впрочем, и явных недостатков. Однако ж любовь беречь умел, глубоко веруя в святость и ценность этого редкостного таинства. Тем удивительнее стала внезапная перемена в поведении невысокой жгучей брю-

нетки – месяца через три в ее речах замелькали странные фразы о дружбе; о том, что вряд ли она сможет отвечать ему той же пламенной страстью... При этом каждый раз в шутку просила не считать ее стервой. Не отыскав в анналах памяти ни единого поступка, способного стать причиной разрыва, он долго корил себя за неумение сохранить, сберечь хрупкое к себе чувство. И только много позже, вспоминая и переосмысливая ту быстротечную связь, внезапно осознал: очень многое в повадках любительницы бесконечных тусовок, частых посиделок в кафе и многочисленных званых вечеров в своем доме, подходило под емкое определение «стерва». Возможно, Сусанна собиралась сменить поднадоевшего муженька, да выведав о скромных суммах, коими государство почивало своих израненных в горячих точках героев, потеряла интерес к Барклаю. Или же просто, добившись любви, занесла ее в список многочисленных побед, да на том и охладела, переключившись на следующую жертву... Впрочем, зла на нее Всеволод не держал. Из депрессии худо-бедно выбраться помогла, а погасить любовное пламя удалось на удивление просто – чего страдать и маяться из-за пустого человека?.. Ежели легкомысленная дурочка – так то до прихода мудрой старости; ну а коли стерва... Стервой баба перестает быть лишь на последнем вздохе.

Подполковник медленно провел ладонью по колючей щеке; не обращая внимания на автоматный ствол, тут же обратившийся черным «зрачком» в его сторону, потер воспали-

ные глаза; переменил позу, чтоб не затекало раненное колено. И принялся вспоминать о своей Виктории...

Нынешнюю свою ненаглядную любовь – Вику, он приметил давно. Стройная, сероглазая шатенка – жена одного из директоров банка соседнего городка, приглянулась сразу, едва устроилась работать врачом в медсанчасть их гарнизона.

И случилось это аккуратно через три года после ухода жены...

Работая врачом-терапевтом в медсанчасти гарнизона «Южный», Вика прекрасно знала весь состав отряда особого назначения. Проверяя давление и пульс каждому, кто проходил регулярные обследования, она нередко выслушивала комплименты, анекдоты и прочую ерунду. Изредка кому-то отвечала, с кем-то не разговаривала никогда, но, глянув в лицо любому, зашедшему в терапевтический кабинет спецназовцу, миг безошибочно вспоминала имя, фамилию, должность и звание.

Ей было около двадцати шести. Девушка неброской, но мягкой красотой и удивительным обаянием привлекала многих. Острый ум и неизменное чувство юмора, позволяли, тем не менее, постоянно блюсти дистанцию, тактично усмирять пыл некоторых отважных и восторженных поклонников из числа рядовых, сержантов и офицеров...

Она долго и внимательно присматривалась к Барклаю. Возможно, актерской или журнальной красотой тот не бли-

стал, но обладал именно той привлекательностью, которая сводит женщин с ума зачастую быстрее и основательнее. Статный, широкоплечий; с короткими, но густыми волосами; с приятным бархатным голосом; с умным взглядом выразительных, зеленовато-карих глаз. Не раз она любовалась мускулистым загорелым телом, когда офицер, раздетый до пояса, стоял перед ней на очередной комиссии и дышал полной грудью; не раз терялась под его пронизательным взглядом...

Будучи много старше ее мужа, Всеволод развелся с женой и засиделся в бобылях, не торопясь исправлять положения. Порой молодая женщина порывалась спросить: отчего до сих пор один? Почему не найдешь близкого человека?.. Не смотря на иерархию и законы субординации, Виктория легко бы задала подобные вопросы кому угодно – ей сошло бы; да и вряд ли игривое любопытство обидело бы кого-то. Но в общении с Барклаем, что-то сдерживало и подавляло привычную смелость.

Увы, далеко не все складывалось в ее жизни. Скольких нервов стоила супругам неудачная беременность Вики. В гарнизоне никто не узнал о трагедии ее семьи. Ни один человек не догадался о беде, кроме Всеволода...

Вернувшись из больницы, она вышла на первое дежурство. Едва высохли слезы, как мысли о несостоявшемся материнстве, вновь заволакивали глаза предательской влагой. Бойцы шумно вваливались в плохо освещенный кабинетик,

балагурили, шутили – подошел срок очередного медицинского освидетельствования... Барклай же, появившись как всегда тихо и молча, привычно уселся на стул, опустил на край стола мускулистую руку с завернутым рукавом камуфляжной куртки и почему-то надолго задержал взгляд на лице врача-терапевта, пока та отсчитывала пульс. Заполняя журнал, Виктория уронила слезу на строчку с его фамилией. Вся страничка была уже в маленьких мокрых кружочках...

Когда иссякла очередь за дверьми кабинета, подполковник неожиданно вернулся и опять безмолвно сел перед ней.

– Вы же прошли комиссию, Всеволод... – прошептала она, отвернувшись к темному окну.

Он осторожно положил теплую ладонь поверх прохладной женской руки и, погладив, слегка сжал...

Никому она не позволяла прикасаться к себе, но девушка уже достаточно хорошо знала этого человека, чтобы понять – не было в том поступке ничего, кроме искреннего желания помочь, утешить, подбодрить... Конечно же, он не ведал причин, катившихся по щекам слез, но не лез с расспросами, а просто видел и ощущал, как ей плохо.

Через минуту офицер вышел, так и не проронив ни слова.

Медленно повернув голову, Виктория обнаружила лежащий на мокрой журнальной странице первый весенний тюльпанчик. Из-под нежного цветка выглядывала маленькая шоколадка.

Рука еще долго сохраняла теплоту сердца Барклая...

«Да, все правильно... Человек любит и чувствует сердцем, а мозги так и норовят включить сомнения. Мешают, тормозят естественные процессы. Черт бы их побрал, эти мозги!...» – снова подумал подполковник и попытался растянуть в улыбке опухшие губы.

– Хотелось бы знать, черт побери... – вдруг мечтательно произнес Толик.

– О чем? – вернулся в действительность Барклай.

– Кто у нас Ириной родится, – вздохнул капитан. – Пацан или девчонка...

В другое время командир непременно что-нибудь сказал бы по этому поводу – подбодрил бы, успокоил будущего отца. Но теперь решил воздержаться, промолчал...

В этот миг за дверным проемом каменной лачуги замельтешили чьи-то тени, послышались громкие голоса. Охранники встали с насиженных мест, повесили автоматы на плечи.

Подняли поникшие головы и пленники.

– Выходы по одному! – послав смачный плевок внутрь хибарки, скомандовал самый бойкий чеченец с жиденькой бородкой и в темных очках.

Звякая цепью, офицеры медленно направились к открытой двери. На выходе из каменного сарайчика каждому связывали руки и снимали с ног металлические манжеты. И вскоре троицу пленных, подталкивая в спины, вели к центру бандитского лагеря...

Опять оказавшийся в связке первым, Всеволод выглядел хмурым и злым. Но отнюдь не от предчувствия близкой смерти. Причиной тому служило осознание собственного бессилия перед обстоятельствами. Ведь именно оно – бессилие, является самой страшной мукой для сильных людей. Ничто другое так не страшит и не опустошает их, как понимание своей неспособности изменить грядущие события...

* * *

В глубине обширной, слегка пологой поляны, вокруг которой вытянутой дугой располагался лагерь, уже поджидала толпа рядовых боевиков. Их предводитель – хмурый кавказец с двумя седыми прядками в черной бороде, привычно устроился в старом кожаном седле, брошенном на траву между двух высоких древесных стволов.

Под одобрительные выкрики и злые усмешки толпы спецназовцев вытолкали на середину.

– Интересно... И каким же способом они нас?.. – проворчал Толик, избегая произносить самое неприятное слово.

– Не терпится узнать? – покривился Барклай и осторожно покосился на лейтенанта.

На том не было лица – бледные губы подрагивали, испуганный взгляд метался по округе... Метался до тех пор, пока не уперся в того фраера в темных очках и с редкими круп-

ными зубами, что живо распорядился у лачуги. Похоже, и здесь – у места предстоящей казни, роль «дирижера» принадлежала ему.

Редкозубый, беспрестанно поправляя на плече американский пугач – бестолковое в серьезных перестрелках помповое ружье, прошел мимо юного лейтенанта и, остановившись против подполковника, процедил:

– Ты умрешь последним.

– Отчего такая щедрость? – ухмыльнулся в ответ Всеволод.

– Ты же главным был у неверных? – оскалив ряд отвратительных зубов, проявил тот паразитическую догадливость. – Вот и посмотришь сначала, как твои люди выпускают дух.

– Мы все умрем одинаково – молча. Так что не надейся на спектакль.

Засмеявшись с нарочитой громкостью, бандит обернулся к соратникам и крикнул по-чеченски:

– Героя из себя строит! Сейчас посмотрим на смерть русского героя.

Чеченский язык Барклай понимал неплохо – сказывались годы, проведенные в этой республике.

– Знаешь, абрек, что я тебе скажу на прощание?.. – чуть подавшись вперед, таинственно молвил он.

– Ну? – сверкнули недобрим любопытством черные, маленькие глазки.

– Заряди эту американскую берданку самой крупной кар-

течью и отстрели себе яйца! Чтоб ваши бабы таких уродов больше не рожали.

Моджахед позеленел от ярости и, сорвав с плеча куцее ружьишко, вознамерился угостить пленного прикладом.

– Вахид! – послышался повелительный оклик сидевшего на кожаном седле амира, вероятно не желающего портить отлаженной «театральности» зрелища.

Распорядитель остановился, что-то пробормотал сквозь неровные зубы и послал второй плевков в сторону русских.

Стоявший в центре тройцы Терентьев беззвучно ржал...

– Умешь ты, Барк, теплое словцо людям сказать. Особенно при расставании.

Теперь от усмешки не смог удержаться даже лейтенант. Усмешка хоть и вышла вымученной, да видно подействовало поведение не падавших духом старших товарищей – губы уж не дрожали, взгляд стал осознанным.

– Людям... – проворчал подполковник. – Где ты их тут увидел? Людей-то?..

– Раз такой умный – примешь сметь первым! – прошипел смуглолицый фраер.

По его команде двое боевиков вцепились в одну руку подполковника, двое схватились за другую. Отсоединив его от общей связки, поволокли к ближайшему дереву...

По прошествии нескольких минут Барклай напоминал распятие – не хватало лишь исполинского креста за спиной, да тернового венка на коротко остриженной голове. Правое

запястье было накрепко привязано толстыми веревками к стволу старого кряжистого дерева, левое – к упряжи нетерпеливо топтавшегося на месте могучего гнедого жеребца. Рядом с конем, скучая и удерживая повод, стоял одноглазый чеченец преклонного возраста – терпеливо ждал приказа амира.

Все было готово для начала казни.

Араб на миг задумался, припоминая, что говорил своим людям пару дней назад; привстал с седла, мысленно подбирая свежие фразы...

– Братья! Единоверцы! – начал он со своего обычного обращения, но после небольшой паузы, повернул речь в глубокую историю: – Уже через восемнадцать лет после смерти Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), мусульмане, ведомые достопочтенным Са'дом ибн абу Ваккасом, отправились к восточному побережью Китая, где получили разрешение императора поселиться и построить мечеть, которая стоит и по сей день. Тогда мусульманам казалось, что жизнь среди иноверцев не создаст для них неразрушимых проблем. Однако все обернулось иначе...

Терентьев с Кравцом поглядывали на командира, и во взглядах этих смешалось все: ожесточение на горцев за дикие нравы, злость на собственную беспомощность; сочувствие.

Барк стоял широко разведя руки. Битюг нехотя переступал передними ногами, ковыряя копытами землю; и когда

мощное тело ненароком отодвигалось слишком далеко, веревка, схваченная одним концом за постромку, а другим за левое предплечье мужчины, натягивалась, норовя вырвать или покалечить сустав. Подполковник морщился от боли и, напрягая мышцы, пытался удержать коня от перемещений...

Путаная, пространная речь местно предводителя завершалась.

Он декларировал последнее воззвание; заученно выкрикивал последний лозунг, как всегда призывающий братьев к смертному бою с неверными...

Наконец, усевшись в распластанное на траве седло, полевой командир привычно кивнул одноглазому конюху.

Тот, что-то пробормотав в ответ, так же привычно шагнул в сторону от приговоренного к смерти; поддернул повод и увлек за собой жеребца.

Всеволод поднатужился, побагровел, пытаясь согнуть в локтях руки...

Но силы были не сопоставимы – раздувая ноздри и фыркающая, могучее животное, вероятно не замечая слабого для себя сопротивления, двинулось вперед.

Постромочный ремень, соединяющий веревочное подобие хомута с вальком, съехал до предела назад. Прочная веревка сызнова натянулась струной...

Лейтенант Кравец, будто нутром слыша трещавшие связки командира, порывисто отвернулся и закрыл глаза; Терентьев тяжело дышал, скрежетал зубами и выдавливал ядерные

матерные словечки...

И вот, когда уж, казалось, плечи крепкого русского мужика не выдержат, и одна из конечностей вот-вот выскочит из сустава, изрядно окропляя сочную зелень поляны кровью из разорванных артерий, конь внезапно заартачился: послушавшись одноглазого, остановился.

Красивая голова гнедого жеребца поднялась, настороженно застыла; ноздри и уши пришли в движение...

Пожилой чеченец с черной повязкой на лице удивленно прикрикнул на него, настойчивее потащил вперед...

Но тщетно. Чем-то обеспокоенное животное выполнять чужую волю не торопилось.

Подав голос и Араб – заминка показалась странной и несвоевременной. Конюх быстро ответил и с удвоенной энергией налег на повод. На помощь ему спешил распорядитель казни – редкозубый кавказец с помповым ружьем за плечом.

И тут до слуха бандитов, находившихся на нижнем краю поляны, донесся мерный рокот вертолетных двигателей. Амир немедля вскинул вверх правую руку, призывая соплеменников к тишине; прислушался...

Гул стремительно нарастал и, судя по его многоголосию, к склону приближался не один, а несколько вертолетов.

Бандитский лагерь, еще минуту назад степенно ждавший кровавого зрелища, разом пришел в тревожную суету: кто-то отдавал команды, кто-то бежал с докладом к амиру, кто-

то шелкал оружейными затворами и магазинами...

Встрепенулись, закрутили головами и русские офицеры – усиливавшийся с каждой секундой звук был до боли узнаваемым; миг в сердцах затеплилась надежда. Один лишь Барк по-прежнему боролся за свою жизнь – испуганного коня, не желавшего стоять на месте, едва удерживал одноглазый хозяин.

Из-за верхушек кедров внезапно вынырнула первая пара пятнистых вертолетов. Хищные удлинённые тела «крокодилов» быстро прошли параллельно склону. За ними показалась вторая пара – на той же высоте и скорости парили «эмтэшки».

Возможно, летчики и не заметили бы разбитый вокруг поляны и неплохо замаскированный лагерь, да Араб явно дал маху – не успел охладить воинственный пыл свои молодцов. Вслед каждой винтокрылой машине потянулись десятки едва различимых на фоне голубого неба бледно-желтых трасс.

Пилоты легко определили зону, откуда велся огонь, и ведущий первой пары, заломив приличный крен, вывел звено на боевой курс для ответной атаки...

Терентьев опомнился первым. В отличие от недвижимого Барклая, все еще напоминавшего распятие, капитан с лейтенантом могли передвигаться. Руки их были связаны – обоих соединяла веревка, однако ноги оставались свободны. Толик потянул за собой растерявшегося лейтенанта, подскочил к повисшему на жеребце одноглазому чеченцу, двумя руками

выхватил у того из-за пояса нож и ринулся к командиру.

В этот миг и оглушил первый взрыв.

Никто не предполагал такого поворота событий: ни русские пленные, ни хозяева лагеря – чеченцы. Все смешалось, все пришло в движение от серии беспорядочных разрывов неуправляемых реактивных снарядов, выпускаемых сначала первой парой вертолетов, затем второй. Все вокруг стало напоминать ад...

Когда натянутая жеребцом веревка была перерезана, подполковник не удержался на ногах – упал на колени и схватился за левое плечо. Капитан, тем временем, торопливо резал узел, стягивающий руки лейтенанту.

Скоро оба освободились от пут и тащили Баклая к небольшой лощинке, где можно было укрыться от свистевших над головами осколков.

Вертолеты сделали второй заход, расстреливая теперь окружавший поляну лес.

– Это полдела. Это только половина... – задыхался от боли подполковник. – Еще надо умудриться смыться отсюда, чтоб чичи не заметили, и свои не укокошили...

– Что-нибудь придумаем! – запальчиво кричал Терентьев сквозь грохот, пригибая голову Кравца поближе к земле. – Ты как, Барк? Идти можешь?

– Куда я денусь!..

Но и дальнейшие события продолжали поражать троих офицеров своей непредсказуемой стремительностью. Верто-

летное звено после второго захода внезапно переменяло тактику: два Ми-24 и один Ми-8МТ зависли на удалении пятисот метров от склона и поливали лес из пулеметов. Вторая «восьмерка» снизилась и аккуратно подползла к самому краю поляны; и ее курсовой пулемет так же коротко огрызнулся прицельными очередями.

– Сева! А ведь это за нами!! – радостно заорал капитан. – За нами пришла вертушка! Чтоб мне лишиться одного яйца, Сева!..

Вскочив и пригнувшись, спецназовцы побежали к окраине леса, где мелькали в бешеном вращении лопасти «эмтэшки». Вертолет медленно приближался к оконечности поляны и завис, наконец, едва касаясь левым шасси склона. Однако стоило троице пленных оказаться в поле зрения экипажа, как машина резко отпрянула в сторону, развернулась носом, закачалась в воздухе...

– Свои! Мы свои!! – неистово размахивая руками, орал Терентьев. – Мы здесь!! Нас-то заберите, е... вашу мать!..

– Стреляют по ним, не видишь?! – рывкнул ему в ухо Барклай. – Дай-ка мне эту хрень!..

Выхватив у капитана трофейный нож, он ловко подбросил его здоровой правой рукой, перехватил поудобней и, развернувшись, с силой куда-то запустил...

Из-за толстого кедрового ствола, держась за рукоять торчащего в груди ножа, покачиваясь, вышел кривозубый распорядитель казни. Темных очков на удивленном лице уж не

было; квадратная бородка пиняла горизонтальное положение; помповое ружье выскользнуло из рук... Сделав несколько неуверенных шажков, приближенный Араба рухнул на землю.

Тотчас вертушка поплыла обратно к склону. Дверка с круглым иллюминатором быстро отъехала назад; крутанувшись, упал металлический трап в три ступени, приглашая в спасительное нутро грузовой кабины. Офицеры один за другим запрыгнули внутрь. Всеволод упал на откидное сиденье и вновь схватился за покалеченное плечо; лейтенант застыл у желтой топливной бочки и бездумно водил из стороны в сторону широко открытыми, осатаневшими от неожиданного спасения глазами. И лишь расторопный капитан, не потерявшись, схватил протянутый пожилым бортехником автомат, присел у открытой дверцы на колено и, стал яростно поливать свинцом удалявшиеся заросли...

Спустя двадцать пять минут звено вертолетов подлетало к окраине Ханкалы. Барклай подошел к пилотской кабине, навис над техником и протянул командиру здоровую руку:

– Спасибо, парни. Век вас не забудем.

– Не за что, товарищ подполковник. Мы и сами рады такой удаче. Не чаяли уж вас найти, – ответил крепким рукопожатием управлявший вертолетом молодой человек с приятной, располагавшей внешностью.

Поочередно пожимая ладони и другим членам экипажа,

Всеволод искренне удивился – авиаторам откуда-то было известно его звание.

– Выходит, вы нас искали? – уставился он на командира.

– Само собой! Задачу нам утром поставили, район для поиска приблизительный обозначили.

– А кто ж ставил задачу?

– Нас-то командир полка отправлял. А ему, вроде, распоряжение пришло из верхов. Говорят из Управления разведки.

«Ивлев!.. – промелькнула радостная догадка, и Барк расплылся в довольной улыбке, – конечно, Ивлев! Этот генерал своих в беде не бросает. Золотой мужик!..»

– Вас как звать-то, спасители? – хлопнул он по плечу пожилого бортача.

– Меня Палычем все кличут, – пробасил тот.

– Капитан Скопцов. Максим... – обернулся на секунду командир. – А можно просто – Макс.

– Андрей, – скромно представился лейтенант, сидевший в правом пилотском кресле.

– Ну, а я подполковник Барклай. Всеволод Барклай.

– Наслышаны. Очень приятно. Случайно, не с гарнизона «Южный»?

– Точно. Оттуда. А вы откуда?

– О! Так мы, почитай, соседи! – радостно завозился на своем простеньком сиденье Палыч. – И мы с юга Ставропольского края сюда в командировки мотаемся!.. Аэродром

«Заречье» – слышали, небось, товарищ подполковник?

– Так это же действительно рядом!.. – совпадение заставило удивиться вторично. – Тогда вопрос решен – с нас три литра спирта и закуска. Встречаемся после окончания командировок!.. Всех приглашаю в гости.

– С удовольствием!

– Это дело мы уважаем!.. – заулыбались в ответ авиаторы.

Способ третий

10-11 декабря

В течение дня погода менялась – давление резко падало и к вечеру свежий, порывистый ветер натянул на северо-восточную часть Черного моря серую облачность. Подгоняя наступление темноты, ее тяжелые слои растворяли, почти не пропуская и без того слабые лучи холодного декабрьского солнца. Обширный циклон, накрывая взбалмошным краем украинское, российское и грузинское побережье, хмурил небо и бередил поверхность ледяной воды. Метеослужбы в экстренном порядке предупреждали прибрежные населенные пункты о надвигающемся шторме...

Завершая полет над нейтральными водами, Ми-8МТ, пилотируемый майором Скопцовым, выполнил последний плавный разворот и взял курс на родной берег. Погода портилась стремительно – следовало поскорее возвращаться на базу. Летчик уже подтвердил по радио информацию о преследовании сторожевым кораблем грузинских ВМС российского танкера. Наш корабль шел на приличном удалении от территориальных вод Грузии и направлялся в порт Новороссийска. Однако натянутые отношения с южным соседом в последние месяцы преподносили все новые и новые сюрпризы. Такие, как, к примеру, сегодняшний.

Два с половиной часа назад экипаж Скопцова подняли по тревоге и, вкратце обрисовав задачу, приказали выполнить разведывательный полет в данный прибрежный район. Суть задания была несложной: капитан танкера, связавшись с береговыми службами, запрашивал помощи – слишком уж нагло вели себя грузинские военные моряки. К тому же из Управления разведки сообщили: на перерез танкеру с севера движется второй сторожевик. И чем грозила завершиться данная провокация, пока оставалось загадкой. Максиму требовалось разыскать наше судно, определить место и подтвердить провокационные действия грузинских кораблей беговой охраны.

С первой задачей он справился быстро – дымка еще не успела сгуститься, и длинный корпус ржаво-коричневого цвета проявился из свинцовой серости, когда вертолет удалился от берега на сорок километров. На непозволительно близком расстоянии от него шел параллельным курсом первый сторожевик. Пилот выполнил несколько заходов над небольшим военным кораблем, неотступно следующим за танкером сзади и чуть левее. Нарочно снижаясь до предельно малой высоты, он проносился над ним, едва не касаясь винтом верхушки мачты, дабы померить пыл зарвавшихся пограничников. Затем, качнув фюзеляжем – попрощался с экипажем танкера, повернул, набирая высоту, на северо-запад – именно оттуда по данным разведки двигался другой корабль грузинских ВМС...

– Вон он чешет! – указал куда-то вправо и вперед второй пилот.

Командир чуть надавил на правую педаль, подтолкнул ручку вправо – подкорректировал курс, направляя вертолет ко второму сторожевику, резво плывшему наперерез российскому судну.

– И какого хрена привязались!? – возмутился бортач, беспокойно почесав небритую щеку. – Прямо не живется спокойно бывшим братьям... Так и нарываюся!..

– Палыч, – обеспокоено проговорил Скопцов, провожая взглядом чужой корабль, – отстрели-ка пяток ракет. Не нравится мне их поведение.

Борттехник дотянулся до прямоугольного пульта и принялся нажимать кнопки с трехсекундным интервалом. От хвостовой балки винтокрылой машины с той же задержкой стали отделяться огненные шары – сигнальные ракеты. Зачастую этот прием помогал – выпущенная по низколетящему вертолету ракета с тепловой головкой наведения ошибочно осуществляла захват ложной цели.

Не долетая до судна, вертолет выполнил левый доворот и взял прежний курс на берег. В эфир полетел короткий доклад разведчика о курсе следования и предполагаемых намерениях второго сторожевика.

«Ну, вот и отработали, скоро будем дома. До „Заречья“ час двадцать лета, – вяло проползла мысль. И сейчас же вспомнился любимый человек, дожидавшийся в его одно-

комнатной служебной квартирке; радостная волна охватила, согрела душу... Макс, сел поудобнее, чуть сдвинул блистер назад, прикурил сигарету и с удовольствием затянулся дымком. – Завтра суббота... Необходимо продумать, как провести с Александрой выходные, чтоб не заскучала, не затосковала по родной Самаре. Надобно съездить с ней в Ставрополь или в Минводы. Показать местные достопримечательности, сходить в театр, прогуляться по вечернему городу, посидеть в кафе... Скоро Новый год; отпразднуем его, разумеется, вместе – с Лихачевыми. Как хорошо, что Сашенька сдала сессию досрочно».

Да, отныне отошли на второй план те желания, те вольготные времена, когда они собирались с однокашниками расписывать пульку, а в итоге напивались в зюю. Как-то быстро и сами собой забылись устоявшиеся холостяцкие привычки, а вместе с ними и десяток длинноногих девиц, по очереди или скопом навещавших одинокого красавца по ночам и услаждавших его в постели...

Мысли вернулись к полету. Сейчас предстояло приступить к набору безопасной высоты, для того чтобы перевалить западную оконечность Кавказского хребта. А садиться на родном аэродроме придется уже в темноте...

Макс распрямил затекшую спину и вдавил кнопку «Радио» на ручке:

– «Хоста», «Пятьсот десятому»...

– «Пятьсот десятый» – «Хоста», – тут же прошелестел от-

вет в наушниках.

– Прошу выход на Адлер с набором две четыреста. Далее на Красную поляну – четыре тысячи.

– Выходите, «Пятьсот десятый» на Адлер. Две четыреста доложите.

– Благодарю, две четыреста доложим...

Палыч включил бортовые огни, подсветку панелей и приборов – в кабине сразу стало уютней...

Ночные полеты Скопцову нравились. Мерный гул двигателей, сливавшийся с тонким посвистыванием лопастей; теплая кабина; ровная подсветка. Все это создавало неповторимое, безмятежное настроение, полную независимость, оторванность от житейских проблем и внешнего мира...

И вдруг приятные размышления прервал drobный стук по фюзеляжу. Члены экипажа быстро переглянулись.

– Вот суки!.. Из пулеметов вдогон садят! – воскликнул бортач и, приоткрыв дверцу, выглянул в грузовую кабину.

Из двух отверстий в желтом топливном баке, укрепленном вдоль левого борта, текли струйки керосина. А с потолка из таких же дырок капало дымящееся темное масло...

Следующая очередь веером прошла тонкие стенки верхней части фюзеляжа. Вертолет резко дернул носом; один из двигателей надсадно завыл, тревожно замигали красные и желтые табло на приборных досках пилотов; неживая баба, «обитавшая» в бортовом речевом информаторе, вежливо завела монотонный разговор о неполадках на борту...

– Отказ левого! – четко доложит Палыч.

– Выключай! – скомандовал майор, удерживая курс машины.

Недокуренная сигарета полетела в приоткрытый блистер...

– Левый горит, – подсказал правый летчик.

– Сейчас... сейчас будет порядок... – лихо управлялся с топливными и противопожарными кранами техник. – Ну, сучары!.. Завтра всех грузин на нашем рынке поубиваю!!

– Долететь бы... до нашего рынка!.. – глядя на приборы, скептически проворчал Скопцов и добавил: – Андрей, курс на ближайшую сушу.

Поелозив пальцем по карте, второй пилот доложил:

– Вправо пятнадцать. Вот так, – отлично! Идем прямо на выступающий мыс. Удаление тридцать. Только вот мыс этот находится...

– Где он находится?

– Абхазский берег, командир. А до нашей территории от мыса еще пилить километров тридцать.

Новость не обрадовала. Подраненная «восьмерка» на одном движке, обороты которого, не слушаясь РУДа, «плавали» и едва доходили до номинала, постепенно теряла высоту.

Макс подобрал рычагом «шаг-газ» наиболее оптимальный режим и резко толкнул вперед левую педаль. Нос «восьмерки» послушно вильнул влево – вертолет полетел со скольжением. Командир оглянулся назад в выпуклый приоткрытый

блистер...

Чужой сторожевик исчез в сгущавшемся тумане, но теперь беспокоила другая проблема: за фюзеляжем раненной машины тянулся шлейф черного дыма. Вернув внимание приборам, майор покачал головой – секунды уходили, а вместе с ними таяла и спасительная высота.

– Нет, мужики, до берега не дотянем. И к танкеру уже не сможем вернуться, чтоб свои подобрали, – констатировал он крайне неприятный факт и в третий раз нажал кнопку «радио» – на сей раз для обстоятельного доклада о чрезвычайном происшествии на борту и о предстоящей вынужденной посадке на воду. Однако и радиостанция ответила молчанием.

А до поверхности холодного бескрайнего моря оставалось всего сто метров...

Через минуту вертолет выскочил из последнего, тонкого и почти прозрачного слоя дымки – море потемнело; гребни высоких волн стали еще белее. Семь лет Скопцов бороздил просторы над югом России, частенько приходилось выполнять полеты и над Черным морем, но никогда еще таившаяся в нем опасность не казалась летчику столь очевидной и близкой. Ни разу еще грозная стихия не посягала на жизнь Максима и его товарищей.

«До береговой черты километров двадцать пять, – прикидывал он, посматривая на стрелки высотомера и указателя скорости, – мы же не протянем и пяти...»

Практики посадок на воду у Максима, увы, не было – на водоплавающих Ми-14 летать не доводилось. А на нынешнем варианте исключительно «сухопутной» и отнюдь не приспособленной к приводнениям винтокрылой машины, ставить подобные эксперименты – все равно, что играть в русскую рулетку.

«Будто есть выбор... – поморщился он и с грустной иронией вопрошал: – Что я там успел запланировать на завтра? Какую культурную программу? Увы, придется перекраивать планы...»

Высота шестьдесят...

По раненному телу «восьмерки» прошла волна ощутимой вибрации – скорость полета уменьшалась. Однако тряска становилась сильнее с каждой секундой. Видно пулями была покалечена одна из лопастей.

– Палыч, иди в грузовую – займись лодкой! – скомандовал майор и крикнул вслед вскочившему бортачу: – Только держись хорошенько!

Оба пилота по очереди отстегнули лямки ненужных парашютов и приготовились к приводнению.

Высота сорок...

Из-за сильной вибрации показаний приборов разобрать уже было невозможно. Скопцов подвернул машину против ветра. Устанавливая поудобнее ноги на педалях и напрягая мышцы, с досадой подумал: «Как быстро и некстати темнеет! Если и получится сесть на воду без приключений – спа-

сателей придется подождать».

Высота двадцать...

– Отпусти ручку, сажать буду сам. Держись, за что сумеешь, а ногами упрись в приборную доску, – приказал он Андрею.

Они снижались строго против ветра. Вылетая с аэродрома два часа назад, погода казалась спокойней, а сейчас море уже не на шутку разбушевалось. Волны, гонимые шквалистыми порывами, при приближении оказались чрезмерно высокими и вряд ли позволили бы сесть, как предусматривали инструкции.

«Десять карт в левой руке... – пронеслась в его голове шальная аналогия, – я только что сказал „раз“... Но, отдадут ли прикуп?..»

Молоденький пилот молча взирал на производимые командиром эволюции вертолетом, полностью вверяя ему свою судьбу...

«Главное – притереть фюзеляж к поверхности аккуратненько и ровно. Тогда останется возможность спастись, – сосредоточенно думал Макс, просчитывая шансы. – Если сразу опрокинемся – моментально наберем воды и не успеем выбраться! Надо, чтобы машина подержалась на плаву хотя бы минуту – не хотелось бы кормить рыб в таком возрасте!»

Высота десять...

Вибрация стала ужасающей – казалось, подраненный пулями вертолет вот-вот должен развалиться на части. Но лет-

чик продолжал ворочать и тянуть на себя упрямую, ставшую тяжелой и непослушной ручку.

Быстро смахнув со лба скатывавшиеся капельки пота, он совершал последние движения рычагами управления, стараясь как можно аккуратнее примостить брюхо машины между двумя соседними, исполинскими гребнями...

– Приготовились, мужики! – процедил Скопцов, скрипя зубами и напрягаясь всем телом.

«Ну... спаси и сохрани нас Господь!»

* * *

«Прикуп мой! – едва не воскликнул Макс, – полдела сделано – мы целы! Теперь посмотрим, что за пара карт, и какую игру заказывать...»

Приводнение прошло удачно – днище фюзеляжа мягко коснулось воды и «восьмерка», проплыв по инерции с десятков метров, закачалась на высоких волнах, все еще пытаясь удержать равновесие вращавшимся несущим винтом.

– Обалденная посадка! – изумленно качал головой второй пилот, – в жизни б не подумал, что на нашем «сухогрузе» можно так...

– Пошел-пошел, Анрюха! Сейчас не время для разбора полетов – хвостовой винт того и гляди разлетится! – прикрикнул Скопцов, толкая ручку вперед, дабы рулевой винт

не касался воды. – Быстрее прыгайте с Палычем в лодку и отплывайте как можно дальше влево!..

Лейтенант мигом сорвался с пилотского кресла, но в дверном проеме задержался и напомним:

– Командир, температура воды – плюс три. У вас не более минуты.

Кивнув, майор подал ему свою куртку:

– Прихвати в лодку.

Громкого шипения сработавшего баллона со сжатым воздухом Макс не слышал, а лишь видел краем глаза, как бесформенный оранжевый мешок, болтавшийся на волнах слева по борту, быстро увеличивался в размерах и приобретал очертания вполне сносного плавсредства.

– Ну, быстрее же, мужики!.. Быстрее!.. – подгонял он членов экипажа. Те уж попрыгали в надутую лодку; Палыч взмахивал короткими веслами, Андрюха колдовал со снаряжением... А вода стремительно заполняла пилотскую кабину, и Скопцов нетерпеливо ворчал: – Быстрее гребите, мать вашу!.. Сейчас наш лайнер сменит статус, и превратиться в батискаф!.. А вместе с ним и я стану подводником!!

Наконец, лодка достигла безопасного рубежа.

Теперь успеть бы самому!

Он, выключил работающий двигатель и, уцепившись за проем аварийно сброшенного блистера, отклонил ручку управления в сторону, заваливая вертолет вправо. Лопасти с противным чавкающим звуком, с шипением и свистом засту-

чали по воде. Тело вертолета содрогнулось, точно в последней агонии; в воздухе замелькали прямоугольные обломки; на остекление блистера правого летчика накатила волна, а слева осталось только темно-серое небо...

Майор повис, подтянулся, нащупал ногами приборную доску.

Выбравшись на левый борт кабины, без раздумий прыгнул в обжигающую холодом воду...

В ледяной воде он находился не более минуты – ровно столько потребовалось, чтобы, энергично взмахивая руками достичь отплывшей от тонущей «восьмерки» резиновой лодки. Однако даже этого короткого времени хватило сполна – одеревеневшие пальцы стали непослушными и перебраться через скользкий, оранжевый борт Максим сумел лишь с помощью товарищей. И тут же сняв мокрый комбинезон, накинул свою сухую куртку...

Когда небольшая пятиместная лодчонка оказалась на расстоянии пятидесяти метров от скрывавшегося под водой вертолета, офицеры словно по команде перестали грести и, обернувшись, молча смотрели на боевую машину. Скоро фюзеляж окончательно скрылся из виду, а над поверхностью, медленно вращаясь вокруг оси, осталась пятнистая хвостовая балка, несколько секунд парившая над волнами. Но и она все быстрее проваливалась вниз, пока вода не сомкнулась над тремя куцыми обломками лопастей рулевого винта...

* * *

Свинцовое из-за непогоды небо с каждой минутой становилось тяжелее; темнело, приближая непроглядную, антрацитовую ночь. В эти минуты даже не приходило в голову, что где-то высоко – в пяти-шести километрах, тяжелая рваная муть расступается, сменяясь чистым прозрачным воздухом, и там – на этой высоте, светит красное вечернее солнце. Здесь же – внизу, трепавший лодку и поднимавший фейерверки соленых брызг ветер, стал ураганным, а порывы и во все едва не переворачивали утлое суденышко. В море не на шутку разыгрался сильнейший шторм.

Одежда трех авиаторов давно набухла от влаги и не согревала продрогшие тела. Запрятанная за пазухой техника аварийная радиостанция непрерывно передавала сигналы бедствия с того момента, как вертолет ушел под воду. Члены экипажа частенько оглядывали окружающее пространство и прислушивались, но грозный рокот бушевавшего моря не позволял разобрать других звуков.

Спасательные службы почему-то запаздывали. Конечно же, их искали – вертолетчики были в этом уверены и с надеждой ждали: вот-вот появятся огоньки заветного спасательного судна или вертолета. На коленях второго пилота лежали наготове сигнальные патроны и ракеты – лишь бы услыша-

лось нечто похожее на шум авиационных двигателей или появился силуэт корабля. Но вокруг бушевало взбеленившееся море, а завывающий ветер норовил вырвать и унести кусок паруса. Все вокруг было против них.

Еще в сумерках – до наступления ночи, Максим почувствовал сильнейший озноб. Необходимо было согреться, разогнать кровь, иначе вынужденное купание с последующим переохлаждением организма скоро сделают свое дело. И отыскав среди вороха всевозможных лодочных принадлежностей складную резиновую емкость, он принялся с монотонною быстротою вычерпывать воду со дна их надувного судна...

Температура продолжала стремительно падать. Летные комбинезоны, отнюдь не приспособленные для зимних морских прогулок, покрылись коркой льда, и затрудняли любые движения, но именно оно – движение, до прибытия помощи, оставалось единственным спасением для терпящих бедствие. Понимая это, майор периодически отдавал различные приказания, не давая друзьям забыться смертельным сном. Он, то заставлял Палыча вычерпывать вместо себя воду, то донимал разговорами Андрея. Однако силы уходили, и люди оставались беззащитными перед свирепствующим холодом.

В сгустившейся над пятиместной лодкой темноте никто не стонал, никто не жаловался – все были твердо уверены: по тревоге наверняка подняты авиация, береговые части, воен-

но-морские суда и подразделения МЧС. Потерпевший аварию экипаж давно ищут и обязательно найдут.

Иногда командир прекращал свое бесполезное занятие – вода на дне лодки не убавлялась, и требовалось перевести дух. Посидев пять-семь минут спокойно, он вдруг начинал ощущать, как сознание стремительно затуманивается и готово сдать на милость подкарауливающего сна. Тряхнув головой и растолкав друзей, отгоняя их сонливость, Максим снова продолжал работу...

Время шло, и наступала длинная, зимняя ночь, пережить которую суждено было не всем. В середине ночи внезапно захрипел и начал заваливаться на дутый, резиновый борт лейтенант.

– Андрюха! – закричал, пытаясь растормошить его, майор. – Андрюха, потерпи немного!.. Ну, давай же – очнись!

Он схватил сигнальный патрон и, отвернув герметичную крышку, рванул шнур. Сноп ярко-красного огня озарил пространство вокруг шлюпки. Передав источник освещения бортехнику, он долго растирал руки и лицо молодого парня, стремясь привести того в чувство...

Но вскоре Скопцову пришлось накрепко привязать фалом бездыханное тело молодого летчика к покатоному борту лодки...

Еще через час, во мгле ночного неба, появились огоньки долгожданного самолета. Пилот сжег еще три патрона и отправил ввысь одну за другой пять ракет. Тщетно. Потерпев-

ших аварию не заметили, но от мысли, что поиски организованы и скоро их обнаружат, стало немного легче.

Одежда оставшихся авиаторов лишь самую малость предохраняла от пронизывающего смертельным холодом ветра. Накрывшись с головой парусом, непослушными и негнушимися пальцами, они попытались зажечь сухой спирт – таблетка, с минуту померцав голубовато-зеленым пламенем, погасла. Как только Палыч замолкал, Максим яростно тряс его, вынуждая очнуться от опасного забытья. С трудом вытащив из кармана шоколадку в промокшей упаковке, он отломил от плитки несколько кусочков и заставил друга поесть. Однако ж сил, бороться со смертью, у того уже не оставалось.

– Макс, – зашептал незадолго до рассвета бортач, едва ворочавшимися губами, – кажись, конец это наш...

– Не сдавайся Палыч! Держись! – рычал майор, обращивая вокруг него свою половинку паруса. – Нас найдут! Посмотри – скоро утро, рассвет...

– Можя и найдут... Тела наши окоченевшие...

– Держись, Палыч! Потерпи еще немного! Все спасательные службы поставлены на ноги. Нас же не могут бросить на произвол судьбы!..

Командир долго и интенсивно растирал его, потом согрел лицо и руки дыханием. Палыч всегда был крепким мужиком, и на короткое время отчаянные процедуры помогли, но сам летчик все горше осознавал – если в ближайшее вре-

мя спасатели не подспеют – им не протянуть и часа.

Ему, каким-то неведомым и опровергавшим всякую логику образом, помогло скоротечное купание в ледяной воде после посадки. Вероятно, организм, благодаря столь радикальной мере в одночасье сумел настроиться на длительную борьбу с холодом, что позволило держаться дольше других. Да и на здоровье до сего дня Скопцов не жаловался. Несколько часов это спасало, но предел ощущался явственнее с каждой минутой...

Пролетавший совсем близко вертолет они заметили слишком поздно. Выпуская сигнальную ракету, майор различил даже контурные огни несущего винта. Ярко-красная точка взмыла вверх, но уже не в поле видимости пилотов винтокрылой машины. Один из двух оставшихся патронов, он за жечь не успел.

– Макс... Передай жене... – еле шептал техник, провожая взглядом последнюю надежду, – пусть детей бережет...

Под утро Палыч затих. Сил тормозить его, растирать, согревать дыханием, если тот был еще жив – не осталось.

Летчик долго сидел неподвижно с ужасом взирая, как брызги воды на лице молоденького лейтенанта, недавно – прошлым вечером, озарявшемся улыбкой в теплой кабине вертолета, превращаются в лед. Он отказывался верить в произошедшее с его экипажем; не в силах был осознать и того, что остался в безбрежном море один. «Уже второй экипаж... От меня уходит в небытие второй экипаж. Следом за

этими ребятами не станет и меня. Осталось совсем недолго...»

Небо снова окрасилось в тоскливый серый цвет – новый день занимался над Черным морем. Однако улучшения погоды этот день не принес – шторм не унимался, по-прежнему вздыбливая ветром огромные волны...

Максим уже почти не чувствовал собственного тела. Он с трудом накрылся парусом и попытался согреть дыханием руки. Мышцы сковала бесчувственная слабость, а в голове поселилось равнодушие к происходящему вокруг. Сейчас ему хотелось только одного – позарез требовалось отогреть хотя бы правую руку. Несколько раз он безуспешно тянулся ей к пистолету, спрятанному в левый нагрудный карман. Замерзшая и покрытая льдом молния не поддавалась. Наконец Скопцов сумел достать оружие, но передернуть затвор не хватало сил – ладонь, будто чужая, беспомощно скользила по гладкой вороненой стали.

«Господи... Так ведь и придется медленно умирать... Сколько еще? Полчаса, час? Вряд ли дольше...»

То ли от холода, то ли от страшной усталости сознание начинало временами расплываться. Со сном он, каким-то образом, продолжал бороться – вероятно, сильнейшим потрясением явилась недавняя смерть Андрея, но появились странные галлюцинации – то мерещились звуки низко пролетающего вертолета-спасателя, то разрывал воображение

протяжный звук корабельного ревуна. Летчик перестал верить в навязчивые призраки и сидел, глядя в одну точку. Он уже чувствовал дыхание смерти, стоявшей где-то рядом – за спиной.

«Надо сбросить с себя парус и попытаться заснуть. Тогда наступит конец мучениям...» – вяло подумал Максим, с трудом, преодолевая сопротивление обледеневшей одежды, расцепил онемевшие руки и выпустил из объятий на свободу прорезиненную ткань. Подхваченный ветром парус тут же понесло над бушующими волнами. Пилот привалился спиной к борту и стал смотреть на серые, быстро пролетавшие низкие облака...

«Так ли уж много близких людей я оставляю на этом свете?.. – медленно ворочались последние, внятные мысли, – дорогие мои... Простите за все; и ты прости меня, Александра... Не поминайте плохого...»

Штормовое море неистово кипело. Оранжевая надувная лодка, ярким цветком среди черно-серебристого поля, то взлетала вверх, перекатываясь через гребни огромных волн, то проваливалась вниз, осыпаемая седыми брызгами. Палыча он не видел, лежащий же напортив Андрей, стал напоминать глыбу льда...

Сквозь матовую пелену, уже застилавшую взгляд, Макс едва различил темное, размытое пятно, выросшее над горизонтом. До него доносились какие-то голоса – непонятная, отрывистая речь...

«Опять глумится угасающее воображение. И Андрюха, наверное, уходил так же...» – нехотя проплыла догадка с холодным, предсмертным безразличием.

Странное пятно сменилось всплывающими друг за другом, отчетливыми и полными ярких красок, фрагментами из далекого детства, юности. Последний образ, безошибочно узнанный им, ласково склонился над его лицом, горячо о чем-то зашептал...

Это была она – его любимая Александра. Должно быть, пришла проститься с ним. И майор понял: жизнь безвозвратно уходит; и больше никогда не увидит свою милую Сашеньку...

* * *

Это произошло с полгода назад – летом, когда старшего летчика Скопцова повысили, назначив командиром звена. С новым назначением пришлось сменить и экипаж, доверив старых друзей: правого летчика и ботового техника – молодому, недавно пересевшему в левое пилотское кресло командиру.

Друзья прожили без Макса неполных два месяца. В полуденную жару, заходя на посадку с приличным грузом на борту, неопытный приемник не справился с управлением тяжелой машины, и полный топлива вертолет рухнул на землю,

не дотянув до крохотной площадки. Спасти не удалось никого...

«Восьмерка» с первым экипажем Скопцова упала и сгорела в окрестностях чеченского села Харсеной в пятницу, и начальник гарнизона объявил в военном городке трехдневный траур.

Максим не имел к катастрофе ни малейшего отношения, но, стоя в почетном карауле у ряда из трех цинковых гробов, проклинал себя за данное согласие двигаться вверх по служебной лестнице. «Ну, чего ж тебе не хватало? Зачем ты ушел от ребят? Сдалась тебе эта чертова карьера – летал бы и летал с ними! Простите меня мужики! Виноват я перед вами...»

Похороны состоялись в понедельник, однако и в ближайшие недели никто из эскадрильи, трагически потерявшей троих товарищей, на увеселительных мероприятиях не появлялся. Близкие друзья скорбели по ушедшим в течение месяца – таковыми оставались давние мужские традиции большого гарнизона.

В последнее воскресенье неофициального траура Скопцов заступил в наряд начальником патруля и по долгу службы, обязан был изредка наведываться внутрь огромного клубного зала дома офицеров. Далеко он забираться не решился – затолкают, да и летный китель с красной повязкой на рукаве смотрелся нелепо среди разряженной, пестрой толпы. Войдя в очередной раз в полутемное, душное помещение,

Максим остановился недалеко от дверей и посматривал поверх голов беснующихся в быстром танце людей. Вскоре аллегро затихло, и он, все еще ощущая в ушах звон, направился к выходу из здания. «Лучше уж торчать на свежем воздухе, – подумал капитан, – да и потише будет на улице...»

– Макс! – вдруг окликнул кто-то и схватил за болтавшуюся на ремне кобуру. Перед ним возникла радостная физиономия однокашника Лешки, служившего в соседней эскадрилье и имевшего обыкновение появляться в самый неожиданный момент.

– Привет дорогой, – пропел он, протягивая широкую, как лопата, ладонь, – тут вопрос назревает...

– Пьянка, небось, опять? – с тоскливой безысходностью пожал приятелю руку Скопцов.

– Как в воду смотришь! Семь лет выпуска – забыл что ли!? «Действительно из башки вылетело! – подумал начальник патруля, – надо же, как быстро летит время...»

– Не возражаешь, если у тебя соберемся? – на всякий случай поинтересовался однокашник, прекрасно зная, что место встречи неизменно.

– К своим двадцати семи годам ты становишься деликатным, Леха. Впрочем, учиться благому никогда не поздно...

– Пообщаешься десять лет с таким чертовым интеллигентом как ты.

– ...И начать тебе стоит непременно с вежливости... Он хотел еще что-то отпустить по поводу стартовавшего

перерождения Лешки, да внезапно заметил странный и, отчасти, изумленный взгляд друга, направленный куда-то за его спину. Приятель стушевался и с завистью зашептал на ухо:

– Эх, Макс, ну и везунчик же ты! И почему к тебе так липнут красивые телки!? Смотри, какая куколка подошла, а ты, осел, ни хрена не слышишь...

Звучали аккорды медленного танца, и Скопцов действительно ничего не слышал. Обернувшись, увидел стоявшую перед ним молоденькую, симпатичную девушку в элегантном темно-бардовом платье.

– Можно вас пригласить? – еще раз, чуть громче, повторила незнакомка.

Обескураженный летчик, смотрел на оборотительную особу, отчего-то обратившую внимание именно на него – одетого в форму, но последовать за ней не мог.

Виновато улыбнувшись, мягко произнес:

– Простите ради бога, я бы с удовольствием, но...

От захлестнувшей досады из-за неловкого положения, в которое невольно ставил и без того смущенную девочку, Максим готов был провалиться сквозь землю. Не дослушав и в еще большем смятении, она повернулась, исчезая в толпе; Скопцов же, продолжал стоять, растерянно глядя вслед. Случайный свидетель драматичной сцены, сочувственно сжав локоть товарища, успокоил:

– Не переживай... На днях закончится траур, придешь сю-

да в гражданке – без погон и «маузера», найдешь эту очаровашку, и сам пригласишь! Я всегда говорил – ты у нас везунчик!..

Именно так капитан и хотел поступить. Ровно через шесть дней – по окончании скорби, приодевшись в штатское, он пришел субботним вечером в клуб. Разговаривая с то и дело подходившими друзьями, пилот, посматривал по сторонам и искал прелестную барышню в темно-бардовом платье. Вряд ли в его голове витала мечта познакомиться со столь красивой, но совершенно юной девушкой, однако извиниться и загладить вину за неуклюжий, вынужденный отказ, возжелал непременно...

Вскоре он заметил ее. Она скромно стояла возле широкой колонны, вместе с Анастасией – женой одного из авиационных инженеров. Подойдя чуть ближе и дожидаясь медленного танца, Скопцов стал осторожно рассматривать девочку, сменившую бархатное платье на светло-голубые джинсы и белую кофточку. Стройная, чуть выше среднего роста, с правильными чертами лица, она, на первый взгляд, походила на интригующую модель с обложки журнала. Что-то неуловимо знакомое присутствовало в ее облике... Да-да, безусловно – она была очень похожа на Настю! Только длинные и густые темные волосы, аккуратно забранные назад и уложенные в тугую змейку, отличали ее внешность от находившейся поблизости молодой женщины.

Наконец пилот услышал звуки спокойной музыки и отча-

янно пошел в наступление.

– Добрый вечер, – тихо поздоровался он и, обращаясь к Анастасии, спросил: – позволишь пригласить твою спутницу?

– Здравствуй Максим, – приветливо улыбнулась она, – тебе не могу отказать. Только верни мне ее потом.

– Можно вас? – виновато улыбнулся капитан девушке.

Но та вдруг вызывающе спрятала руки за спину и, взглянув на него не то с обидой, не то с дерзостью, отрезала:

– Извините, но мы уже уходим.

– Куда уходим!? Мы же только пришли! – оторопела Настя. – Что с тобой, Александра?..

– Пойдем! – решительно повторила та и двинулась к выходу.

Пожав плечами и сочувственно посмотрев на молодого человека, приятельница по-дружески коснулась его руки. Ему же ничего не оставалось, как проводить взглядом обиженную девицу и, в полном недоумении спешившую следом, давнюю знакомую – Анастасию...

Способ четвертый

13-14 декабря

Генерал-майор Ивлев устало провел ладонями по мясистому, загорелому лицу. Вздохнул, откинулся на спинку кожаного кресла; бросил руки на колени и покачал головой...

– Не верю своим ушам, Сева. Ты – самый, что ни на есть боевой офицер и вдруг... отказываешься, – уставился он на визави – плотного подполковника, сидевшего через начальственный стол, в чуть меньшем кресле для посетителей.

– Вы извините, Павел Андреевич, но тут такое дело... – стыдливо отводя взгляд в сторону, начал сбивчивое объяснение Барклай. – Рапорт, одним словом, я написал. Он уж пошел по инстанциям: либо здесь – в Ставрополе, либо в столицу отправился.

– Какой еще рапорт?

Всеволод тоже вздохнул:

– Об увольнении.

– Вот оно что. Неужто, на покой собрался?

– Вроде того. Устал. Набегался. Да и сколько можно по госпиталям-то мотаться? Хватит уж...

– На счет госпиталей – согласен. Сочувствую. Как плечо-то, – не беспокоит?

– Ноет иногда. Под серенькую погоду.

– Да уж, – генерал покосился в сторону окна. Погода на улице была как раз «серенькой». – А сустав? Коленный сустав подлечил?

– С коленом получше – почти забыл. Повезло в последний раз, пуля только кожу рассекла, да хрящ чуток повредила.

– Повезло... – усмехнулся тот, вставая из-за стола.

Неторопливо и вразвалочку пройдясь по кабинету, Ивлев в задумчивости остановился у одного из шкафов. Упрекать подполковника в желании покончить с войной, отдохнуть, пожить по-человечески – не поворачивался язык. Уж кто-кто, а он-то этот отдых по праву заслужил своей кровушкой!..

Спохватившись, начальник разведки резко обернулся:

– Коньячку хочешь?

– А, давайте!.. – махнул рукой собеседник. – Настроение подходящее – до поросячьего визгу напиться хочется!

Хозяин кабинета быстренько извлек из маленького бара бутылку, пару стопок, лимон на простеньком блюде...

– Поруби-ка его; я пока разолью, – воодушевился он, расставляя на столе нехитрые принадлежности. Спустя минуту поднял свою рюмку и, посмотрев прямо в глаза давнему знакомцу, значительно произнес: – Ну, давай, Сева, за тебя. За то, чтоб нашел, значит... себя на гражданке! Давно тебя знаю, уважаю и... в общем, желаю тебе удачи от всего сердца.

– Спасибо, Павел Андреевич.

Выпив и смачно закусив сочным лимоном, мужчины нето-

ропливо закурили...

Их приятельство хоть и было давним, да всегда ограничивалось встречами исключительно по служебным вопросам. Да, случалось и раньше потреблять крепкие напитки за одним столом. Но все больше на похоронах, поминках... Однако уважение с доверием присутствовали в их отношениях всегда – этого было не отнять.

– Ты, помниться, холостяком был. Ничего с тех пор не изменилось?.. – улыбнулся генерал-майор, немного ослабляя узел галстука.

– Изменилось... Кажется, нашел хорошего человека. Настоящего.

– Вот это другое дело! Надежные тылы завсегда мужику нужны! И военному, и гражданскому.

– Само собой. Только и о тылах этих иногда следует позаботиться, войти в их положение. Каждый раз со слезами провожает в командировки – она, тоже человек.

– Это верно. Давно знаком-то с ней?

– Давненько. Скоро год.

– Стало быть, и детей пока нет...

Распинаться о подробностях их странного с Викторией знакомства, о том, что она замужем – Барк не хотел. То ли сам еще толком не верил в счастливый финал истории, то ли побаивался взглянуть...

Оттого и ответил просто:

– Не успели.

Они молча выпили по второй, после чего, Ивлев продолжил расспрашивать гостя о житейских планах...

– Куда же решил податься? Жилье-то имеется? Или в «Южном» гарнизоне останешься, в хрущевке?

– И над этим еще следует подумать.

– Там и работы, небось, сейчас не сыскать, – деловито рассудил разведчик, прикуривая следующую сигарету.

– Не пропаду. И без работы не останусь. Вон сколько нынче охранных агентств развелось! Пристроюсь...

– Да... времена! На груди места нету, чтоб ордена вешать и... в охранное агентство – ушлым дялягам и пацанам в костюмчиках кланяться!..

Не понимал Барклай: то ли генерал и впрямь пытается докопаться до причин, побудивших расстаться со службой, или же вкладывает в свои вопросы и фразы иронию, не одобряя сего решения. Всеволод никогда не разбирался в тонкостях человеческих отношений, не любил дебрей психологии. Более двадцати лет провел в армейских коллективах, где все было ясно, точно, прямо...

А тут немного растерялся – не мог разобрать, есть подвох, иль нету?.. Оттого и злился на самого себя.

Спустился полчаса, когда пустая бутылка перекечевала обратно в бар, они прощались.

– Ну, что ж, всего тебе наилучшего, Всеволод. Жди приказ об увольнении, отдыхай... И нас – старых вояк не забывай, – с грустью в голосе напутствовал Павел Андреевич.

Он пошел к подполковнику, протянул руку...

Вставая, Барк подался вперед, наклонился над начальственным столом и... случайно наткнулся взглядом на листок бумаги с распечатанным текстом, лежащий отдельно от толстой стопки документов.

Генеральская ладонь неловко повисла в воздухе, а офицер спецназа отчего-то заинтересованно уставился в одну из выделенных красным маркером строчек, что ровными рядами пестрели под грифом «Для служебного пользования». Рассмотреть интересующую надпись не получалось. Тогда, не обращая внимания на недоумение Ивлева, он бесцеремонно пододвинул и развернул листок к себе...

– Майор Скопцов?! – прошептал подполковник. – Тот был капитаном... А как зовут этого Скопцова?..

– Максим Сергеевич, – удивленно откликнулся разведчик, заглянув в другую распечатку.

– Макс?! – вновь опустил в кресло Всеволод. – Вот зараза!...

– А ты, выходит, с ним знаком?

– Так и знал, мля! Ну, так ведь и знал, что ничего не выйдет из этой затеи!..

– Ты о чем, Сева? О какой затее?..

Однако Барклай уже не слушал собеседника. По враз посеревшему лицу пробежала тень сомнения, отголоски каких-то мучительных, но поспешных раздумий...

Наконец, на что-то решившись, он громко шлепнул тяже-

лой ладонью по столу и выдохнул:

– Пишите, товарищ генерал!

– Что писать? – опешил совершенно сбитый с толку Ивлев.

– Фамилию мою вписывайте в боевое распоряжение.

– Фамилию?! Вот ни хрена себе! Что-то с тобой, брат, трудновато становится работать!.. То на пенсию, то в боевое распоряжение... Ты бы уж определился – дело-то нешуточное... – ворчливо удивлялся тот, усаживаясь на место, водружая на нос очки и закапываясь в ворохе бумаг.

Но теперь он не собирался скрывать своего довольства – если предстоящую операцию возглавит опытный Барклай, появится реальный шанс на ее успешное завершение.

– Так ты объяснишь мне, старому дурню, что же так резко повлияло на твое решение? – с дружеской сварливостью поглядывал начальник разведки поверх роговой оправы очков. – А то я, понимаешь, битый час его уговаривал и все бестолково; а тут увидел фамилию какого-то летуна и враз согласился.

– Жизнью я этому летуну обязан, Павел Андреевич. Он нас тогда троих в самый последний момент из лап Араба вытащил, рискуя собственной головой.

– А-а... это в последний-то раз – в сентябре!.. Ясно. Тогда вопросов больше нет, – кивнул генерал и стал негромко пояснять, что-то быстро заполняя в отпечатанной на стандартном листке форме: – Боевое распоряжение для твоей группы

мы подготовим к завтрашнему утру. Вертолет Скопцова не вернулся с боевого задания – упал в море где-то неподалеку от Абхазского побережья...

– Про катастрофу вертолета я слышал, но не знал, кто его пилотировал.

– Данными о том, что кто-то из экипажа остался жив – мы не располагаем. Есть лишь предположения, догадки – там неподалеку парочка грузинских военных кораблей курсировала. Поэтому, не мешало бы проверить, убедиться...

Развернув и подвинув к подполковнику карту, он очертил карандашом небольшой район в северной Грузии.

– Здесь по данным аэрокосмической разведки находится непонятное поселение, похожее на лагерь военнопленных. Сюда тебе и предстоит наведаться, аккуратно последить, выяснить и, при наличии положительного результата, принять нужное решение.

– Ясно, – кивнул тот.

– Вылет группы, скорее всего, завтра во второй половине дня. Собраться успеешь?

– Не проблема.

– Задание нелегкое – предупреждаю сразу. К тому же на чужой территории. Если, не дай бог, что случится – тебя и твоих орлов там никогда не было. Понял? Ну, а ежели кто попадется...

– Понятно. Не в первой.

– Нет, Сева, такого задания я не припомню. Поэтому...

коль не получится его выполнить – строго на взыщю. В общем, слушай меня внимательно...

И, отодвинув в сторону карту с писаниной, он принялся обстоятельно объяснять тонкости разработанной его управлением операции...

* * *

За ночь Ивлев позвонил трижды, поторапливая Баркляя со сборами и стартом. Потому вместо запланированного на следующие сутки вечернего вылета, группа прибыла на аэродром ранним, морозным утром.

«Лесорубов» в кабине находилось ровно двенадцать. Именно так называли местные авиаторы своих соседей – спецназовцев, и именно столько их насчитал второй пилот, руководивший посадкой и размещением пассажиров в десантном отсеке вертолета. В соответствии с должностными обязанностями Серега – молодой лейтенант, отвечал так же и за проведение инструктажа на всякие «пожарные» случаи в полете. Однако ж никто и никогда этих умных фраз, прописанных в инструкции экипажу, из уст правых летчиков или бортовых техников не слыхивал. «Хрен они че поймут... – ворчали те, усаживаясь в пилотской кабине и застегивая на груди ремни парашютов. – Вы посмотрите на них! Ни ума, ни мыслей, ни проблеска интеллекта. Одна злоба, мускулы,

да навороченное оружие неизвестной конструкции».

И вот уже с четверть часа рослые, плечистые и отлично экипированные парни в пятнистой форме сидели вдоль правого борта на откидных сиденьях. Сидели, молчали и терпеливо ждали высадки в заданном районе...

Возглавлял группу, в составе которой были и капитан Терентьев, и лейтенант Кравец, подполковник Барклай. Весть о его увольнении давно разнеслась по гарнизону «Южный», и тем удивительнее для подчиненных стало внезапное решение ветерана отметить в горячей точке еще разок. Скоро их удивление сменилось радостью – старый, проверенный и надежный командир всегда лучше, чем любой новый. Пусть семи пядей во лбу, но не знакомый...

Всеволод как всегда устроился рядом с переборкой, отделявшей грузовую кабину от пилотской, прямо напротив выходной дверки. Колени привычно сжимали стоящий вертикально автомат; мысли то и дело возвращались к единственно любимой женщине...

Барклай не был героем в отношениях со слабым полом – вечно стеснялся ляпнуть чего-нибудь эдакое... из лексикона своих орлов; опередить события или, напротив – чего-то недосказать, недоделать. И с ней, по мере укрепления отношений, вел себя сдержанно, долго не веруя, что неотразимая особа одарит серьезным вниманием; что встречи с ним – не прихоть скупающей и уставшей от роскоши светской краса-

вицы, а следствие зародившегося ЧУВСТВА.

Однако чувство к простоватому, сильному мужчине, на висках которого уж пробивалась седина, вероятно, все же имелось и становилось с каждым днем очевидней. То ли Виктория устала от общества инфантильного, изнеженно-го офисной стерильностью мужа; то ли до боли ощущала нехватку чего-то важного в жизни. И этим важным внезапно повеяло от нового знакомства...

Всеволод не ведал причин, побуждавших девушку мчаться к нему на свидания, или звонить в штаб бригады – разыскивать, подчиняясь простому желанию услышать его голос. Удивленно улыбаясь радостному осознанию, что стал вдруг кому-то необходим, он и сам с радостью приходил к ней в кабинет, ехал в центр небольшого городка на свидание, или готов был болтать с ней о чем угодно по телефону в любое время суток.

Постепенно и его симпатия переросла в глубокое, изумляющее новизной чувство. Он мог поклясться, что такого ощущения не испытывал даже к бывшей жене – ни до того как они стали супругами, ни после. Видать, дорос до настоящей любви лишь к своим сорока...

Потом случилась легкая заминка с мужем Вики. Банкир очнулся, занервничал, внезапно догадавшись: сероглазая куколка, всегда удобно пребывавшая под боком, неизменно встречавшая вечерами и кормившая вкусными ужинами, ускользает, перестает быть его собственностью.

В тот день Барклай прогуливался с ненаглядной Викторией, бережно держа ее под руку, слушая беспечное щебетание... Внезапно четверо молодцов, выскочив из тормознувшей рядом иномарки, окружили; с недобрыми взглядами подошли вплотную; оттеснили, перепугано умолкшую девушку.

Спецназовец ухмыльнулся и, долго не раздумывая, двинулся на парней – плевать ему было, кто они такие, по чьей наводке появились, чего хотят. Не дожидаясь объяснений, он сходу уложил правой «пивной кружкой» ближайшего; с разворота опрокинул жутким ударом ноги второго... Двое других отпрыгнули в разные стороны; тот что был заводилой, недоуменно крикнул:

– Ты с южного гарнизона, что ли, мужик?! Спецназ?..

Мужик молча направился к вопрошавшему...

– Все-все!! Вопросов больше нет! – выставил вперед ладони молодой бандит. – Это ошибка!.. Слышь – ошибка!!

Главарь быстро помог встать на ноги мычащему и зажимавшему окровавленный рот ладонями товарищу.

– Давид мог бы предупредить, мля... козлина... – корчась от боли, ворчал усаживаясь в машину тот, что получил смачный пинок в печень.

Через несколько секунд иномарка умчалась в неизвестном направлении. Всеволод вернулся к девушке, сизнова взял ее под руку. А она дрожащими губами пробормотала:

– Они упомянули моего мужа. Мужа зовут Давид... Это

его рук дело!..

– Что это меняет?.. – пожал он плечами.

Но он оказался не прав – почему-то упрямо сбивала с толку уверенность: Виктория никогда не решиться расстаться с роскошным и уютным банкирским гнездышком. Однако то событие круто изменило ее отношение к супругу – спустя две недели, собрав самые необходимые вещи, она от него ушла...

Ми-8 летел на предельно-малой высоте, плавно огибая возвышенности. Под голубым брюхом винтокрылой машины стремительно проносились пролески, густые кедрачи и голые серовато-коричневые склоны. До точки десантирования группы спецназа, что располагалась в пяти километрах от Российско-Грузинской границы, предстояло лететь еще две-три минуты, когда из лесистого ущелья бесшумно вылетело узкое длинное тело ракеты ПЗРК. Оставляя дымный след над высокими кронами, ракета быстро набирала скорость и нагоняла уходящий за отлогий край ущелья вертолет.

Жесткий хлопок по левому борту резко дернул машину вправо и спокойная обстановка в кабине экипажа мгновенно сменилась слаженной авральной работой – пилоты инстинктивно давили ручку в противоположную сторону, пытаясь выровнять «восьмерку». Опытный бортач вскочил со своего места и, простирая руки под потолок, где мигали красные сигнальные лампы, колдовал с тумблерами и кнопками. Тем

временем в наушниках все тот же бесстрастный женский голос речевого информатора монотонно вещал о «пожаре в левом двигателе».

Борьба экипажа за жизни пассажиров, за свои жизни, за спасение дорогостоящего летательного аппарата длилась недолго – запаса высоты практически не было. Вертолет терял скорость, продолжал заваливаться на правый бок, задирая при этом к ясному небу сверкавший стеклянными гранями нос...

И вот уж неистово крутящиеся лопасти несущего винта остригли верхушки деревьев, покрывающих ровным одеялом затяжную отлогость. Вот разрушился от ударов о ветви и стволы рулевой винт, а за ним разломилась и хвостовая балка; по округе со свистом разлетелись обломки. Неуправляемый фюзеляж вонзился в зеленое месиво и беспорядочно вспарывал его, пока не исчез под уцелевшими кронами.

А спустя еще несколько секунд раздался оглушительный взрыв, вознесший высоко вверх огненные завихрения вспыхнувшего авиационного топлива...

* * *

Абсолютное большинство людей в последние минуты жизни по выражению мэтров психологии «утрачивают индивидуальность». Нет, это означает не только «сходить под се-

бя». Это еще кое-что в придачу. Но некоторым индивидам, коим те же психологи посвящают диссертации и прочие научные труды, удается сохранять спасительный здравый рас-судок.

Откровенно говоря, закончить свой жизненный путь в ба-нальной авиационной катастрофе не так-то просто, как пред-ставляется многим обывателям. В каждой аварии, в каж-дом происшествии присутствует огромное количество об-стоятельств и случайностей, так или иначе влияющих на со-отношение числа трупов к числу выживших. Иногда эти об-стоятельства вмешиваются в ход событий по воле божьей, иногда согласно воле и хладнокровию тех, кто угодил в пе-реплет.

Но чтобы суметь воспользоваться данными обстоятель-ствами, желающий поспорить с капризной судьбой обя-зан находиться в непрременной готовности к подобным жи-тейским неприятностям. А уж встретив эти неприятности во всеоружии, умудриться своевременно распознать ниспо-сланные свыше и малозаметные на первый взгляд «соломин-ки». И уж тогда намертво ухватиться за них обеими руками.

Сидевший на своем излюбленном месте Барклай, успел приготовиться к падению вертушки на землю. Сильный хло-пок слева по борту вышиб ударной волной тонкий пластик в нескольких иллюминаторах; в десантном отсеке кто-то гром-ко вскрикнул, застонал, повалился на пол, должно быть, за-получив в тело осколок разорвавшейся ракеты...

Именно ракеты – других догадок и версий подполковник в эти мгновения в расчет не брал.

– Ремни! Всем пристегнуть ремни!! – гаркнул он парням. – Держитесь крепче!

Сам же, машинально защелкнув замок тех же ремней, резко повернулся назад, открыл передний иллюминатор правого борта и вцепился руками за края круглого проема...

Снаружи мелькали верхушки то ли высоких сосен, то ли могучих кедров. И верхушки эти, казавшиеся сверху темно-зеленым монолитом, проносились под раненной машиной с каждой секундой все ближе и ближе...

Затем сквозь круглое отверстие остался виден только лес – вертушка заваливалась на правый борт и резко задирала нос.

И вот фюзеляж задевает первые, самые высокие кроны; глубже увязает в коричнево-зеленом месиве; тело вертолета содрогается от ударов.

Скрежет, надрывный вой искалеченной турбины, оглушительный треск ломающихся деревьев и лопастей...

Как Барк ни готовился к первому столкновению с землей, а неожиданный резкий толчок все одно ошеломил сознание, заставил душу сжаться в холодный комок. Его едва не оторвало от иллюминатора – крепление ремней с трудом выдержало невероятную нагрузку, ладони из последних сил цеплялись за проем. Отовсюду вперед – к переборке, посыпались тела других спецназовцев, не успевших зафиксиро-

вать ремни. Кто-то врезался в командира, кто-то снес тонкую дверку, за которой до удара сидел один из членов летного экипажа...

От второго, столь же мощного столкновения произошло самое скверное – не выдержали металлические ленты крепления желтого топливного бака, размещенного вдоль левого борта. Бочка с грохотом полетела вперед и, раздавив кого-то из бойцов, лопнула от удара, изрядно обдав нутро кабины фонтанами едкого керосина...

– Эх, накатить бы сейчас водяры! Пару стаканчиков! Сходу, без подготовки!.. – понюхав вонявшую керосином одежду, поморщился Терентьев.

Тяжело дышавший рядом командир, скептически усмехнулся:

– Это точно. Сейчас в самую пору – с недосыпу, на пустое брюхо, без закуски, да после таких... кульбитов.

– Неужели отказался бы?!

– Только продукт переводить – проблюешься и как ни бывало...

– Э, не-ет!.. – с ехидной улыбочкой покачал головой капитан. – Ты подлой сущности моего организма не знаешь. Что внутрь пропустил – хрен назад дождешься. Ни за что не отдаст. Сволочь...

В живых после катастрофы осталось четверо. Перед последним и самым страшным ударом, воспламенившим вер-

тушку, Барклай успел протиснуться в пилотскую кабину. Уже оттуда, ухвативши кого-то из своих ребят за разгрузочный жилет, вылетел сквозь разбитый, изуродованный нос. Парнем, которого удалось «прихватить», оказался Толик. При падении тот повредил ногу, чуть раньше – еще в грузовой кабине, кажется, сломал левую ключицу.

В компании счастливичков пребывал также один из пилотов – тот самый молодой лейтенант по имени Серега. Ну и, конечно же, любимчик судьбы Кравец, волею случая оказавшийся вне вертолета до взрыва топливных баков.

Не потерявший самообладания Барк и здесь мыслил быстро, команды отдавал коротко и ясно – времени для того, чтобы придти в себя, и собрать уцелевшее имущество с оружием было в обрез – сбившие вертушку «чехи» могли нагреть с минуты на минуту. Все в радиусе тридцати метров от останков боевой машины горело и чадило едким черным дымом. Терентьев с вертолетчиком едва передвигались, поэтому зону вокруг пожарища спешно обшаривали подполковник с лейтенантом.

Изувеченные трупы; искореженные детали «восьмерки»; разбросанное оружие, в основном непригодное к применению; пара мокрых и так же вонявших керосином ранцев с имуществом...

– Все, уходим, – распорядился командир погибшей группы и, взвалив на плечи большую часть собранных вещей, помог встать на ноги раненым.

Все четверо удалились на приличное расстояние от черневшего столбом дыма пожарища. Километрах в трех от места катастрофы расположились на вынужденный привал – следовало заняться ранеными.

Терентьеву плотно подвязали к торсу поврежденную руку; молодому пилоту обработали кровоточившую рану на голове. Ссадины, порезы, синяки и прочие мелочи в расчет не брались – не дети, переживут.

– Что делать-то будем, Барк? – поморщился Толик от ноющей боли. – Без связи остались, без жратвы; из оружия – полтора автомата. Все на хрен сгорело...

– Надо возвращаться, – хмуро выдавил подполковник и, окинув невеселым взглядом троих парней со скудным снаряжением, добавил: – С такой потрепанной компанией не то что выполнить задание – через пограничный перевал-то не перебраться.

– Да уж, – согласно кивнул капитан, – я бы предложил рискнуть, да не в этот раз.

– Передохнем и двинем обратно – на север.

– А что скажешь Ивлеву?

– Он неглупый мужик – сам все поймет, без объяснений. Попрошу набрать новую группу и снова попытаю счастья.

– Эх, и неугомонный же ты, Барк, – не взирая на боль, хохотнул Терентьев.

– Дело не в моей неугомонности. Мы с тобой обязаны найти Скопцова – вернуть, так сказать, наш должок. Разве не

так?

– Да я и не спорю.

– Сам идти сможешь?

– Куда я денусь?! Потихоньку доковыляю...

Вытащив из-за пазухи карту, Всеволод развернул ее на колене, подозвал молодого летчика и попросил приблизительно указать место, где в вертушку угодила ракета. Затем прикинул расстояние до ближайшего блокпоста, выбрал наилучший маршрут, выкурил сигарету...

И скомандовал:

– Подъем, парни. Пора в дорогу.

Зимнее солнце едва успело повиснуть над макушками деревьев, как Терентьев снова запросил отдых – травма ноги беспокоила все сильнее.

– Сейчас, Толик... Потерпи еще четверть часа – отыщем подходящий бивак – чтоб не на открытом месте... Там и передохнем, и сделаем все остальное, – пообещал Барклай, глядя по сторонам.

Он аккуратно провел малочисленную группу подальше от места катастрофы – знал: там уже орудуют бандиты, сбившие вертолет. Затем отыскал приемлемый путь на север по лесистым и не крутым склонам. Капитану сейчас было не до пересеченной местности – и так еле шел, временами опираясь на плечо командира. Потому-то подполковнику и пришлось поставить Кравца замыкающим. Обычно тыл группы приккры-

вал опытный Терентьев – приотстав шагов на сорок-пятьдесят, внимательно осматривался, прислушивался... Теперь же выбора не было.

Отлогость, сплошь утыканная частоколом ровных кедровых стволов, для привала не подходила – ни овражка, ни складочки, ни ложбинки – расположившихся на вынужденный отдых наметанный глаз легко выхватит отовсюду.

«Остановимся там – чуть дальше... Где склон упирается в соседний взгорок. Там низинка; возможно и ручей бежит, – размышлял Барк, постоянно сверяясь с картой. – Один ранец с припасами, слава богу, имеется. Разогреем на спирту водички, сделаем чайку, перекусим тем, что есть. Толик отдохнет, заново перебинтуем его ногу и двинемся дальше. Нам бы до наступления ночи одолеть верст пятнадцать. А завтра утречком выйдем на дорогу, идущую от Гомхоя и, доберемся до своих – до Шатоя. Там первый блокпост с нашими ребятами».

Наконец, впереди – сквозь деревья стала проглядывать соседняя возвышенность. Склон обращался к югу и растительностью был побогаче: под темно-зеленой хвоей на заснеженных изломах чернел густой кустарник. Местечко вполне подходило для часового отдыха.

– Все парни, привал, – выбрав неприметную для чужого глаза низину, объявил Барклай, а, немного отдышавшись, приказал: – Кравец лезь наверх – в дозор. Особое внимание южному сектору – откуда шли. Чтоб по следам никто не на-

грянул.

– Понял, товарищ подполковник, – кивнул лейтенант.

Подхватив автомат, он стал взбираться на край ложбины.

И взобрался бы, если...

Стоило ему выглянуть за ее пологий край, как мимо головы пролетел какой-то тяжелый темный предмет. Лейтенант резко шарахнулся в сторону, а непонятная штукавина гулко стукнула о противоположный склон расщелины, и покати-лась вниз, увлекая за собой жиденькие потоки свежего снеж-ка.

У троих мужчин, сидевших внизу, оставалось лишь мгновение, чтобы рассмотреть овальное зеленоватое тело РГД-5...

Способ пятый

12-14 декабря

Сознание медленно возвращалось.

Звуков летчик еще не различал. Сквозь чуть приоткрытые веки стала пробиваться расплывчатая полоска света. Что-то неузнаваемое хаотически перемещалось вблизи, меняя обличие и форму. Подернутое мутной пеленой зрение никак не могло восстановить былую резкость и остроту, но Скопцов пока не понимал и этого.

Прошло не менее получаса, прежде чем майор осознал, что перед глазами маячат фигуры людей в морских робах. Мозг постепенно восстанавливал функции, поочередно включая в работу чувства, память, способность мыслить...

Он лежал на спине, по всей видимости, раздетый, и уже сносно видел и ощущал, как два матроса странной внешности, интенсивно растирали его тело какой-то вонючей, маслянистой жидкостью. Все сильнее напоминала о себе страшная боль, ломившая руки и ноги.

«Что произошло?.. Где я?..» – спрашивал себя Максим, еще не припоминая недавно произошедших событий.

Скоро до слуха донеслись непонятные слова на отрывистом, грубоватом языке. Когда он полностью открыл глаза и слабо пошевелил пальцами рук, один из «массажистов» ис-

чез, второй же продолжал молча колдовать над малочувствительным телом.

Беспорядочно разбросанные в затуманенной памяти обрывки последних суток потихоньку склеивались в последовательную ленту: разведывательный полет над Черным морем; преследование российского танкера грузинскими сторожевиками; обстрел вертолета из пулеметов; посадка на воду; надувная резиновая шлюпка; смерть Андрея...

Майор с недоумением рассматривал потолок небольшого помещения. Светло-серая краска, наложенная небрежными мазками широкой кисти, покрывала неровные куски листового металла; жгуты и переплетения каких-то кабелей; трубы вдоль стен, овальная дверца с металлическими рычагами запоров... Над входом и по центру странного помещения, за грубыми, ржавыми решетками, висели два круглых плафона, освещавшие пространство вокруг тусклым светом. «Если это не преисподняя, то каким же чудом я остался жив?» – удивлялся Макс и вдруг заметил подошедших почти вплотную людей в незнакомой форме.

Рослые, черноволосые мужчины с интересом разглядывали пилота, громко переговариваясь между собой на непонятном языке. Матросы перестали его растирать и чем-то накрыли. Три человека, по всей видимости – офицеры, стояли рядом и, ожесточенно жестикулируя, спорили. Один, показывая на него пальцем, постоянно кивал куда-то вбок. Второй – с ровной бородкой и чуть постарше, говорил спокой-

ней, и уверенно указывал на ложе Скопцова. Третий – полноватый, часто моргая голубыми глазами, молчал, и что-то записывал в большой планшетный блокнот.

«Массажист» приподнял голову летчика и заставил выпить обжигающий «коктейль», как показалось – смесь спирта с отваром или настоем трав. Боль из конечностей понемногу уходила, зато вся кожа и мышцы начинали гореть от тщательно втертой, желеобразной массы. Офицеры, взглянув на спасенного в последний раз, удалились, а возле входа остался дежурить коренастый матрос в брезентовой робе. Видимо, это означало, что процесс реанимации успешно завершился.

«Сдается – я на военном корабле, – размышлял вертолетчик, прислушиваясь к ровному гулу дизелей, – похоже, шторм утих – посудина идет плавно, почти без качки. Наверное, я провалялся без сознания несколько суток, и погода успела наладиться, – он попытался приподняться на локтях, хорошенько огляделся; не обнаружив поблизости своего борттехника, снова упал на жесткое ложе: – Куда же подевался Палыч? Мне казалось, в шлюпке он был еще жив...»

Вскоре его начало знобить – поднялся сильный жар и сознание вновь, будто еще не сделав окончательного выбора между жизнью и смертью, то самую малость воспринимало действительность, то надолго покидало. Изредка появлялся один из «массажистов» и опять вливал в него очередную порцию снадобья.

Лишь очнувшись к вечеру, основательно пропотевший Скопцов почувствовал долгожданное облегчение. «Уж не на борту ли я грузинского корабля? – мучился он предположениями, провожая взглядом чужого матроса. – Грузинского языка не знаю, но что-то похожее, резкое... Да и внешность весьма подходящая».

Открылась овальная дверца и, оторвав его от размышлений, в крохотное помещение на кривеньких ножках ввалился вестовой, приносящий еду. Аккуратно поставив на маленький откидной столик тарелку и кружку, положив рядом алюминиевую кружку, молча исчез.

«Ни здрасти, ни пока, и ни кусочка хлеба. Хоть бы намекнули ироды – кто вы и какое сегодня число».

Местный камбуз деликатесами не баловал. Майор с устойчивым отвращением съел какие-то овощи под острым соусом и запил сие угощение несладким черным чаем.

Покончив с трапезой, с трудом привстал, уселся на жесткой лежанке. Голова закружилась, появилась сильная одышка. Посидев пару минут без движения, Скопцов пришел в себя и решил выглянуть из небольшой каюты. Однако слабость моментально напомнила о себе – сделав шаг, едва не упал – пришлось опереться рукой о стену и повременить с путешествием до овальной дверцы. Спокойно сидевший у стены на корточках часовой, вдруг вскочил и, выхватив из висевших на ремне ножен штык-нож, стал выкрикивать непонятные команды.

– Ты поаккуратнее, могиканин, с ножами-то, – проворчал Максим, усаживаясь обратно на лежак.

Охранник выглянул за дверь, кого-то позвал. В это момент летчик успел рассмотреть, открывшийся перед взором узенький, длинный коридор, сплошь забитый кабелями, электрошкафами, висевшими на стенах электрощитками и перегороденный овальными переборками. Прямо у дверцы по правому борту белела короткая надпись, выведенная незнакомыми закругленными буквами, а под ней проступал старый, закрашенный текст на русском языке. Его Скопцов прочесть не успел, но само наличие подобных надписей подтвердило предположение: судно когда-то ходило под флагом единой страны, а после распада империи осталось в собственности отделившегося государства. На молдаван или украинцев моряки совершенно не походили.

Оставалась Грузия...

А спустя короткое время лицо майора помрачнело от неожиданной пришедшей мысли: вероятно, именно этот грузинский сторожевик шел наперерез российскому танкеру и именно его экипаж обстрелял из пулеметов вертолет. А вторая догадка и вовсе заставила побледнеть. Если его доставят на территорию Грузии, то либо убьют, либо запрячут так, что он уже никогда не сможет вернуться на родину – громкий скандал по поводу сбитого в нейтральных водах российского вертолета, грузинским властям не нужен. А он – майор Скопцов, по сути, является единственным свидетелем дан-

ного преступления.

Череда невеселых открытий заметно поубавила оптимизма и радости оттого, что остался жив. С корабля любой другой страны его могли незамедлительно передать первому же встречному российскому судну, не исключая и гражданское. В данном же случае, до возвращения старой посуды на базу спасенный авиатор на неопределенное время становился «добровольным» участником «круиза» или же попросту военнопленным. А дальше...

Что ожидало дальше, летчик не мог даже представить.

Прибежавший на крик часового офицер, импульсивной жестикуляцией объяснил: выходить за пределы отведенного пленнику помещения строжайше запрещено.

– Бах-бах! – выкрикнул он, злорадно улыбаясь и показывая то на свою здоровенную кобуру с итальянской «беретой», то на грудь пилота, то в направлении коридора...

– Доходчиво, – буркнул в ответ Макс и улегся на место.

Позже интерес моряков к «постояльцу» ослаб, и его почти не беспокоили. Изредка приходил какой-то полненький, круглолицый офицер – видимо, один из старших в команде и негромко разговаривал с часовым. Затем отрывисто и на ломаном русском задавал Скопцову вопросы о месте нахождения его аэродрома, о фамилии, звании, должности и... не дождавшись ответа, снова исчезал.

На следующий день майор окончательно оклемался. Не

было ни озноба, ни температуры – недуг отступил; судьба окончательно смилостивилась, и серьезных осложнений от переохлаждения не последовало.

А еще через некоторое время надсадно работавшие дизели вдруг изменили тон, сбавили обороты; качка почти прекратилась. Вскоре за вертолетчиком пришли и, швырнув его помятую, но высушенную летную форму, жестами приказали одеваться. Облачившись в комбинезон, ботинки и куртку, он вышел в коридор и в окружении троих вооруженных автоматами провожатых поплелся по узким коридорам сторожевика. Помогая подняться по вертикальному трапу, охранники вытолкнули слегка прихрамывающего пассажира на палубу.

«Наконец-то наплавались... Берег!» – вглядываясь в цепочки огней, вздохнул он солоноватую свежесть холодного ночного воздуха.

Внезапно сбоку послышался шум, беспорядочный топот тяжелых ботинок. Максим обернулся – четверо матросов поднимали на палубу что-то тяжелое, похожее на длинный мешок. Вглядевшись внимательнее, пилот ощутил подступивший к горлу ком – длинным мешком было тело его бортача. Глова Палыча безжизненно качалась, глухо стучалась о металлические ступени; мертвенно-бледное лицо как-то враз осунулось, стало почти неузнаваемым.

Матросы подтащили мертвого техника к леерам, приподняли и стали раскачивать...

Не отдавая себе отчета, позабыв обо всем, Скопцов рванулся к ним, но тут же получил сильный удар прикладом в грудь.

В глазах снова потемнело, поплыло...

Он почувствовал ледяной холод палубы, почему-то резко надавившей на левую щеку; ночь с тревожной неизвестностью бесследно растворилась; а сознанием вновь завладел образ милой Александры...

* * *

– Я что-то не узнаю тебя, – едва сдерживая раздражение, говорила Анастасия по дороге домой из клуба, – ты взрослая девушка и должна как-то объяснять свои поступки!

Опустив голову и чуть надув губки, Саша шла рядом, не желая разговаривать.

– Ну, тебе может и безразлично! Но пойми, наконец – нельзя так обращаться с людьми, коих ты абсолютно не знаешь! Я уважаю этого человека и дорожу его отношением ко мне. Как теперь прикажешь смотреть ему в глаза?

Та упорно продолжала молчать.

– В таком случае, – не выдержала Настя и прибегла к крайней мере: – на правах старшей сестры я запрещаю тебе появляться на дискотеках! Посидишь дома – меньше будет позора.

– Как это – запретишь!?! – испугалась младшая сестра, – я, кажется, действительно взрослый человек.

– Была бы взрослой – не вела бы себя, точно ребенок! А запрещу очень просто – подойду к патрулю, который вечно торчит на входе, и попрошу не пускать. Меня все знают, и не один офицер не откажет в таком пустяке...

Молодая женщина не на шутку завелась, впервые – несколько минут назад, обнаружив потерянность человека, никогда бы не позволившему себе обойтись с кем-то таким же образом.

Да, о Максиме она знала многое. Житие в небольшом военном гарнизоне гарантировало знание обо всех и обо всем – никуда от расползающихся подобно тараканам слухов было не деться. Но Анастасия располагала информацией о нем куда большей, нежели болтливые женушки офицеров, вечно собиравшиеся в стайки возле магазинов, парикмахерской, детского садика и прочих очагов местного соцкультбыта. Эта информация, как говорится, «была из первых рук»... Он частенько заглядывал в метеослужбу – проконсультироваться и ознакомиться перед вылетом с прогнозом погоды на маршруте; или задерживался у нее, дожидаясь благоприятных условий на аэродроме назначения. При посторонних разговаривали о пустяках, обменивались новостями; оставаясь наедине, делились чем-то сокровенным. Одним словом отношения меж ними давно сложились доверительные, дружеские...

Конечно же, ее угроза – от начала и до конца являлась надуманной – Сашеньку она любила всем сердцем, и ни к какому патрулю не пошла бы. Да и вряд ли кто-либо из офицеров осмелился бы воспрепятствовать проходу в клуб грациозной и привлекательной девушки – подобную сценку смешно было даже представить... Но юное создание оставалось еще столь наивным, что ни на миг не усомнилось в серьезности посула родственницы.

– Хорошо, я объясню... – чуть не плача, прошептала она.

«Нет, тут что-то не то! – недоумевала Анастасия, беря ее под руку, – никогда не поверю, что Макс мог кого-то обидеть, да и в поведении Александры я подобных фортелей не припомню!..»

Войдя в подъезд пятиэтажного дома, они медленно поднимались по лестнице.

– Неделю назад я сама хотела его пригласить на танец. Подошла, а он... Он... – Саша остановилась на ступенях и закрыла лицо ладонями, – теперь извинительные жесты ни к чему. Не нравлюсь – не надо...

«Господи... Какой же ты у меня и в самом деле ребенок! – вздохнув с облегчением, подумала Настя. – Как бы я хотела, чтобы тебе в жизни попался серьезный и честный человек. Любому другому будет слишком просто воспользоваться твоей беззащитной доверчивостью».

Они поднялись до пятого этажа и стояли возле двери, но открывать ее старшая сестра не спешила. Дома отдыхал по-

сле наряда муж, а она должна была непременно объяснить несчастной Сашеньке всю нелепость сложившейся ситуации.

– Глупенькая моя... – шептала она, прижимая к себе девочку и целуя, – разве ты можешь кому-то не понравиться!?

Когда мы тебя встречали в аэропорту?

– Не помню. Какая разница?.. – всхлипнула та, уткнувшись ей в плечо. – Дней десять назад...

– Разница есть. Сейчас объясню... Ты прилетела в прошлую пятницу. А на следующий день пошли в клуб, верно?

Та кивнула.

– Эскадрилья, в которой служит этот летчик, недавно похоронила погибший в Чечне экипаж. Его бывший экипаж. Так вот, неделю назад еще продолжался неофициальный траур, и никого в доме офицеров из его сослуживцев я не видела. Он же там присутствовал в качестве начальника патруля, но танцевать и веселиться не мог. Понимаешь – не имел права!

И только теперь Саша припомнила подробности того вечера: молодой человек действительно был одет в форму, на поясе болталась кобура с оружием...

Они потихоньку вошли в квартиру и, разувшись, на цыпочках добрались до кухни. Молча наполнив под краном чайник, Александра поставила его на плиту, вернулась к раковине, умылась и высушила полотенцем озабоченное лицо.

Через минуту уже твердым голосом объявила:

– Завтра пойду извиняться.

– Моя помощь нужна?

– Нет... я сама, – вздохнув, произнесла расстроенная девушка. – Его, кажется, зовут Максим?

– Да, Максим, – с нежностью и улыбкой ответила Настя, подходя к ней и целуя в нахмуренный лоб. – Ну вот – теперь узнаю свою сестричку...

Вернувшись из клуба домой, Скопцов направился в душ и долго стоял под сильной струей прохладной воды. Разобитая молодая особа никак не выходила из головы...

«Ладно уж... стоит ли, в конце концов, так убиваться? – пытался он подбодрить себя, растираясь полотенцем, – она мне абсолютно безразлична. Внешность потрясающая, да знать бы, что в голове?.. Возможно, и сгодилась бы все на пару ночей. Впрочем, завтрашним вечером предстоит пьянка с однокашниками, а с этими балбесами напорешься до колик в печени и имя-то свое позабудешь, не говоря уж о незначительной и мимолетной вине перед какой-то девчонкой. Завтра же забуду! Что б мне до пенсии ходить в капитанах!..»

Он никогда не добивался одной женщины дважды – это был его незыблемый принцип. «Не хочешь? Свободна! За дверью стоит следующая – ничуть не хуже тебя, а может быть, и во сто крат лучше. Да, я не принц на белом „мерине“, но и ты не Золушка, не Спящая красавица, не принцесса. Одним миром мазаны, только ты живешь в своих несбыточ-

ных грезах, а я в реальном мире...» – так или примерно так рассуждал Макс, когда случалась редкая осечка.

Но аутотренинг не помог – противная, упрямая девица так и норовила забраться в мысли, растолкать их и устроиться на самом виду. Тогда летчик, не долго думая, прошел на кухню, достал из холодильника запечатанную бутылку водки, нервно открыл ее и надолго приложился к горлышку...

А спустя пять минут выудил из кармана джинсов сотовый телефон, нажал несколько кнопок, дождался ответа и произнес:

– Привет, Машенька! Давненько не виделись – не находишь? Сегодня весь день думал только о тебе... Правда?! И ты тоже?.. Поразительное совпадение! Полагаю, следует его отметить. Конечно! Жду тебя с нетерпением...

На следующий день Александра со старшей сестрой подошли к дому офицеров задолго до начала танцев. Покрутившись в толпе перед дверями, пробрались внутрь, но и там Макса Скопцова отыскать не удалось... Обосновавшись у массивной колонны, сестры продолжали нетерпеливо поглядывать по сторонам. Стройную, молоденькую красавицу постоянно тревожили желающие потанцевать и познакомиться. Однако девушка всякий раз отказывала всем, беспрестанно поглядывая по сторонам, оборачиваясь на вход и нетерпеливо ожидая...

– Он мне неинтересен и вовсе не нужен, – твердила она,

пытаясь убедить прежде себя, а заодно и Настю, – но я должна перед ним извиниться.

– Не переживай, – вздыхая, отвечала та, – до твоего отъезда еще далеко – ты обязательно его увидишь и все объяснишь.

Когда стихли звуки последней мелодии, они покинули и медленно направились домой. Анастасия старалась всячески отвлечь Сашу от дурных мыслей, шутила и говорила о чем-то веселом. Понимая ее добрые намерения, та грустно улыбалась в ответ и, отворачиваясь, прятала наворачнувшиеся слезы...

– Расскажи мне что-нибудь о нем, – попросила она поздним вечером, когда остались вдвоем на кухне.

Сестра занималась приготовлением чая и будто не слышала вопроса. Затем повернулась к столу, за которым сидела грустная Александра, и задумчиво произнесла:

– Он пользуется немалой популярностью среди местных женщин, и ты должна быть готова ко всякого рода сплетням.

Девушка подняла на сестру встревоженный взгляд.

– Тебя не должно это беспокоить, – заверила Настя, – Максим очень порядочный человек и это главное. Признайся, он тебе понравился?

– С чего ты взяла?..

– Просто вижу. Ты ведь первой пыталась его пригласить и после вчерашнего не перестаешь о нем думать. Ну что ж, если и так, я буду только рада – поверь, ты не ошиблась.

Прекрасно зная младшую сестру, Настя впервые обнаружила в ней повышенное внимание к мужчине. К мужчине, который был симпатичен и ей, который непременно свел бы с ума, не будь она замужем.

– Ты не ошиблась, Сашенька, – улыбнувшись, уверенно повторила Анастасия. – Есть в этом мужчине нечто особенное, необъяснимое. И удивительно притягательное для нас – женщин...

* * *

Упавшего после удара прикладом летчика резко подняли, поставили на ноги и зачем-то закрыли лицо плотной повязкой. Занимался рассвет и, вероятно, грузинские моряки не хотели, чтобы пленный глазел на портовые сооружения...

Минут через пятнадцать судно пришвартовалось к пирсу, матросы сбросили сходни, и вскоре Скопцов очутился на берегу. Кто-то грубо схватил его за плечи, толкнул, приказывая идти неведомо куда...

Кажется, скоро его привели в какое-то здание – ноги спотыкались о ступени лестницы, два десятка шагов по коридору, потом скрипнула дверь...

Повязку сняли с лица.

Помещение, в котором он оказался, напоминало небольшой кабинет, похожий на бухгалтерию или что-то в этом ро-

де: шкафы, стеллажи с папками вдоль стен, в середине письменные столы... За одним из них сидели двое мужчин в гражданских костюмах. Один – в очках, пожилой, тучный и лысеющий восседал удобно и по-начальственному – между тумб. Другой – молоденький и худощавый, скромно пристроился на стуле у торца.

– Садитесь, – приказал на сносном русском языке тощий.

Летчик уселся на стул, отстоящий далеко от стола – едва не в центре кабинета. Очкастый о чем-то спросил, а молодой озвучил:

– Ваше звание, должность, фамилия, имя?

– Я хотел бы прежде уточнить, – спокойно возразил майор, – на каком основании со мной обращаются как с военнопленным? Разве наши государства находятся в состоянии войны? И известно ли обо мне в посольстве России?

Усмехнувшись, переводчик задал те же вопросы сидевшему рядом толстяку. Тот что-то ответил, сопроводив слова нервными жестами, и моложавый повторил:

– Мы сообщим о вас, но сначала нам необходимо кое-что выяснить... Итак: звание, должность, фамилия?

«Они – хозяева положения... – вздохнул пилот, – кому кроме них известно, что я жив и нахожусь здесь, в этом долбанном приморском городке!?»

Вылетавшие на задания экипажи, документов с собой не брали. Все, что оставалось у Скопцова – офицерский знак с личным номером, пропавший вместе с цепочкой с шеи еще

на сторожевике. Именно он – его личный знак и лежал сейчас на столе перед потным толстяком. Однако вряд ли выбитые на металле цифры, могли о чем-то поведать любопытным грузинам...

– Старший лейтенант Иван Петров. Правый летчик, – не моргнув, пробурчал он.

Толмач доложил ответ следователю.

– На каком типе летаете?

– Ми-8... – пробормотал пленный, зная, что раритетная техника вряд ли заинтересует разведку какой-либо страны.

– Какое выполняли задание?

– Учебный полет по маршруту.

– Звание и фамилия командира вашего экипажа? – продолжали допрос грузинские собеседники.

– Капитан Сергей Уточкин.

– Авиационная часть и ее состав?

– Отдельная учебная эскадрилья, десять вертолетов.

– Звание и фамилия командира эскадрильи?

– Подполковник Петр Нестеров.

– Как называется ваш аэродром, и где он расположен?

– «Минеральные Воды», – напропалую врал Макс, озвучивая название гражданского аэропорта, – находится на юге Ставропольского края.

Через час, получив добрую сотню столь же «правдивых» ответов, от которых за версту веяло незатейливой выдумкой, следователь поднял трубку телефона, и что-то отрыви-

сто рывкнул. Его узкие, заплывшие жиром глазки сверкнули злобой, когда в кабинет вошли две верзилы с дубинками, без малейших признаков интеллекта на невозмутимых лицах и встали позади майора.

«Кажется, дошло, что я вру, – сообразил Скопцов, косясь на тупых охранников. – Что делать, хорошее вранье – тоже искусство! Придется учиться экстерном...»

– Шутник вы однако... Или нам показалось? – вдруг съязвил на чистейшем русском языке тучный мужик. – Как выражаются в российских следственных органах: горбатого лепите? В несознанку поиграть хотите? Полагаете, информацию, поступающую от вас, не станут проверять? Напрасно...

«Вот сволочь! Эрудит хренов!.. – выругал про себя представителя грузинской разведки Максим. – Не иначе как в российском ФСБ стажировался! Это осложняет дело – у нас хорошему не научат...»

Вслух же возмутился:

– На каком основании вы подвергаете меня допросам и пытаетесь получить сведения, представляющие государственную тайну? Я попал в руки ваших моряков в нейтральных водах и не понимаю, почему ко мне относятся как к военнопленному и применяют допросы...

– Послушайте, молодой человек, – перебив, недобро ухмыльнулся очкастый, – я давно имею дело с такими, как вы, и, поверьте – будет лучше, если вы поделитесь интересующей нас информацией. Искренне советую не упираться и не

выдумывать ерунды, а там уж мы решим – вернуть вас на Родину, или...

– Или? – майор пристально и вызывающе смотрел тому в глаза, не обращая внимания на поигрывающих дубинками амбалов.

– А кто знает о нашей находке?.. – театрально развел руками потный толстяк, – ваш вертолет потерпел аварию и покоится сейчас на приличной глубине...

«Аварию!..» – усмехнулся летчик.

Нарочито не замечая ухмылки, очкастый продолжал:

– Кроме вас – полуживого, моряки обнаружили только два трупа. И они уже лежат на дне морском... Вы, какое-то время, будете числиться пропавшим без вести, а затем, рядом с могилами товарищей, появится бутафорский холмик и с вашей фамилией. Если разобраться – положение завидным не назовешь! Так что заканчивайте валять дурака и отвечайте. Альтернативы все равно нет: либо, не добившись своего, мы навсегда скроем следы вашего здесь пребывания, либо, если станете поговорчивее – дадим шанс, по крайней мере, остаться живым...

А закончил речь толстенький следователь фразами, окончательно поставившими пленника в тупик.

– Вы – майор Максим Скопцов. Командир вертолетного звена с аэродрома «Заречье». Во время допроса не соврали единожды, сознавшись, что летаете на Ми-8. Знаем мы так же и о том, что вы прошли курсы переучивания на новый

и пока засекреченный тип летательных аппаратов – Ми-28. Вот об этой страничке вашей биографии мне и хотелось бы побеседовать в следующий раз.

Обескураженный подобным поворотом событий, молодой человек молча смотрел на разведчика. А тот, учуяв его подавленность, поставил эффектную точку:

– О Сергее Уточкине и штабс-капитане Петре Нестерове я, представьте, наслышан. У меня, к слову, два высших образования, полученных в престижных московских ВУЗах. Сейчас вас отвезут в одно отдаленное, укромное местечко, где настоятельно советую подумать и взвесить все «за» и «против». Если перестанете упираться и пороть чушь – обещаю реальную возможность выжить.

Амбалы подхватили пилота под руки, заставили встать; вновь завязали глаза полоской плотной материи. И уже в дверях, снова с завязанными глазами он услышал последнюю реплику, брошенную тучным разведчиком:

– Даю вам одну неделю. Ровно через семь дней я сам наведаюсь в то местечко. Там, в зависимости от вашей лояльности, я и приму решение. До встречи...

«Рановато я ликовал, взяв прикуп... Да, в нем оказались карты одинаковой масти. Но, похоже, это мелочь – семерка, восьмерка... И вовсе не к моим козырям... Это пригодилось бы в другой раз – к мизеру! Сплошь пошла неvezуха. Что было толку радоваться удачному приводнению и возвраще-

нию с того света, коль с жизнью придется расстаться... непонятно где», – вздыхал Макс, беспрестанно подталкиваемый в спину конвоирами.

Его долго вели вдоль причала – он понял это по звуку разбивавшихся волн, доносившемуся с правой стороны. Скоро слух уловил гул работающего где-то поблизости автомобильного двигателя. Сухо щелкнул замок открываемой дверцы, и майора затолкали в узкую кабину транспорта. Конвоиры, усевшись рядом, стали громко переговариваться на своем корявом языке. Машина, пару раз фыркнув, тронулась в путь...

Напрасно он пытался что-либо разглядеть сквозь широкую повязку – несколько слоев грубой холщевой ткани надежно закрывали от глаз тот мир, в котором он волею судьбы нежданно-негаданно оказался. Из окружающих звуков лишь натужный вой старенького мотора да голоса солдат доносились до пилота.

В скрипучем и тряском автобусе они проехали около получаса. Охранники беспрестанно смеялись, оживленно говоря о пленном. Скопцов не сомневался, что именно он является предметом обсуждения и насмешек. Те часто хватали его за рукава, тыкали в грудь чем-то острым и постоянно подтягивали узел закрывающей глаза повязки.

«Интересный разворачивается сюжет!.. И куда же они меня теперь везут? Полагаю, раз вытащили с того света, не утопили в море следом за Палычем, не расстреляли на причале,

то возьмутся за меня всерьез, – размышлял он под беспрестанные выкрики и смех. – Да-а... Грузия собирается вступить в НАТО, всюю заигрывает с америкасами, и те были бы не прочь получить информацию о нашем новом вертолете из первых рук. И на кой черт нас посылали переучиваться, если Ми-28 поступят в полк не раньше середины века?!»

Пассажирский рыдван часто останавливался и, через минуту-две дергаясь, силился продолжить движение. Регулярно застревая в каких-то пробках, автобус протяжно сигналил и объезжал неведомые Максиму препятствия. Скорее всего, они ехали по узким улочкам небольшого приморского городка, через который вынужденно пролегал их путь. Наконец «катафалк» повернул куда-то и резко остановился. Один из конвоиров прокричал в окно то ли приветствие, то ли пароль, и послышался лязг цепи с характерным, металлическим скрипом – открывались створки ворот. Содрогнувшись, автобус снова заколыхался на неровной дороге...

«Кажется, поблизости аэродром! – насторожился летчик, уловив знакомые мощные звуки авиационных турбин, с лихвой перекрывавшие пыхтение слабенького двигателя внутреннего сгорания, – и как далеко же они меня теперь-то вознамерились отправить?..»

Лишенный возможности видеть, Макс, полностью полагался на слух. Сейчас машина ехала по рулежной дорожке – это было понятно по частому стуку покрышек на широких стыках бетонных плит. Справа стоянка самолетов – только

что остался позади работающий на малом газе Ан-26, – звук его шумных движков не спутаешь ни с какими другими... Впереди запускался небольшой вертолет явно не российского производства – работу всех отечественных вертушек он легко определял и без зрительных образов. К нему-то, плавно разворачиваясь, и подрулил скрипучий тарантас.

Пилота выволокли наружу, заставили поднять ногу и втолкнули в чрево небольшой винтокрылой машины. Усадив пленника в жесткое кресло с высокой спинкой, экипаж, ожидавший, видимо только его, захлопнул дверцу и вертолет, вспарывая винтами воздух, мягко оторвался от земли. «Поплавал? – вопрошал не весть у кого Скопцов, устраивая голову набок и, делая вид, будто собирается спать, – теперь снова в воздух, только на сей раз пассажиром и, неведомо куда...»

Сопровождающие, скорее всего, находились рядом и приглядывали за ним. Дождавшись, когда легкая машина набрала высоту и, закончив эволюции, взяла нужный курс, майор стал незаметно, елозя затылком по шершавому, грубому чехлу, опускать повязку. Делал он это без спешки и аккуратно, время от времени замирая без движения, словно отдавая во власть крепкого сна. Скоро над правым глазом образовалась узкая полоска света. Он прижался правым виском к спинке, пряча от охранников результат своих усилий, и немного приоткрыл рот, притворяясь расслабленным в сонном забытии. Затем, повозившись, добился того, что глаз

впервые различил очертания салона маленького пассажирского вертолета. На соседнем кресле, заложив ногу на ногу, восседал мужчина в полевой камуфлированной форме и лениво перелистывал глянцевый журнал с обнаженными девицами. За офицером виднелся край большого квадратного иллюминатора.

Максу этого оказалось достаточно...

Способ шестой

14 декабря

Присев от неожиданности на самом краю овражка, Кравец обернулся и в недоумении застыл. У троих же мужчин, сидевших внизу, оставалось не более секунды, чтобы рассмотреть матовое зеленоватое тело гранаты РГД-5, скатывающейся по тонкому слою рыхлого снега.

В эту же секунду Барклай и успел сделать то небольшое, что мог придумать в столь короткий срок – бросив на увязшую в снегу и прошлогодней листве гранату единственный ранец, сгреб в охапку Толика с пилотом и рухнул вместе с ними на землю. Кажется, и Кравец, опомнившись, распластался сверху – за откосом лощинки.

Близкий разрыв саданул жесткой волной по телам, ударил острой болью в уши; вертолетчик вскрикнул, завозился...

Всеволод тряхнул головой, нащупал рукой автомат под слоем отброшенной взрывом почвы; поднял взгляд, пополз по короткому склону и... остановился, заметив встающего на ноги лейтенанта. Оружие осталось лежать на снегу, пустые ладони Кравца медленно поднимались вверх...

Командир оглянулся на беспомощного Толика с пистолетом в здоровой руке, на корчившегося и стонавшего от боли летчика. От ранца с собранными у горевшей «восьмерки»

остатками боеприпасов не осталось ровным счетом ничего. Барклай тоскливо ощупал свой «лифчик», в котором торчало всего три запасных магазина к «валу» с парой гранат...

«Все! Попали! Теперь окончательно попали!..» – проползла тягучая, наполненная отчаянием мысль.

– Что там, лейтенант? – играя желваками, вперил он в него свирепый взгляд.

– Банда, командир, – тихо отвечал тот. – Большая банда. Обложили и держат под прицелом. Сзади шли по нашим следам.

– Мля!! Куда же ты смотрел-то, сукин кот, когда мы сюда топали?! – не сдержался Всеволод. И резко, на выдохе спросил: – Сколько их?

– Человек пятнадцать и... еще на подходе столько же.

– Вооружены хорошо?

– Да. Вижу пару пулеметов. Один гранатомет. Пятеро бородатых идут сюда...

Подполковник сплюнул в снег и зло прошептал:

– Твою мать!.. Второй раз подфартило за полгода! Зачастил ты в гости к «духам», зачистил! Подсказывало чутье: снимай погоны и отправляйся на пенсию – отдыхать как человек. Так нет же – опять полез в самое пекло!..

И вновь, как и несколько месяцев назад – осенью, боевики вели куда-то троих спецназовцев в одной связке.

Бандитов было много – гораздо больше, чем могли пред-

положить офицеры. Потому-то, шедшего впереди Баркляя не особо мучила досада. Какая была разница? Прояви они упорство, ответ огнем – погибли бы в лесу во время скоротечного неравного боя. Теперь появилась отсрочка... Правда не гарантировавшая ровным счетом ничего – их точно так же могли лишит жизни и там, куда вел отряд сепаратистов полевой командир!..

Следом за подполковником, как и полгода назад, прихрамывал Толик. Его накрепко прицепили к связке за одну правую руку – вторая, покалеченная, так и осталась прихваченной бинтовым жгутом к груди. Последним, понунив голову, вышагивал Кравец. В этот раз пленным даже не стали завязывать косынками глаза – в южных, приграничных с Грузией районах «духи» чувствовали себя вольготно.

В связке пленных оставалось трое вместо четверых. Всего трое...

Справная спецназовская одежда подполковника и капитана была изрядно замызгана грязью и кровью, местами порвана. Побрезговав ею, чичи их не раздели. Зато с чистенького лейтенанта сорвали куртку, и теперь тот шел, поеживаясь от холодного ветра.

Банда двигалась строго на юг. Как раз туда – к самой границе, ранним утром летела вертушка с группой Баркляя на борту.

Не долетела...

– Барк, ты коридор помнишь, по которому мы собирались

пройти? – прошептал сзади Терентьев.

– Помню. Да хрен ли с того толку?.. – приглушенно отозвался тот.

Топографическую карту у него отняли вместе с остальными личными вещами при доскональном обыске на краю лощинки. Отняли, да проку с того не поймали – карта была девственно чиста – без единой пометки. Ни площадки десантирования, ни маршрута, ни места, куда группе надлежало добраться. Вся информацию Всеволод всегда учил на зубок и держал в голове. Этому научили годы войны.

Пообещал амир медленно выпустить кишки каждому, ежели не расскажут о задании, да что было толку наезжать на младших офицеров? Вот бородач с кривым шрамом на левой щеке и учинил допрос с пристрастием подполковнику прямо в том злополучном лесу – отбили грудь, печень, досталось по суставам...

Он для виду поупрямился, помолчал... затем, сплевывая красную слюну, прохрипел:

– Можем договориться.

– Да?! – усмехнулся чечен и сверкнул глазами на русского упрямца: – Ты для начала со своим вонючим христианским богом договорись, чтобы он на пару часов жизнь твою продлил!..

– Когда евреи приветствовали Посланника Аллаха словами «смерть находится на тебе»... – устало сказал русский, – Посланник спокойно отвечал: «И вам того же»...

Один из боевиков замахнулся было прикладом на кафира, посмевшего упомянуть имя достопочтенного Пророка, но амир остановил соплеменника. Пристально и с интересом глянув на отчаянно смелого спецназовца, знакомого к тому же и с Кораном, проронил:

– Твои условия?

– Я рассказываю о нашем задании, а ты...

Всеволод утер тыльной стороной ладони окровавленное лицо, медленно обернулся на раненного вертолетчика... Получив при взрыве гранаты осколок в спину, тот стоять на ногах не мог – как ни старались поднять его товарищи. Увы, Барклай хорошо знал: с тяжело ранеными «приматы» не связываются. Они их просто и безжалостно добивают. Потому и пытался до последнего спасти молодого парня.

– А ты оставишь ему жизнь, – твердо посмотрел он чеченцу в глаза.

– Хорошо, – немного подумав, кивнул главарь. И добавил: – Но тащить ты будешь его сам – на помощь не рассчитывай. Итак, я слушаю тебя...

– Рейд. Совместный рейд с пограничниками и офицерами безопасности. Пограничники осматривали перевалы вдоль границы от Ассы до Аргуна – обычный плановый облет участка кордона. Безопасники, возможно, имели свое задание – о нем мне неизвестно. Я со своими ребятами должен был их охранять и выполнять любые приказания старшего на борту – полковника ФСБ...

Поверил, нет ли амир – не известно. Но бить Баркляя больше не стали – поставили в связку первым, взвалили на спину стонавшего летчика и повели на юг...

Шли долго. Интервалы между привалами полевой командир сокращать не собирался и всякий раз злился, когда измученный спецназовец замедлял продвижение банды. А Всеволод, покачиваясь, вышагивал по белесой каменистой почве, неся на себе теряющего кровь пилота. Парню становилось хуже с каждым часом, и перед третьей остановкой он перестал откликаться на тихие реплики товарищей...

Едва услышав команду об отдыхе, подполковник уложил раненого на землю и, упав рядом на колени, попытался привести его в чувство. Однако все старания оказались напрасными – глаза уж не открывались; бледные губы не шевелились, пульс на шее едва прощупывался...

И свершилось то, чего боялся командир погибшей группы. Прежде чем повести отряд в гору – к перевалу, чеченский командир подошел к пленным. Скептически оглядев уставшего, изнеможенного Баркляя и скользнув равнодушным взглядом по бесчувственному телу лейтенанта, потянулся рукой к пистолету...

Одиночный выстрел, коротким эхом прокатившийся по предгорью, оборвал жизнь вертолетчика Сереги.

Толик вновь напомнил о себе тихим шепотом:

– Кажись, туда и премся, куда ты планировал. Затяжной

подъем впереди. Не иначе перевал...

– Вижу, – буркнул Всеволод. – Мне это на руку. Приказа группе никто не отменял.

Капитан улыбнулся:

– Ты не исправим, Барк. Тут кишки грозятся выпустить, а он приказ выполнять собрался!..

– Я его и без кишок выполню. Ты сам-то как? Подъем осилишь?

– Осилю. Нога-то меньше беспокоит...

– А рука?

– Рука побаливает. Представляешь, это ведь я, когда первый раз вертолет о землю грохнуло, дверь в пилотскую кабину плечом вышиб.

– Хрен с ним, с плечом. Оно заживет – никуда не денется. Лишь бы до этого в расход не пустили...

Многочисленному отряду предстояло затяжное восхождение по едва различимой тропе, тонкой змейкой уходящей вверх по ложбине – туда, где быстро проносившиеся облака цепляли две вершины соседствующих гор.

– Эх, покурить бы, да отдышаться, – прошептал Терентьев. – А заодно осмотреться, прикинуть шансы. Не хотелось бы сгнить в этих скалах...

Идущий первым спецназовец облизнул запекшуюся на губах кровь; пошевелил запястьями, ослабляя впившуюся в кожу грубую веревку и, не оборачиваясь, проворчал:

– Даст бог – еще покурим. А пока помолчим, Толик – один

черт ничего сделать не можем. Идем, куда ведут. Захотели бы прикончить – давно б затылки продырявили. А раз до сих пор живые – стало быть, планы на наши личности имеются. Так что, пока помолчим...

И до самой российско-грузинской границы они безмолвствовали.

Тяжело и медленно взбираясь вверх, каждый из троих офицеров вспоминал о своем...

* * *

Уйдя от мужа, Виктория одним днем уволилась из гарнизонной медсанчасти и бесследно исчезла. Она вовсе не побежала к Всеволоду, не позвонила и не оставила у дежурного по штабу записки, а просто уехала из маленького городка в неизвестном направлении. Уехала, даже не попрощавшись.

До предела напрягая извилины, пытаясь хоть на минуту отделаться от привычной прямолинейности и простоты мышления, Барклай все одно не мог постичь ее поступка.

«Мы любим друг друга. Хоть и молчали – не успели признаться, да о наших чувствах и без слов было понятно обоим. И коль она решилась навсегда порвать со своим банкиром, то отчего же нам не воссоединиться для нормальной, счастливой жизни?..» – так рассуждал он, нервно расхаживая вечерами по пустой квартире. Ему ужасно не хватало свиде-

ний, встреч с ней. Ее милого щебетания, лучезарных улыбок, обаятельного безрассудства...

Промучившись несколько дней, Всеволод не выдержал и отправился в соседний городок. Без труда отыскав нужный банк, он вошел в шикарное фойе и, подойдя к ближайшему сотруднику охраны, решительно произнес:

– Мне нужен Давид.

– Давид? – вскинул тот левую бровь. – Извините, а кто это?

– Один из ваших директоров.

– А-а... Давид Адамович? Пройдите к старшему смены. Он за той перегородкой.

Старший смены набрал по внутреннему телефону какой-то номер и шепнул странному посетителю:

– Как вас представить?

– Всеволод Барклай. Знакомый Виктории Александровны, – подумав одну секунду, сказал подполковник.

Как ни странно, но брошенный муж не отказался от встречи. И скоро широкоплечий сорокалетний мужчина, пройдя сквозь дугу стационарного металлоискателя, в сопровождении охранника поднялся на второй этаж сверкающего новеньким ремонтом здания.

– Пожалуйста, вот его кабинет, – указал рукой провожатый и остался ждать в коридоре.

Барклай без стука распахнул дверь, переступил порог; с той же бесцеремонностью подошел к огромному столу

светлой полировки, за которым сидел бывший супруг Виктории и неторопливо устроился в кресле напротив.

– Привет, – вяло поздоровался он.

– Здравствуйте, – сухо отвечал тот, старательно не выказывая эмоций.

Скользнув цепким взглядом по уже бывшему сопернику, Всеволод довольно отметил: «Да, парниша... еще пяток годков и брюхо твое не обнимет не один ремень. Спортом бы не мешало заняться: покачаться, попотеть на тренажерах, кроссы побегать... И к алкоголю на фуршетах поменьше прикладываться, иначе серые мешки под глазами станут такого же размера как обвислые, багровые щечки».

Однако вслух произнес другое:

– Мне нужны ее координаты. То место, где она сейчас может находиться.

– Хм... – качнул головой Давид, явственно ощущая себя хозяином положения, – экий вы... простой. Ищите!.. Почему мне знать, куда ее понесло?..

– Хочешь сказать, не пытался вернуть ее? Не обзванивал родителей, родственников, подруг?

– Нет, не обзванивал. И не собираюсь.

Молодой, слегка располневший мужчина пытался «держать удар» – внезапный визит человека, из-за которого, в том числе, в считанные недели рассыпалась его семья. Но короткие пухлые пальцы подрагивали, глаза беспокойно метались между большим плоским компьютерным монитором

и неожиданным гостем...

– Ну, это твое дело – собираешься или нет, – усмехнулся спецназовец. – Только координаты мне все равно необходимы.

– Интересный у нас разговор происходит, – попытался скопировать усмешку банкир. – Получается, будто я вам должен...

– Должен, – перебил подполковник. – Четверых братков, нанятых тобой, забыл?

– По-моему, тогда не вам досталось, а браткам...

– Не еб... Не колышет, кому досталось! Итак, я слушаю. А лучше запиши на бумажке: и адреса, и телефоны – память у меня на цифры никудышная.

Давид Адамович поерзал в объемном кресле, поморщил носом и предпринял последнюю попытку сдержаться натиск:

– Напрасно вы так себя ведете. Здесь вам не гарнизон, не плац, не лагеря... Здесь банк, целый штат службы безопасности, один из охранников стоит за дверью и... стоит мне...

– А хочешь, я расскажу тебе, что произойдет дальше? – резко подался вперед Всеволод и вперил в финансиста злобный взгляд. – После того, как ты нажмешь свою вонючую кнопку и вызовешь охрану?

От неожиданности тот отпрянул назад, отчего спинка кожаного кресла жалобно пискнула.

Барк же, угрожающе процедил:

– Для того чтобы свернуть тебе шею, мне нужно ровно

две секунды. И поверь: ни реанимация, ни один охранник помочь не успеют. Даже тот, что торчит за дверью.

Давид нервно проглотил вставший в горле ком и выдавил:

– Хм... Перед выходом из тюрьмы, вам стукнет лет шестьдесят. Моя бывшая жена не станет столько ждать. На нетерпелива...

– А вот тут ты не угадал!.. – вдруг громко рассмеялся подполковник. – Уголовное дело по поводу твоей безвременной кончины закроют максимум через год.

– Это почему же?

– Не догадываешься?..

Молодой мужчина молча смотрел на посетителя. А тот хозяйски отлепил один листок от стопки писчей бумаги, положил его перед хозяином кабинета, пододвинул дорогую перьевую ручку... При этом все свои действия сопровождал спокойными, проникновенными объяснениями:

– Потому что два из семи ранений аккуратно пришлись на мою бедную головушку. Плюс одна контузия... Медицинская книжка, где подробно описаны все недуги и их последствия, весит килограмма три и умещается только в хозяйственную сумку. С головой у меня порядок, но если понадобится, легко закошу под идиота. И, поверь, уважаемый Давид Адамович, ни один светила от медицины не отважится доказывать обратного. У них тоже имеется... эта, как ее... корпоративная этика! Уяснил?..

На «уяснение» у Давида Абрамовича ушло несколько дол-

гих секунд. После чего он молча выудил из внутреннего кармана пиджака крутой мобильник, понажимал кнопки и переписал на листочек несколько телефонных номеров, высвечивающихся на экране. Потом, покопавшись в анналах памяти, дополнил список каким-то адресом.

– Возьмите. Это вся, имеющаяся у меня информация, – произнес он, двигая к Барклаю по гладкой столешнице листок. – Внизу адрес ее родителей...

– Так-то лучше, – сгреб тот огромной ладонью листочек. – Но предупреждаю: если обманул – покупай лакированный гроб с двумя крышками...

* * *

«Сейчас амир объявит привал. Получасовой, не меньше. Люди у него уставшие, измотанные – не иначе давно по горам слоняются, а нынче на отдых в грузинские ущелья идут, где их давненько привечают», – размышлял Барклай, глубоко вдыхая холодный воздух на каждый свой третий шаг.

И верно – едва банда достигла вершины горного перевала – обширного плато, притулившись к такому седлу между двух соседних вершин, как по длинной цепочке прошла команда остановиться. Обессилившие боевики попадали у самого края склона, по которому только что тяжело протопали около двух часов. Трех пленникам приказали сесть у рос-

сыпи валунов. Четверо бандитов, отвечавших за неверных и не спускавших с них глаз во время перехода, расположились неподалеку. Достав из рюкзаков и ранцев скудный сухой провиант, принялись торопливо обедать...

Подполковник осторожно огляделся. Нет, и здесь думать о побеге или иных отчаянных действиях не приходилось.

Что тут могло придти в голову? Улучить момент и ломануться в обратную сторону? Но склон был слишком открытым и ровным, почти без складок – подстрелить бегущего человека труда не составит. И опять же эта веревка, туго стягивающая руки всех троих! И хоть конец ее сейчас свободно свисал с колен одного из «духов», решиться на это безрассудство Всеволод никогда бы не отважился. Разве что от полной безысходности – чтоб прикончили без мучений!..

«Ежели была бы возможность рассыпаться по склону в разные стороны – шанс бы имелся. Глядишь, а один бы спасся... – кусал он распухшие губы. – А нестись плотной гурьбой глупо – расстреляют как стайку пластмассовых уток в тире. Суки...»

Барклай встретился взглядом с Толиком. Но и тот, судя по усталому, тоскливому взору, рассуждал аналогично, считая побег с перевала невысказанной затеей.

Мнение лейтенанта сейчас не интересовало – молод салабон встречать. Пусть делает то, что делают старшие товарищи и помалкивает. Он сидел за спиной Терентьева – Всеволод видел лишь его макушку, да торчащий вбок острый ло-

локоть. Локоть отчего-то беспрестанно подергивался, а веревка, связывающая двух младших офицеров, колыхалась в такт его движениям...

«Опять нервничает мальчишка, – вздохнул подполковник. – Да, пожалуй, соглашусь: на сей раз есть тому основание. На вертолеты Скопцова рассчитывать не приходится – не прилетят как полгода назад и не вытащат в самый последний момент. Никто не прилетит, не приедет, не придет... Вот если бы Ивлев каким-нибудь чудесным образом дознался об уцелевших в катастрофе людях! И о том, что ведут сейчас этих людей в сопредельное государство, тогда, глядишь – появилась бы надежда. Да кто ж ему об этом доложит? По нам уж, небось, поминки в гарнизоне справляют. Вот, мля, пошла в моей жизни непруха!..»

В своих горестных мыслях он отвлекся, забылся, устремив расплывшийся взгляд куда-то под ноги – на комки серовато-коричневого грунта... Душа снова заполнилась воспоминаниями о Виктории – беспокойными, полными мучительного напряжения. Суждено ли еще свидеться, прогуляться по тем тенистым улочкам уютного городка? Посидеть в полумраке того славного кафе, где частенько с нею ужинали и потягивали приятное сухое вино?..

Печально усмехнувшись, он потер двумя ладонями лоб: «Как же оно называлось, то кафе?.. Неброская бежевая вывеска с черно-красными буквами... Короткое слово на „В“. „Волна“? Нет – что общего у волны со степным Ставрополь-

ским краем?! „Весна“? Не то... „Встреча“? Похоже, но не так... „Визит“! Конечно „Визит“ – вспомнил!...»

Вдруг слева от Всеволода что-то произошло: чья-то фигура резко метнулась в сторону, зашуршала каменистая почва...

Он очнулся, быстро поднял голову и... замер.

Распутав каким-то образом на запястьях конец веревки и подгадав удобный миг, Кравец резко сорвался с места. Пригнувшись и виляя, точно заяц, он в три прыжка достиг края склона и нырнул вниз...

От неожиданности подполковник с капитаном вскочили на ноги, но кто-то из стражей тут же заорал, ткнул в грудь стволом автомата, заставил снова сесть на прежнее место; для убедительности выстрелил в воздух...

Вокруг слышались зычные крики, щелчки затворов – чеченцы гурьбой бежали к оконечности плато.

А еще через секунду перевал потонул в грохоте стрельбы – как минимум два десятка бандитов стояло у склона и поливало очередями проворного пленника.

Сжав кулаки, спецназовцы молча смотрели на безумство молодого товарища; на его отчаянный поступок; на последние секунды его жизни...

Шарахаясь от визжавших рядом пуль, он успел пробежать метров сто, не больше. Потом дернулся, неловко преодолел еще несколько метров; споткнулся и... кубарем полетел по тропе.

Беспорядочная пальба стихла. Не желал уgomониться лишь снайпер, покуда не израсходовал все десять патронов магазина старенькой СВД. Закинув же винтовку на плечо, довольно хмыкнул и, указывая рукой вниз, что-то задорно крикнул. Толпа «чехов» медленно разошлась по плоскоруью...

«Все кончено – Кравец мертв. После работы снайпера с такой небольшой дистанции, шансов выжить у него нет. Как пить дать, нашпиговал мальчишку пулями. Сволочь!.. – плевался Всеволод. – Поторопился лейтенант! Не выдержал!.. Поспешил глупыш...»

Несколько «духов» дотошно осмотрели связанные руки оставшихся пленников, да так и остались стоять рядом, для острастки поводя у самых лиц автоматными стволами.

«Да, его многие считали обузой для боевой группы. Вечно делал не то и не так – дрейфил, малодушничал, не дорабатывал, не поспевал за остальными, – пристально и неотрывно смотрел в одну точку Барклай. Затем, с горечью подумал: – Ну, а сам-то ты, каким был в лейтенантскую пору? Неужто забыл? И взбучки с выговорами в личное дело зарабатывал, и в неумегах числился, и даже по мордасам от местной шантрапы регулярно получал – не всегда удавалось грамотно за себя постоять. Далекo не всегда...»

Скоро по разрозненным группкам чеченцев прокатилась команда к продолжению похода. Подполковник нехотя поднялся, в последний раз глянул вниз, вдоль склона – туда, где

у россыпи крупных валунов виднелось маленьким бесформенным пятном окровавленное тело подчиненного...

Тяжело вздохнув, повернулся и, натягивая веревку, увлек за собой прихрамывающего Толика.

Способ седьмой

14-15 декабря

«Сторожевик пришвартовался к берегу под утро. Только где пришвартовался: в Сухуми, в Поты, в Батуми?.. – анализировал увиденное летчик, – сейчас солнце освещает правый борт чуть спереди. Стало быть, мы летим на северо-восток – в сторону Российско-Грузинской границы...»

Полет продолжался около часа, и все это время он мучительно прикидывал, подсчитывал, гадал...

Наконец, пилот резко завалил крен, бросил машину вниз и грубовато приложил ее о ровную площадку – ударившись, та подпрыгнула и неловко шмякнулась лыжами о снег вторично.

«Спасибо, что не убил... Похоже, ни хрена нет опыта посадок на высокогорные площадки. Нехорошая примета, ну да ладно – мелочи!» – рассудил Макс.

Когда двигатель смолк, но лопасти по инерции еще вращались, ему удалось получше рассмотреть крохотный горный аэродром, обустроенный на идеальном плоскогорье. Скоро щелкнул замок дверцы, Максима рывком подняли с кресла и бесцеремонно вытолкнули наружу так, что он, запнувшись о стойку лыжи, упал на промерзший грунт. Конвоиры снова поставили его на ноги, с головы резко сдернули повязку,

подхватив под руки, повели к краю летного поля.

Яркое солнце резануло, ослепило глаза, заставило на пару секунд зажмуриться, опустить голову.

Привыкнув к свету, майор мимолетно оглянулся по сторонам. Короткая грунтовая взлетно-посадочная полоса; стоящие вдоль нее три стареньких «кукурузника» с зачехленными кабинами; пяток обшарпанных вагончиков для охраны и авиационной obsługi; с южной стороны уходящий вниз пологий заснеженный склон, частично поросший высокими хвойными деревьями; несколько протоптанных в снегу тропинок, беспорядочно пересекающих горбатый откос...

По одной из этих тропинок они неторопливо спускались около четверти часа, следуя вдоль опушки постепенно густевшего леса. Наконец, впереди замаячили фигуры людей; показались приземистые деревянные строения, наполовину врытые в землю и перекрытые бревнами на манер блиндажей и землянок. Слева же – там, где заканчивались стройные стволы кедров и сосен, слепивший белизной южного склона снег отчего-то сменился темнеющей перепаханной почвой. На этом странном участке возделанной земли, затерявшемся среди нетронутой человеком дикой природы, так же копошились люди.

Максима провели мимо вооруженного поста, охранявшего проход в плотном ряду колючей проволоки. Затем старший из провожатых о чем-то недолго поговорил с двумя подошедшими мужчинами в серой камуфлированной форме и

куда-то исчез.

Его подтолкнули в спину и заставили двигаться к опушке. По дороге один из местных охранников скупно обмолвился по-русски:

– Будешь отлично работать – останешься жить.

Край леса так же оказался опоясанным забором из колючки; и точно так же у прохода дежурила парочка охранников с автоматами. Здесь же Скопцову вручили похожий на мотыгу инструмент с длинным деревянным черенком и передали одному из тех надзирателей, что наблюдали за работающими в поле людьми.

– Гачердеба! – грубо скомандовал он, подведя к пашне. И, указав на крайнюю полосу, добавил: – Мушаобс!..

– Мушаобс... – подчиняясь, проворчал пилот. – Так бы и сказал по-русски: арбайтен!..

Зимнее солнце изрядно пригревало южную сторону хребта – некоторые из мужчин, мерно разбивавших своими мотыгами твердые земляные комья, скинули телогрейки, оставшись в засаленных футболках, мятых и порванных рубахах. Пленному летчику отвели для обработки самую крайнюю борозду кособокого поля – здесь он должен был выполнять ту же работу, что выполняли и остальные с похожими инструментами.

Вероятно, еще с осени этот прямоугольный участок склона был обильно усеян скошенной где-то поблизости много-

летней травой. Теперь же, судя по тому, что делала сотня раб-ботяг, образовавшийся компост следовало хорошенько раз-мельчить и перемешать с мерзлой почвой.

Еще несколько человек сновали по полю и разбрасывали горстями какой-то белый порошок, периодически возвра-щаясь к большим пухлым мешкам и пополняя его запас в вед-рах...

– Эй! – окликнул Скопцов ближайшего охранника.

Конец отведенной борозде виднелся где-то у горизонта, и майор возжелал определиться с дневной нормой. Но охран-ник даже не повел бровью...

– Эй, товарищ! Камрад! Гнида!.. – вторично попытался привлечь он его внимание.

Теперь тот вяло посмотрел на новичка, поднял ствол ав-томата и, щелкнув предохранителем, изрек уже знакомое:

– Мушаобс!

Несколько минут пришлось долбать мотыгой по ко-мьям...

Но едва надзиратель отвлекся и отошел, он сызнава во-ткнул средневековое орудие труда в землю и начал донимать соседа по борозде:

– Чем это вы тут занимаетесь, браток?

Ближайший сосед – тощий мужик с рябым лицом, мимо-летно оглянувшись; не разгибая спины и меленькими шажка-ми удаляясь от новенького, продолжал все так же методично перемалывать прошлогоднюю траву.

Скопцов посмотрел в голубую бездну неба, покачал головой – видать сегодня интересного собеседника не сыскать...

Рябой же запоздало посоветовал:

– Ты брался бы за работу лучше, а не маячил свечкой посреди делянки.

– А если не возьмусь?.. – вызывающе усмехнулся он.

– С такими тут разговор короткий. За так похлебку давать не будут. Сначала ребра намнут, а потом – ежели не поймешь, то и вовсе на тот свет отправят. Патронов они на бужотеров-то не жалеют...

– О как!

– Вот так. И кумекай таперича сам... – донеслось со смежного ряда.

Пилот проводил тоскливым взглядом сторбившегося мужика, выдернул из земли мотыгу, смачно плюнул под ноги и принялся за дело...

Обедали у опушки – под самым проволочным забором. Хмурые, тощие работяги на ходу оттирали черные ладони снегом и спешили к месту раздачи пищи. За ними со всех сторон подтягивались и вооруженные охранники.

Скоро из-за колючки вынесли внушительную бадью, стопку невымытых пластмассовых тарелок. Загодя подошедшие мужчины вмиг распотрошили несколько лепешек серого хлеба – Максу не досталось и мизерного кусочка. Оглядевшись по сторонам, он с удивлением обнаружил у каждого в

руках по ложке...

– Жри так, русский, – хохотнул грузин, плеснув в его тарелку мутной баланды. – Без ложка вкуснее!..

Прихлебывая через край отпущенную порцию, майор присел возле бывшего соседа по грядке – рябого, с аккуратной частотой запускающего самодельную деревянную ложку в горячее варево.

– Давно здесь? – поинтересовался он, словно речь шла о пребывании в санатории.

– Тебе-то што до того?..

– Хотелось бы знать в общих чертах: на долго ли тут народец селится.

– Узнаешь. Всему свой срок...

От похлебки поднимался пар, быстро остывая и растворяясь в морозном воздухе. Обжигаясь, Скопцов делал маленькие глотки кисловатого блюда, по вкусу чем-то напоминавшего чеченскую жижиг-чорпу, однажды попробованную в Ханкале. Разница состояла в том, что мясо с бараньим жиром для здешней публики не полагались – баланда явно готовилась на одних прошлогодних овощах, да лежалой муке.

– Свой срок!.. – прошептал Максим, вытирая рукавом летнего комбинезона мокрый подбородок. – У меня дел по горло на родине, девушка красивая ждет... А он: свой срок!..

Мужик промолчал, но по смуглому лицу, испещренному глубокими оспинами, пробежала ухмылочка.

Вертолетчик не унимался:

– А сбежать отсюда кому-нибудь удавалось?

Ложка соседа на миг застыла против раскрытого рта. Торопливо и шумно выхлебав ее содержимое, смачно причмокнув губами и облизав столовый инструмент, он кивнул на противоположный край поля:

– Вон тама лежат беглецы. Аккурат четверо за те полгода, что здесь батрачу. Всех поймали и казнили прилюдно. И бечь отсюдова некуда – сто верст до ближайшего селения. Так што, не советую, паря – выкинь затею из дурной башки. Да и зима нонче на дворе, а не лето...

– Понятно. А ты, стало быть, доволен здешней жизнью и до конца дней в этой рощице обосновался?

– Можа и так. Тебе-то што?

– Да нет, ничего... Просто любопытствую.

Доедали молча. Затем, решив изменить тактику, Скопцов осторожно поинтересовался:

– Гляжу, вояк в здешнем лагере полно – военнопленных, вроде меня. А ты, вроде и не похож на служивого. Тебя-то как сюда угораздило?

– Тута не одни вояки. Тута полный ассортимент: и проданные в рабство, и насильно угнанные деревенские – кто родовым старейшинам особливо не нравился, и долги некоторые отрабатывают... Всякие, в общем.

– А ты?

– Я тута случайно. Ну, што пристал?! Не вояка я. Не вояка!..

Выпив последний глоток пресного варева, пилот снова промокнул губы и принялся осматривать топтавшийся с тарелками контингент...

На краю кособокого поля собралось около сотни человек. Серые усталые лица с потухшими взорами; сгорбленные тощие фигуры; грязная, засаленная одежда; неуверенность и страх, сопровождающие любое движение... Многие из тех, что были помоложе, носили полинявшие, дырявые камуфляжки – кто куртки, кто брюки с оттопыренными боковыми карманами. Однако ничего армейского в поведении этих людей не оставалось. Представители же старших поколений и подавно на военных не походили.

– А для чего мы... рыхлим-то это чертово поле? Траву и комья молотим? – сызнава обратился он к закончившему обед рябому.

– Сев в начале марта начнется. Вот и молотим. Готовим, значит, почву загодя...

– Сев?.. – изумленно вскинул брови Максим. – И чего же будем сеять?

– Известно чего... Коноплю. Вот прогреется почва-то, хотя б до плюс восьми и зачнем. Зараз пойдут в ход семена...

Договорить ему не позволила зычная команда одного их охранников к продолжению работы. Все мужчины тотчас закончили короткий перерыв и стали разбредаться по вспаханному склону.

Вздыхнув, отправился к своей крайней делянке и майор

Скопцов...

Рабочий день в поле продолжался до наступления сумерек. Уже при сером небе и разрезавших потемки лучах двух прожекторов, расположенных на невысоких столбах у самой опушки, охранники пересчитали заключенных, по одному заталкивая их прикладами автоматов в узкую калитку в заграждении из колючей проволоки.

Усталый народ потихоньку собирался в центре лагеря, возле большой землянки. Землянка соседствовала с длинным баракom без окон, и возле нее обычно вкусно пахло едой. Вот и сейчас здесь раздавали ужин – по куску серого хлеба. Недалеко от раскрытой двери стоял жбан с кипятком желтоватого оттенка. Этот «чай» разливали по все тем же немывтым тарелкам...

– И это все? – жадно откусывая чуть не половину причитавшейся порции, справился у Рябого майор.

– А ты што же думал – тебя сюды поправляться доставили? Жирок завязывать? – нехотя отвечал тот.

Максим скептически покачал головой:

– Долго я не протяну на таком рационе.

– Енто где ж ты служил-то ране, што к разносолам успел привыкнуть?

– Почему к разносолам? К обычной, нормальной пище!

– Тута и обычной не дождешься. Бери и ешь, што дают...

После ужина Рябой неожиданно куда-то исчез. А спустя

четверть часа пилот заметил знакомую сутуловатую фигуру, идущую от деревянного дома, что соседствовал по другую сторону от «столовой» с самым большим и загадочным строением поселения – длинным амбаром без окон.

– Дзили! Квелани дзинавс! – послышался повелительный голос.

От того же домишки, вероятно, отведенного для охраны шагал широкоплечий, коренастый грузин.

– Это кто? – спросил вертолетчик.

– Леван. Начальник лагеря – очень строгий человек, – трусливым шепотом отвечал Рябой.

Вот тогда-то в голове летчика и промелькнула мысль: а не напрасно ли я откровенен с этим подозрительным сутулым мужиком?

Однако вслух продолжал играть в просточка:

– И что он предлагает? Добавку?

– Спать всем приказывают, – буркнул тот. – Пошли. Имеется в нашей норе одно свободное местечко – определю. – А, подведя новичка к одному из жилищ, посоветовал: – Нужду справь загодя – до утра не выпускают, хоть лопни...

В темном чреве сырой, насквозь промерзшей землянки разглядеть что-либо было невозможно. Споткнувшись и тихо выругавшись, Макс нащупал руками деревянный настил, лежащие на нем рваные тощие матрацы, уже копошившихся и устраивающихся на ночлег людей...

– Сюды иди, – снова послышалась команда знакомца. –

Вот тут с краю место для новеньких. Но поимей на вид – самое холодное! Приведут других – тогда переберешься поближе к середке.

Накидав на себя какое-то тряпье, отвратительно вонявшее потом и плесенью, Скопцов долго не мог согреться – ворочался и слушал доносившиеся снаружи голоса охранников, лай собак... Видел фонарный луч, плясавший по бревенчатым стенам, когда кто-то заглянул к ним в землянку и пересчитывал «постояльцев» по головам...

Затем толстую деревянную дверь захлопнули и заперли снаружи на засов; голоса стихли, а Максим все ворочался и ворочался. В голову лезли неприятные мысли об очкастом следователе, пообещавшем появиться здесь ровно через неделю с тем, чтобы выслушать ответ на свой единственный вопрос: согласен ли он сотрудничать с грузинской разведкой?..

А к середине ночи мыслями завладела милая Александра, и он не заметил, как провалился в крепкий сон...

* * *

Несколько дней, приходя в свою обитель из штаба или с аэродрома, Максим никуда не отлучался и на звонки в дверь не реагировал – на душе было столь скверно, что видеться не хотелось ни с приятелями, ни с кем из доброго десятка

знакомых девиц.

Однако неожиданно-негаданно, на помощь пришел Главкомандующий Авиации. На утреннем полковом построении Скопцова и еще пятерых капитанов – его однокашников, вывели из строя и, зачитав приказ Главкома о присвоении очередных званий, вручили каждому майорские погоны...

Штаб-квартира дружеских попоек оставалась прежней – в матерых застарелых холостяках числился один Максим, и приятели, как всегда, направились дружной кампанией через магазин в его «берлогу». Жены еще и понятия не имели о радостном событии, когда шестеро летчиков, кряхтя и чертыхаясь, тащили на четвертый этаж полный ящик водки с двумя сумками набитыми простенькой, непрезентабельной закуской.

Наскоро вывалив в тарелки консервы и квашенную капусту, крупно построгав колбасу и соорудив экстравагантные бутерброды под названием «Отказ гидросистемы» – кусочки хлеба, обильно смазанные горчицей и покрытые ломтиками малосольных огурцов, они побросали в граненые стаканы новые, теперь уже большие звезды. Наполнив традиционные, двухсотграммовые емкости до краев вожделенным русским напитком и звонко стукнув ими друг о друга, новоиспеченные молодые майоры, стоя, залпом приняли первую порцию.

Начало не дюжинной пьянки было положено славное. Все складывалось замечательно, но...

Через два часа в дверь забарабанила Лешкина жена Гали-

на:

– Что притихли, ироды? Я же знаю, где вас искать – алкаши чертовы. У всех мужья как мужья, а эти опять вакханалию учинили! И опять на верном месте – в своем волчьем логове! Открывайте немедленно! Лешка, зараза, сколько раз предупреждала!? Убью, гад!

– Убьет, – стремительно побледнел Алексей. – Мужики, не выдавайте – вам тоже достанется! Я забыл, Макс, какой у тебя этаж?..

– Высоковато, – отвечал Скопцов, направляясь в ванную комнату.

– Ты что – открывать!? – чуть не во весь голос возопил несчастный муж, забыв о конспирации, – я тебе надоел что ли, чертила!?

– Ну, не держать же твою барышню за дверью!..

– Все, мне трандец! Умру, так и не походив майором... – уже не стонал – скулил Лешка, обречено уронив голову на стол – промеж стаканов, помидоров и горчицы.

Остальные женатики притихли, с соболезованием и тоской взирая на агонию друга. Прикрыв дверь в комнату, и умывшись холодной водой, Максим быстро пришел в себя и впустил гостью.

– Где этот мерзкий заморыш? – решительно переступила через порог властная женщина со следами былой красоты. Задерживаться в прихожей она не собиралась, на ходу ядовито интересуясь: – Опять, небось, со своими девками раз-

влекаешься, секач? Тогда зачем тебе здесь мой импотент?..

– Галя, давай для начала поздороваемся? – невзначай предложил пилот.

– Зубы заговариваешь, Макс? – зловеще поинтересовалась жена Алексея, все ж таки слегка понизив воинственный тон.

– Отчего же? – сделал он вид, будто вежливость для него всегда пребывала на первом плане.

При этом смазливый молодой человек осторожно взял ее руку, поднес к губам, поцеловал и уж боле не выпускал, бессовестно притворяясь, что наслаждается шершавой ладонью домохозяйки. Другая его рука отработанным движением легла на женское покато плечико и старательно удерживала непрошенного «ревизора» от внезапного и грубого вторжения в жилище...

Доверительно, словно они всю жизнь только и толковали по душам, обаятельный сердцеед увещевал:

– Девоч, Галочка, я запланировал на завтра – голова что-то от них пухнет. Мы сегодня собрались по другому поводу.

– Вот же бессовестный кобель!.. – качала она головой.

Но тот, не замечая выпадов, уж поглаживал то, что в юности именовалось талией и, горячо шептал:

– Алексей здесь и ничуть не пьяней меня. Ты правильно сделала, что пришла, мы все равно собирались за вами...

То ли от непонимания происходящего в холостяцкой обители, то ли от волшебного обаяния обворожительного лове-

ласа, Галина не пошевелилась, не повела бедрами – не сбросила его руку. Она смотрела, часто моргая в «правдивые» глаза импозантному мужчине, и ей не приходило в голову, что в течение двух часов тот, в сообществе с друзьями успел влить в себя изрядное количество водки.

Тетка была явно обескуражена.

– Девок нет; почти трезвые... А чем же вы тогда занимаетесь?

– Звезды собираемся обмывать, – впервые почти не соврал Скопцов, слыша краем уха, как в комнате заканчивают приготовления – убирают со стола десяток пустых бутылок, стаканы и прочий компромат. – Ты не сможешь приготовить что-нибудь?

– Конечно... только я не поняла, что вы собрались отмечать? – переспросила почти укрощенная дамочка.

– Майорские звезды, милая. Все мы, включая твоего мужа, утром произведены в майоры, – он еще раз приложился к пухлой ручке губами и решил, что времени у собутыльников, для устранения следов «преступной» деятельности, было достаточно...

Конфликта удалось избежать гораздо проще, чем предполагалось. Внезапно ощутив уважительное отношение и давно забытое к себе внимание, Галя оттаяла прямо на глазах. Войдя в комнату, довольная женщина с подозрительным румянцем на щеках поздравила и поцеловала каждого. Даже обалдевшего и перепуганного Лешку.

Затем, собрав грязные тарелки, упорхнула на кухню, мило щебеча по дороге:

– Максимушка ты уж посиди с ребятами. Я там сама разберусь...

За столом воцарилась гробовая тишина. Пятеро друзей изумленно пялились на товарища, словно на факира, мгновение назад целиком сожравшего алебарду...

– Ну, ты, Макс даешь!.. – послышался восторженный шепот кого-то из приятелей.

И тут же очнулся тот, чья жизнь за несколько минут до «вторжения» висела на волоске. Не веря своим глазам и ушам, Лешка пролепетал:

– Ф-фух... Господи!.. Ты что с ней, блин, сделал-то?! Научи! Я ж тебя из каждого полета со стаканом коньяка буду встречать!

– У кого еще схожие проблемы? – с напускной важностью осведомился Макс, – только сегодня принимаю без записи.

Через полчаса все супруги были в наличии. Стол ломился от настоящей закуски, и атмосфера вечеринки воистину напоминала веселый праздник. Женщины сидели возле мужей счастливые, раскрепощенные и без малейшего недовольства спонтанно организованным летчиками застольем. Разливая очередную бутылку по стаканам и рюмкам, Скопцов предложил выпить за присутствующих дам. Мужчины дружно согласились и встали. Довольные жены сияли и с благодарностью взирали на молодых майоров...

– Макс и тебе пора бы подумать о женитьбе. А то ведь насильно женим! – весело пообещала Галя, поднимая рюмку.

– Надо найти парню хорошую невесту. Сколько можно отбиваться от нахальных девок, норовящих забраться в постель?! Так и заразу, неровен час, подхватит. Вот есть у меня одна знакомая девушка... – поддержала тему другая сердобольная тетка.

– Ну, понеслось, – обречено вздохнул хозяин, – оседлали любимого конька! Теперь не отвяжетесь.

– А вдруг наш Алан Делон желает навсегда остаться «вольным стрелком»?! – неожиданно встала на его защиту одна из жен – симпатичная стройная красавица, – что вы к нему прицепились?

– Да-а... – протянул, закатив глаза, Лешка, – выстрелы у этого снайпера выходят отменные. Недавно такая барышня к нему в клубе подкатила... Просто слов нет – сказка... Ой!

Получив от Галки локтем в бок, командир «восьмерки» умолк.

Компания, наконец, выпила за слабый пол и продолжила веселье, но образ Александры, навеянный мимолетным упоминанием приятеля, уже не покидал мыслей Скопцова...

* * *

Вероятно, в этой местности серых пасмурных в году на-

считывалось немного. Поеживаясь от утреннего морозца, обитатели лагеря уже разбредались по тому же кособокому полю, не обращая внимания на быстро светлевшее над головами небо. Бледно-оранжевое солнце медленно выползло из-за восточных вершин, и вновь основательно перепаханный южный склон осветился его слабыми лучами.

Часть работников таскала от нескольких скирд, расположенных вдоль опушки сено, и разбрасывала по тем участкам, которые предстояло обработать за день.

– Брось-ка сюды, на мою гряду, – подсказывал Рябой расторопному молоденькому парню с клиновидной жиденькой бородкой, кидавшему в землю горсти светло-серых гранул, смешанных с мелким белым порошком.

Тот послушно изменил курс и хорошенько удобрил широкую полосу.

– А это что за хрень? – кивнул на химикаты Скопцов.

– Удобрение. Азотно-фосфорное...

– Доходчиво, – усмехнулся несведущий в сельском хозяйстве вертолетчик.

– Одно зеленой массе сил набираться помогает; другое, значит, – семенам, – стал обстоятельно объяснять здешний старожил. – Общий рост опосля побойчее выходит, да и покрепче растения из землицы встают...

– Ты прям агроном, погляжу, – проворчал Макс, вяло шевеля мотыгой. – На огороде что ли практиковал?

Рябой шел параллельно в паре метров. Похоже, настрое-

ние его улучшилось или же за сутки попривык к досаждавшему вопросам новичку.

– Да што там огород?! – мотнул он длинной засаленной шевелюрой. – Покуда в Пенджикентском районе Таджикистана с семьей кантовался, так всем совхозом енту канитель выращивали – от сева до сбора. От сушки и лечения до сбыта...

– Ого!.. Сушка, лечение, сбыт... Да ты наркоделец, погляжу! И как же ваш совхоз назывался? «Светлый путь в нирвану»? Или имени какого-нибудь наркобарона?

– Ну, про нирвану мы не слыхивали, и баронов у нас не бывало, а смешного в том ничего вижу. Мы опосля развалу-то не знали, как и на что жить – скарб лежалый на хлеб выменивали, штоб с голодухи не подохнуть. Вот директор и дал указание: корчевать табачные плантации и сеять вместо табаку енту... заразу.

– А тамошня власть об этом знала?

– Еще бы не знать!..

– И не возражала, не преследовала?

Теперь Рябой растянул серое лицо в улыбке.

– А пошто ей возражать-то было?! Местная милиция тока и кормилась с нашего совхоза. А бороться... – он распрямился, оперся узловатыми руками о черенок, посмотрел в чистое небо, что-то припоминая... – Пытался один ненормальный – начальник ентого... как его... наркоконтроля! да спал притом на раскладушке в собственном кабинете. А у

оконца держал заряженный пулемет. Уж и не ведаю, живой сейчас, али на пулю где нарвался.

– Занятно.

– Вот так-то, паря. Таким макарром я, значитса, и обучилса этому ремеслу!..

Максим на мгновение задумался и задал самый главный, мучивший целые сутки вопрос:

– Скажи, а зачем на верхней площадке держат самолеты?

– Кхе... – кашлянул в кулак худой работяга. Проворно глянув по сторонам, зашептал: – Леван наш – кажись, бывший летчик. Здешние старожилы поговаривают: он самолично ентот лагерь организовал и обустроил. Сам, значитса, завозил сюда на самолетах колючку, генераторы, топливо, выкупал первых поселенцев, нанимал охрану...

Плюнув на ладони, вздохнул и закончил кратковременный перерыв в работе со словами:

– Товар кому-то сбывает и наживой делится – не сам, значитса, ведает прибылью. А неучтенные излишки готового к продаже товара в летнее времечко грузит в один из еропланов и... улетает в неизвестном направлении. Коммерция, понимаешь ли!

– А основной товар идет чеченскими караванами в Россию? – пристально глянул на соседа майор.

– Ентото я тебе не говорил, – поостерегся от развития темы Рябой и поспешил свернуть тему: – Ну, все, – таперича давай работать, а то, не ровен час, узрит охрана нашу воль-

готовную беседу – беды не оберешься...

– Прикладами воспитывать будут?

– И прикладами, и чего похуже может приключиться, – буркнул тот и до самого обеда не разгибал спины.

В справедливости опасений нового приятеля Макс убедился скоро – вечером того же дня. Рабочее время закончилось так же с наступлением сумерек, однако охранники отчего-то не загнали заключенных в калитку, а приказали построиться вдоль колючей проволоки – с внешней стороны периметра.

Галдевские мужики враз притихли и команду исполняли в необычной тишине, суетно, быстро; с нарочито-показательной исполнительностью топчась и выравнивая фланги двух длинных шеренг.

Леван – плечистый грузин, деловито прошелся взад-вперед вдоль строя; повернув обратно, отдал короткий приказ. Тут же трое помощников выдернули из первой шеренги какого-то парня и принялись жестоко избивать...

– Енто начало. Самое страшное будет опосля, – не поворачивая головы, шепнул Рябой.

– А за что они его? – наблюдая за изуверским наказанием, сквозь зубы спросил летчик.

– Плохо работал.

Начальник лагеря вдруг резко обернулся и недовольно зыркнул на двух переговаривающихся мужчин. Тощий сосед

Макса сторбился еще сильнее, втянул голову в плечи, уменьшился в росте...

– Молчи, – испуганно произнес он, едва головорез сызнава вернул свое внимание к экзекуции, – а то и нам ребра поломают.

Но бог оказался милостив – их не тронули. Должно быть, Рябой числился на хорошем счету, к тому же неплохо владел технологией возделывания искомой культуры. Максим же после двух неполных дней пребывания в лагере считался новичком, не вкусившим строгости здешних правил.

А кровавое действо меж тем продолжалось до тех пор, пока Леван не изрек очередное непонятное слово:

– Кмара!

Оттащив бесчувственное тело парня к забору, охранники набросились на следующую жертву – одного из соседей Скопцова по землянке. Однако теперь высокого, неповоротливого мужика выволокли из строя не для истязаний и побоев.

– Дахвретс! – зло распорядился Леван.

Грубо швырнув испуганного работягу на самый край пашни, три молодца в теплых камуфляжных куртках натовского образца сдернули с плеч автоматы.

Одновременно щелкнули затворы, одновременно прогрехотали три короткие очереди.

Эхо выстрелов затерялось среди горных хребтов, а сотня почерневших от работы мужчин продолжала со страхом визи-

рать на окровавленное тело мертвого товарища, несколько секунд назад стоявшего среди них.

Тишину нарушала очередная команда плечистого.

Майор напрягся, ожидая третьего «сеанса» показательной жестокости, но Рябой облегченно вздохнул, повернулся и увлек новичка за собой к калитке.

Начинался ужин...

* * *

И третье утро на затерявшейся в горах северной Грузии конопляной плантации показалось Скопцову обыденным, ничем не примечательным. За исключением того, что, бредя после скудного завтрака к черной пахоте, он едва волочил ноги. От усталости изнывали не только мышцы рук, заставлявшие мотыгу по двенадцать-четырнадцать часов кряду совершать монотонные клевки. С непривычки болели плечи, спина, поясница и даже ноги. Нормально выспаться, отдохнуть, восстановить силы не позволял жуткий ночной холод, пробиравший до самых костей, до суставов. Да и настроение майора с каждым часом становилось все подавленнее – от радостного осознания счастливого избавления из ледяного плена штормового моря, не осталось и следа. Один плен сменился другим, и который из них был безнадежнее, он теперь уж и не знал...

С давних пор, сравнивая свою жизнь с партией в преферанс, он вдруг в одночасье забыл о карточных раскладах. Теперь все чаще на ум приходила старая детская игра на развернутом картонном поле. Кубик; разноцветные фишки; извилистый путь, обозначенный цепочкой пронумерованных кружочков... И разнообразные сюрпризы: то возможность обогнать соперников, выбросив удачное число и попав на зеленый сектор, позволявший перепрыгнуть несколько кружков; то красные ловушки, обязывающие пропустить ход, а то и вовсе безжалостно отправляющие назад. Вот и сейчас ему грезилось, будто угодил в такую же отвратительную западню...

Только что, торопливо пережевывая кусок кислого хлеба на завтрак и посматривая на товарищей по несчастью, Максим сделал странное открытие: не измождение от непосильной работы, не грубость обветренной кожи, не въевшаяся в нее грязь, поражали его с первого дня пребывания в лагере. А страх! Безумие и покорность затравленных страхом лиц сотни измученных мужчин – вот, что изначально казалось непостижимым и не давало покоя. После событий вчерашнего вечера, все становилось более или менее понятным.

Ночью, лежа на нарах в землянке, Рябой шепотом поведал: в обязанности слонявшихся вокруг плантации вооруженных головорезов входит не только наблюдение за порядком и пресечение попыток побега. Они к тому же ежедневно докладывают начальнику лагерной охраны о тех, кто работа-

ет хуже других. А уж тот, беря подобных кандидатов на заметку, выбирает очередную жертву для показательной казни.

– Лишние рты Левану тут без надобности, – тяжело вздохнул в темноте искушенный в тонкостях местных законов худощавый мужик средних лет. – Сотня рабов – боле для плантации в десяток гектар не требуется. Вот привели позавчера тебя – свеженького... стало быть, другого пустят в расход. Арифметика простая. Так что держи ухо востро и мотыгой маши без устали. Не то разговор будет короткий – таперича сам все видел...

Однако говорил об этом Рябой с какой-то непонятной виной в голосе, будто оправдывался, каялся в соучастии. Скопцов и впрямь подмечал за ним частое общение с охраной, короткие диалоги с Леваном – главным вершителем «законов» в лагере. С одной стороны подобное близкое общение не могло не настораживать. А с другой – если бы Рябой оказался стукачом, майора за десяток провокационных вопросов давно бы подвергли какой-нибудь профилактической экзекуции. Потому-то своим наблюдениям пилот большого значения не придавал – неказистый сутуловатый мужичок обитал на плантации полгода, неплохо разбирался в технологиях посева и обработки конопли. «Возможно, об этих вещах и говорят. Советы компетентного человека еще никому не повредили, – рассудил офицер, – а вот мне не следует попадать в черные списки Левана! Я – не Мичурин и здешнее

земледелие в моих прививках не нуждается. Бока намять для профилактики могут, но расстрелять, конечно, не посмеют – пока моя жизнь в руках очкастого разведчика. А вот что станется с моей неприкосновенностью потом – после его визита и разговора со мной?..»

И, не взирая на жуткую усталость, Макс этим утром взялся за дело так, будто был одним из совладельцев обширного земельного участка. «Как повернется дело дальше – не известно, – стиснув зубы, интенсивно перемалывал он все, что попадало под нехитрый инструмент. – Одно знаю точно: для начала необходимо выжить. А уж там посмотрим, какие цифири покажет кубик; на какой кружок приведет меня очередной ход. Мы еще посмотрим!..»

Весь день все мысли его, так или иначе, сворачивали к побегу.

Во-первых, совершенно не хотелось становиться изменником родины, выкладывая очкарику сведения о системах нового вертолета. А во-вторых, до вчерашней, показательной казни он почему-то всерьез не считал свое нынешнее положение катастрофическим. Будучи по натуре непоседливым оптимистом, всегда верил в удачный исход любых, даже самых тупиковых и критических ситуаций. Но вчера вдруг понял: на этот раз влип основательно. Сама по себе ситуация ни за что выправится – либо придется делиться секретной информацией, либо... И тут маячили два варианта: расстре-

ляют сразу после разговора с очкариком или оставляют гнить в этом лагере до смерти. А здесь в обнимку с мотыгой, можно проторчать и месяц, и год, и всю оставшуюся жизнь. Покуда плечистому грузину не взбредет в башку прикончить его по любому незначительному поводу.

И, плотнее стискивая зубы в нелегком поиске решения, Макс упрямо бормотал:

– Мы еще посмотрим, чья возьмет!.. Посмотрим...

Удрать во время работ на плантации было практически невозможно. По периметру кособокого поля располагалось не менее пятнадцати вооруженных автоматами парней – не слишком много для четырех сторон громадного прямоугольника. Но и немало для того, чтобы спокойно – как на стрельбище, срезать короткими прицельными очередями любого, кто отважится выскочить за его пределы и оказаться на открытом пространстве. Увы, в этом случае не станет союзником и покаты́й склон – тридцатисантиметровый слой снега не позволит двигаться быстро. Отважный безумец не получит в свое распоряжение ни скорости, ни возможности за чем-либо укрыться.

Посему, сразу отбросив данный способ, летчик с настойчивою кропотливостью перебирал в голове другие возможности обрести свободу. И в какой-то момент одна из мелькнувших мыслей показалась удачной – в короткий обеденный перерыв, когда рабов подгоняли к калитке и кормили баландой, половина охранников удалялась внутрь лагеря – отту-

да тянуло пьянящим ароматом жареного мяса и свежее испеченного белого хлеба. Сытые молодцы возвращались спустя четверть часа, сменяя на посту голодных приятелей.

«Вот тогда-то и нужно дергать, петляя между редких деревьев! Оно хоть и опушка, редколесье, но все не открытое место – попасть в меня будет гораздо сложнее. Да, возможно, начнут преследовать, да семь-восемь обожравшихся ублюдков резво не побегут. Правильно! – от близости спасительного решения Скопцов раскраснелся; мотыга неистово скакала вверх-вниз. А он уж принялся обдумывать детали: – Дергать вдоль колючки вверх по склону смысла нет – там имеется еще одна калитка, через которую меня провели в первый день, когда спустились с оборудованной под аэродром площадки. Услышав выстрелы, один из двух уродов, охраняющих калитку обязательно ломанется наперерез. Значит, нужно бежать вниз. Все верно – получится и быстрее, и надежнее!»

Решение, как ему показалось, отыскалось с поразительной легкостью. Но радость омрачило внезапная догадка: «Стоп, а вдруг и там – внизу, есть охраняемый проход в заборе, о котором я не знаю?..»

Зло сплюнув под ноги, он пристально посмотрел на сгорбленную фигуру Рябого, все так же медленно передвигавшегося параллельным курсом. Полного доверия к соседу майор не испытывал, да деваться было некуда и, сделав голос как можно беспечнее, он справился:

– Слышь, а внизу калитка в заборе есть?

Помолчав, тот усмехнулся:

– Нету тама калитки. Бежи, тока про собак не забывай – их в лагере аккурат для таких случаев держат.

– Это для каких же случаев? – пробормотал молодой человек сдавленным голосом.

– Для каких... – передразнил бывалый заключенный, – не ты первый, не ты последний. Был тут один шустрый – сиганул заместо обеда вниз вдоль проволоки, да промеж деревьев. К ущелью хотел податься. От пуль-то ушел – деревца подмогли, да от своры собак далеко по снежку не ускочишь. Там же – в низинке и остался лежать, изодранный в клочья. Небось, одни косточки белеют...

Только секунд через пять Максим понял, что застыл от изумления с поднятой над землей мотыгой. Спихватившись, покосился на прозорливого знакомца и возобновил работу.

Об этом варианте побега он боле не вспоминал – требовалось придумать нечто особенное – то, к чему абсолютно не были готовы местные вооруженные до зубов аборигены.

А ближе к вечеру, когда голова уж изрядно пухла от вороха и сумбура мыслей, Рябой вдруг недовольно проворчал:

– Ну вот, опять пополнение прибыло. Аж двоих зараз ведут... Значитса, двоих вскорости и порешат. Штоб ни дна им, ни покрышки...

Кому именно Рябой пожелал «ни дна, ни покрышки» – местным блюстителям прядка или новеньким, майор так и

не понял. Оглянувшись, он увидел нескольких охранников, идущих от опушки к полю. Те подталкивали в спины двоих мужчин; один из которых заметно прихрамывал, а второй...

Пристально взглядевшись в лицо второго, Макс расплылся в улыбке и непроизвольно сделал пару шагов навстречу.

Однако мудрый сосед снова предостерег:

– Куды намылился, егоза? Работай! А коли узнал кого, так помалкивай. От греха подале...

Способ восьмой

16-17 декабря

Чуть менее двух суток банда петляла меж хребтов и ущелий, упорно продвигаясь на юг. Выносливый главарь со шрамом на лице шел впереди и привалы назначал редко – когда уж многим становилось неважно выдерживать взятый темп. Лишь один привал растягивался на час – в полдень, когда духи дружно становились на колени для исполнения первой молитвы намаза, а затем доставали припасы и принимались за обед. Другие остановки были скоротечны – люди едва успевали справить нужду и, привалившись навьюченными рюкзаками или ранцами к валунам, выкурить по паре сигарет подряд.

Только к вечеру второго дня пути отряд вместо того, чтобы продолжать двигаться по относительно ровной тропе, неожиданно повернул к юго-западу и стал взбираться по крутому заснеженному склону. На вершине взору удивленных спецназовцев открылась обширное плоскогорье с зачехленными легкими самолетами, металлическими вагончиками, выкрашенными в серебристый цвет и грунтовой взлетно-посадочной полосой.

– Вот ни хрена себе!.. – проворчал Толик, оглядываясь по сторонам. – Ни городов рядом, ни сел, а тут целый аэродром.

Барклай с похожим недоумением обозревал необычное местечко; на шедших навстречу главарю вооруженных людей, одетых в теплые светло-серые с разводами костюмы...

Предводителя банды здесь неплохо знали – подошедшие обнимались с ним и обменивались громкими радостными репликами. Потоптавшись на ровной площадке и подождав, покуда подтянется отставший арьергард, банда двинулась к противоположному склону, затем в сопровождении пары местных охранников стала спускаться куда-то вниз вдоль редкой лесной опушки...

– Толик, как твоя рука? – обеспокоено спросил Всеволод.

– Терпимо. Если не шевелить локтем и не трогать плечо, – поморщился тот. – А что, моим здоровьем тут кто-то обеспокоен?

– Я обеспокоен. Кажется, у нас проблема...

Проблема состояла в том, что начальник охраны местного поселения военнопленных, куда угораздило попасть двух спецназовцев, наотрез отказывался выкупать у главаря банды русского офицера с подвязанной к груди поврежденной рукой. Торг между ними происходил уже несколько минут. Подполковник с трудом, но все же улавливал смысл отрывистых фраз, произносимых в пылу ожесточенного спора на этакой смеси чеченского и грузинского языков. По его персоне у плечистого грузина по имени Леван сомнений не возникало – крепкая фигура внешне вполне здорового Барклая

внушала уверенность в пригодности к какой-то работе; следы же побоев на лице в расчет, вероятно, не брались. А вот «однорукий» Терентьев коренастому горцу, совершенно не нравился.

Озадаченный Всеволод спешно искал решение. Если промедлить и стоять истуканом, с Толиком можно попрощаться – на отдых в Панкисское ущелье амир его не потащит.

Пленников освободили от веревок, но рядом по-прежнему топтались трое сопровождавших всю дорогу «духа». У одного из них – во рту торчала сигарета, щелкнула зажигалка; приятно пахнуло табачным дымком...

Отвернувшись от охранников, Барк что-то шепнул Толику. Тот повернул голову в сторону курящего, потом обратил непонимающий взгляд на командира...

– Потом будешь удивляться и задавать вопросы! – сейчас не время! – терял терпение старший офицер. – Дело серьезное. Постарайся. Вперед!..

Капитан, поправил грязную повязку, накрепко фиксировавшую на торсе левую руку и, шагнул к чеченцу...

– Слышь, гамадрил, дай-ка закурить, – молвил он с издевательской усмешкой, да еще сопроводил свой выпад смачным плевком в его сторону.

Три моджахеда на мгновение остолбенели; тот, к которому была обращена в столь невежливой форме просьба, дважды хлопнул веками и, опомнившись, отшвырнул сигарету в сторону.

– Оглох, что ли, примат? – продолжал наглеть Терентьев. – И приятелю моему сигаретку не забудь подпалить...

Дальнейшие события развивались стремительно: неуклюжее движение, похожее на замах для удара спецназовец прервал точным и резким тычком правого кулака в кадык. И пока боевик, схватившись за горло, пятился назад, силясь удержать равновесие, добавил с разворота стопой здоровой ноги в грудь. Сейчас же, увернувшись от кулака другого бандита, выбил из рук автомат третьего...

Возникшее «недоразумение» следовало так же быстро разрешить, дабы не схлопотать десяток пуль из «калашей», которые уже посрывали с плеч местные охранники. И Барклай, пустив в ход все свои познания чеченского языка, разразился громкой тирадой, останавливая и горячих горцев, и своего подчиненного, а, самое главное – пытаюсь привлечь внимание к «внезапно» вспыхнувшей потасовке двух главарей.

Жестокую расправу прервал коренастый грузин.

– Кмара! – отрывисто выкрикнул он.

Ему вторил чеченский амир, успокаивая и приводя в чувство соплеменников. Видно, смерть одного из пленников в лагере его не устраивала – здесь за продажу живого русского полагалась приличная сумма, а пристрелить его он с легкостью мог и сам – в лощинке, где банда настигла остатки спецназовской группы, или по дороге сюда – в северную Грузию. Но не для того он волок его сюда без малого двое суток!

Злобно поглядывая на молодого пленного, двое чеченов помогли подняться товарищу; грубо оттолкнув прикладами русских, вновь закинули оружие за спины.

И вот теперь, вслушиваясь в продолжение разговора главарей, подполковник с удовлетворением подметил перемену – грузин утерял былую уверенность и, бросая удивленные взоры на прыткого Толика, уже не возражал полевому чеченскому коллеге с прежним энтузиазмом. Спустя пару минут он крикнул кого-то из подчиненных. Ему тотчас принесли мотыгу, насаженную на длинный черенок.

– Эй, ты! А ну, попробуй!.. – кивнул он спецназовцу с подвязанной верхней конечностью и с силой швырнул ему инструмент.

Терентьев ловко поймал его здоровой рукой, повертел... Затем, переглянувшись с командиром и перехватив орудие поудобнее, принялся усердно молотить свободный от снега земляной бугор...

Вскоре начальник грузинской охраны отсчитывал амиру зеленые купюры, а Всеволода с Анатолием вели к черневшей на пологом южном склоне пашне.

На ночлег отряд расположился в лагере. Через пару дней полевой командир собирался двигаться со своими людьми дальше – на юго-восток, к Панкисскому ущелью, где планировал перезимовать, залечить раны, пополнить запасы, переждать до тепла и появления в родной Ичкерии спасительной

«зеленки». А в предстоящие двое суток бандиты решили отдохнуть и отоспаться, оккупировав несколько самых лучших землянок и повыгоняв на улицу изможденных местных рабочих. До середины первой ночи шастали к небольшому двалу с баранами, свеживали туши, что-то пили и горланили национальные песни у дымивших мангалов, отъедались...

Среди тех, кому «посчастливилось» ночевать под открытым небом, оказались и новички – Барклай с Терентьевым. Лагерная охрана милостиво позволила развести несколько костров – народ тут же расположился вокруг полыхавших хвойных чурбаков; двое назначенных дежурных занимались дровами, следили за огнем.

Спецназовцы были привычны к подобным нечеловеческим условиям, однако прижавшись друг к другу спинами, долго не могли уснуть. Толику не удавалось приспособить больную руку; ворочался и Всеволод, перелистывая страницы из прошлого и поминутно вспоминая свою незадавшуюся жизнь...

А далеко за полночь рядом послышался шорох, и над ухом кто-то осторожно зашептал:

– Товарищ подполковник...

Он приоткрыл один глаз. Терентьев, кажется, спал, да и шепот исходил с другой стороны.

– Товарищ подполковник, это я – майор Скопцов. Помните меня?

Барклай приподнялся, откинул воротник теплой куртки,

всмотрелся в нависшую над ним фигуру.

– Здорово, Макс, – спокойно и будто ожидая этой встречи, поприветствовал Барклай.

Подивившись этой сдержанности, вертолетчик пояснил:

– Сбили меня над морем. Здесь теперь обитаю.

Спецназовец быстро оглянулся по сторонам – патрулей, курсировавших по внутренней территории, рядом не было.

– Присаживайся, – подвинулся он, освобождая край влажного матраца, прихваченного кем-то из землянки. – Сбили, говоришь?.. А где твои ребята? Палыч, Андрей?..

– Погибли оба, – устало провел ладонью по небритому лицу Скопцов. – Андрюха замерз, когда в лодке ночью барахтались. Палыч чуть позже от переохлаждения... Похоже, на грузинском сторожевике умер, так и не придя в себя.

– Да... Жаль... Хорошие были мужики в твоём экипаже. И давно ты торчишь в этом «санатории»?

– Третьи сутки.

Помолчав, Всеволод произнес:

– Нашу вертушку тоже подстрелили. На юге Чечни. То ли «стрелой», то ли «стингером» достали – хрен его знает. Самую малость не дотянули до места высадки.

– А куда вы летели?

– Задание у моей группы было.

– У группы? – изумился пилот.

– Тише. Не привлекай внимания.

– Где же ваша группа? – понизил голос до шепота Макс.

– Вот, – кивнул подполковник на спящего товарища, – все, что от нее осталось. Я, да Толик.

– Стало быть, и вам не повезло.

– Ладно, чего теперь горевать о непоправимом?.. – вздохнул тот и, озабоченно сказал: – Ну-ка, поделись со мной, братец, о здешнем заведении и обычаях.

– Да о чем тут рассказывать?.. Пашем с утра до вечера в поле – не продохнуть...

– Не сельское хозяйство меня интересует, а организация охраны. Небось, успел разобраться, что к чему?

– Не без этого...

– Вот и расскажи – со всеми подробностями и деталями...

* * *

Утром настроение Рябого заметно улучшилось, и было у той перемены две простых причины. Во-первых, ночью замерз один из заключенных, спавших на улице, и эта внезапная смерть увеличивала шансы остаться в живых для всех остальных. А во-вторых, молодой новичок отчего-то работал сегодня словно заведенный, без усталости и перерывов, без дурацких вопросов и фантазий о побеге. Работал так, что Рябой не мог нарадоваться перемене. Перед обедом тощий работяга куда-то исчез, а, вернувшись, вручил новому приятелю за ударный труд погнутую, но вполне пригодную для

приема пищи ложку из нержавеющей стали...

Скопцов на самом деле перемалывал прелую траву и мерзлый грунт с неистовым остервенением. Первые радостные эмоции он испытал, увидев вчера на краю поля спецназовца Баркляя, вырванного его звеном из лап Араба в начале сентября. Когда же, выслушав ночью обстоятельный рассказ, подполковник обмолвился, что отнюдь не собирается засиживаться в этом гнилом и убогом местечке, пилот и вовсе воодушевился.

– Послушайте, Всеволод, мне позарез нужно сбежать! – с жаром прошептал он бывалому вояке, – сбежать любыми способами! Понимаете?..

– Похвальное желание, – невесело усмехнулся тот. – И как срочно тебе нужно попасть домой?

– У меня в запасе осталось три дня. Максимум – четыре. И не домой мне понадобилось, а отсюда сдернуть. Удрать из этого лагеря! Куда угодно – хоть к черту на рога!

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– А могу я узнать причину подобной горячки?

– Можете... – почесал затылок пилот.

Кому было доверять в этой ситуации как ни Баркляю? И он подробно изложил историю с допросом в порту грузинского приморского городка.

– Через четыре дня этот потный очкарик пожалует сюда. И что прикажете делать?..

– Да-а... – покачал головой подполковник, глядя на оранжевые всполохи костра. – Тогда действительно не стоит откладывать побег в долгий ящик.

Наморщив лоб, он несколько минут обдумывал ситуацию; чесал обросшую щетиной мощную нижнюю челюсть, жевал губами... Видно, неспроста генерал Ивлев обеспокоился возможным пребыванием в грузинском плену майора Скопцова; неспроста приказал снарядить группу и тайно отправить с заданием в сопредельное государство: проверить, отыскать следы членов пропавшего экипажа, а, найдя кого-то из них – отбить или выкрасть. Нет, безусловно, Ивлевым руководило не только желание сохранить имеющиеся огромную ценность секретные сведения – мужиком он всегда оставался свойским, правильным, своих в беде не бросал. Но...

Нимало озадаченный Всеволод спросил:

– Говоришь, двери землянок охранники на ночь запирают снаружи?

– Да, запирают.

– И каким же образом?

– На металлические засовы, похожие на... обычные задвижки. Да и сами двери сделаны на совесть, – пояснил Скопцов.

– Та-ак... Ладно, разберемся. Но желательно обойтись без шума и лишних проблем. Следовательно, нужно поторопиться и обстряпать побег до того, как уйдет банда, и нас

вернут в земляные норы – чтоб не возиться еще и с этим.

– Не забывайте о ночных патрулях и собаках. Леван увеличил их количество на время пребывания чеченцев.

– Я не забыл о патрулях. И, знаешь что? Брось-ка выкать – мы не в штабе и не на плацу. Где располагается на ночь охрана?

– Домишко деревянный видел?

– Самый здоровый барак без окон?

– Нет, в длинном бараке со слов Рябого, летом сушат собранную коноплю. А рядом с ним стоит обычная бревенчатая избушка.

– Понял. Между баракком и землянкой, где жратву готовят.

– Верно. Вот там они и ночуют. Печку, сволочи, постоянно топят, а мы от холода загибаемся...

– Не об этом сейчас речь. Стало быть, их человек двадцать пять, не более?..

– Где-то так. Максимум – тридцать. И собак с десятков.

Подполковник призадумался, потом решительно поднялся с матраца:

– Вот что, братец – ложись-ка на мое место. А я прогуляюсь – отолю и заодно осмотрюсь.

В этот момент кто-то завозился рядом, закашлялся, приподнял голову от вороха тряпья и мельком глянул в их сторону. Внешности проснувшегося человека на фоне полыхавшего костра было не разобрать, зато их лица он наверняка

успел рассмотреть.

Спецназовец с вертолетчиком притихли, замерли...

Работяга опять закопался в тряпье; возня прекратилась. Вновь наступила тишина, нарушаемая лишь треском горящих дров. Барклай кивнул приятелю и неприметной тенью исчез в темноте...

Вернулся он минут через сорок – мокрый, с налипшим на одежду грязным снегом. Усевшись рядом, доложил:

– Патрули шастают редко – осматривают в основном периметр. Собаки у них – дрянь. Видать, натасканы на стойкий запах старых, провонявших потом лохмотьев. Я хоронился метрах в шести от патрульной тропки, с подветренной стороны – мою свежую одежду они не учуяли.

– Рисковый ты, Всеволод, – покачал головой майор. – Будь поосторожней – «братья» грузины тут с нами русскими не церемонятся. Я сам вчера видел.

– Без риска, дружище, не обойтись. Или ты хочешь остаться тут навсегда?

– Нет уж, уволь. Давай, озвучивай свой план.

– А план у нас будет таков...

Побег был назначен Барклаем на следующую ночь. Потому-то нетерпеливый Скопцов и махал без усталости мотыгой на радость соседу Рябому. Сговорившись делать вид, будто не знакомы, вертолетчик и спецназовцы не подходили друг к другу ни в поле, ни во время скоротечного обеда. И лишь

под покровом темноты, когда дежурные снова займутся ко-
страми, а работяги начнут укладываться спать, им надлежа-
ло устроиться рядом.

Все шло обычным чередом: работа, обед, опять работа...
Покуда в сумерках – вместо долгожданной команды следо-
вать на ужин, охранники не взялись строить заключенных
вдоль колючей проволоки...

«Ерунда, – уверенно констатировал майор, сызнова вста-
вая в первой шеренге рядышком с пожилым приятелем. – Я
сегодня пахал как вол – меня не тронут. И Всеволод с Толи-
ком по моему совету трудились неплохо. Так что экзекуция
не про нашу душу!»

Плечистый грузин медленно двигался вдоль строя, пре-
зрительно вглядываясь в потухшие лица. Сзади, точно нераз-
лучные тени, вышагивали четверо подручных. Поравняв-
шись с Барклаем, старший внезапно становился...

– Этот, – кивнул он и двинулся дальше.

Подполковника выдернули из шеренги и поставили мет-
рах в пяти от пашни.

Сердце Максима болезненно всколыхнулось и, по мере то-
го, как начальник лагеря приближался, зашлось в бешеном
ритме, предчувствуя неладное...

«В чем дело?! Обычная профилактика для новеньких?
Урок на будущее, чтоб не расслаблялись? – лихорадочно раз-
мышлял он, пытаясь отыскать объяснение происходящему. –
Если так, то не страшно. Но если они прознали о планах по-

бега – нам конец».

Начальник лагеря остановился против Скопцова, осмотрел с ног до головы – верно, внимание его привлекла своеобразная летная форма.

– Вертолетчик? – прищурившись, спросил он.

– Был. Неделю назад.

Леван усмехнулся и кивнул охране:

– И этот.

«Все!.. Сомнений больше нет! Сейчас нашпигуют свинцом как того мужика, – промелькнула отчаянная мысль, когда и его вытолкнули из строя. – Если бы вывели меня одного, было бы спокойней – до встречи с очкариком не расстреляют. Но мы стоим на краю поля с Барклаем...»

– Эти двое прошлой ночью о чем-то долго шептались, – громко объявил грузин по-русски, остановившись неподалеку. – Я не знаю, о чем они говорили. Возможно, затевают побег или бунт. Это так?

Тяжелый взгляд его темных глаз поочередно буравил двух пленных.

– Мы служили в соседних гарнизонах, – невозмутимо ответил Всеволод. – И говорили о наших семьях.

– Я в этом не уверен, – парировал тот и отрывисто распорядился: – Наказать!

– Не вздумай рыпаться, – только-то и успел шепнуть спецназовец до того, как четверо охранников ринулись исполнять приказ.

Их били минут десять. Впрочем, представление о времени Макс начисто потерял после первого же десятка ударов. Всеволод еще стоял на ногах; он же, упав сначала на колени, а потом на спину, с трудом прикрывал руками голову...

– Сакмарисиа! – скомандовал своим людям начальник лагеря, и те, послушно отступили от двух распластавшихся на снегу тел.

Что означало это слово, майор не ведал, но понял: наказание закончилось...

Добраться до костров самостоятельно они не могли. Рябой, Толик и еще один доброхот-доброволец по очереди перетаскивали их к месту вчерашней ночевки. Терентьев осмотрел каждого: осторожно ощупал суставы, ребра; смыл ледяной водой кровь с лиц.

– Жить будут, – вздохнул он, присаживаясь рядом с командиром.

Всеволод понемногу приходил в себя.

– Толик, – позвал он.

– Я тут, Барк.

– Чужих поблизости нет?

Тот огляделся по сторонам...

– Рябой в паре метров. О котором Макс толковал. Ты говори тихо – я услышу.

– Отбой на ближайшую ночь. Ничего у нас сегодня не получится – в себя бы до утра придти, на ноги подняться...

– Само собой, Барк – успеется с нашим планом. Ни сегодня, так завтра, – шепотом подбадривал товарищ.

– Ты, случаем, не помнишь, кто прошлой ночью устраивался на ночлег по соседству с нами?

– Хрен их знает, – виновато пожал плечами капитан. – По-моему, они все здесь на одно лицо: худые, изможденные, запуганные...

– Вот и я ни одного не запомнил, – подполковник приподнялся на локтях; откашлялся, отплевался и позвал Рябого: – Слышь, приятель!.. Подойди-ка сюда...

Если к непоседливому Скопцову простоватый тощий мужичок относился снисходительно, точно опытный наставник к молодому ученику, то вид и поведение крепкого вояки – почти его ровесника, определенно внушали уважение.

Послушно приблизившись, тот присел рядом...

– Дружище... ты, говорят, все знаешь про местные порядки, – легонько касаясь ладонью отбитых ребер, поморщился Всеволод. – Это правда?

– Есть такое дело. Давно тут проживаю.

– Тогда скажи-ка мне, кто среди заключенных стучит начальству?

Рябой деловито потер смуглый подбородок, воровато оглянулся и вполголоса доложил:

– Двоих таких товарищей знаю.

– Товарищей!.. – кисло ухмыльнулся пленный русский. – Ну, и что же за «товарищи»? Выкладывай как на духу.

– Один, значит, молодой парнишка, што днями мечет удобрение по полю. За свои доклады, видать, и получил шикарную работенку...

– Показать его можешь?

– А што его показывать? Вона он в пяти шагах лежанку обустройства, – неприметно кивнул тощий мужик.

Барклай проследил за взглядом Рябого и спросил:

– Это, у которого бородка клинышком?

– Он самый.

– Отлично. Спасибо за ценную информацию. Ну, а кто же второй «доброжелатель»?

Пожевав губами, точно обдумывая последствия, тот с детской наивностью выдал:

– Вторым-то я буду.

– Ты?! – нимало удивился подобной прямооте спецназовец. – Вот это номер!..

– Так точно, – отчего-то по-военному отвечал допрашиваемый. Но сразу поспешил уточнить: – Вы тока поймите на вид: мои доклады имеют касательство тока качества работы на делянках. И... и особо сильно никого опосля моих... докладов еще не наказывали.

– Хм... – покачал головой Сева и переглянулся с Терентьевым, будто затевал что-то недоброе. – Занятно рассуждаешь. Впрочем, ладно – мужик-то ты, судя по отзывам моего друга, нормальный. Но смотри!.. – поднял он тяжелый взгляд, – болтанешь про нас лишнего – не проснешься. По-

нял?

– Ну, енто вы зря, ей богу! – обижено пробормотал Рябой. – Што же я не понимаю – о чем можно, о чем ни-ни?! Я ж и сам сюды не по доброй воле попал.

– Ладно, не нервничай. На всякий случай говорю. Тогда последний к тебе вопрос... Вернее, просьба. После ухода банды народ вернут в землянки. Сможешь устроить так, чтобы мы втроем оказались в одной?

– Енто можно. Покумекаю и устрою.

– Договорились. Все, иди, отдыхай...

Проводив сутулую фигуру взглядом, Барк позвал Толика, и что-то сказал ему на ухо.

– Обоих? – тихо справился тот.

– Нет, пока одного. Молодого.

– Легко. Не вопрос...

Едва следивший за кострами дежурный подбросил в огонь дров и удалился за следующей порцией загодя нарубленных поленьев, Терентьев приподнял голову, медленно сполз с лежанки и скользнул к спящему неподалеку парню. Бесшумно подкравшись к вороху тряпья, воровато оглянулся и проворно – без лишних раздумий, навалился сверху крепким телом.

Парень с бородкой дергал ногами, головой; пытался освободиться... Но ладонь здоровой руки спецназовца намертво сдавила горло и сжимала до тех пор, пока стукач не перестал подавать признаков жизни.

Нащупав на всякий случай запястье, и убедившись в отсутствии пульса, Толик встал с обмякшего тела и пополз к Барклаю...

– Порядок, – шепнул он ему, вновь устаиваясь на не успевшем остыть лежаке.

– Следов не оставил? – справился командир.

– Ты прям как уголовник со стажем!.. – усмехнулся тот.

– Станешь тут уголовником!..

– Все нормально – чисто! Воротник у него хороший, высокий... В самый раз для такого дела – цела, надеюсь, шея – ни царапины, ни синяков.

– Молоток, – оценил усердие Всеволод. – Стало быть, просто замерз, как тот – вчерашний. А сейчас спать!.. Мы ничего не видели...

Сам же, так и не сумев поудобнее устроить нывшее от боли тело, надолго окунулся в воспоминания о своей Виктории...

* * *

Узнав о решении развестись с Давидом, родители не стали корить свою дочь, докучать нравоучениями. От богатства и устроенности так просто не бегут, решили они. Должно быть, имелись на то веские причины.

– Отдохни, приди в себя, – посоветовала Вике мама, – а на

работу устроиться успеешь – мы с отцом пока не бедствуем.

Они и впрямь не бедствовали – отец заведовал станцией технического обслуживания, мать служила в районной администрации. Деньги в семье водились – пару лет назад был достроен кирпичный особняк, и супруги перебрались в него из ветхого домишки, пока еще стоявшего по соседству таким памятником деревянному зодчеству позапрошлого века.

– Вот снесу хибарку, – посмеивался глава семьи, показывая дочери обновленный участок, – и тебе домищу на освободившемся месте справлю. Заживешь на славу, повстречаешь порядочного человека, замуж выйдешь, внуков и внучек нам нарожаешь... Так что не горюй – прорвемся!

«Не горюй – прорвемся!» – было любимым выражением ее отца.

И она под натиском любви и заботы понемногу оттаяла, хотя воспоминания частенько тревожили, уносили в прошлое. Особенно тяжело приходилось бессонными ночами в просторной спальне, которую родители без раздумий и тотчас обустроили на необжитом пока втором этаже в день неожиданного возвращения единственной дочери.

Кончик яблоневого ветви тихонько скреб по стеклу. Безветрие и тишина темной южной ночи вновь навевали грустные мысли. Глядя на мерцавшие в бездонной черноте неба сплюснутые звезды, она вдруг припомнила, как исподволь зарождавшееся чувство к Всеволоду Барклаю побудило ее од-

нажды провести некий эксперимент – проверить верность мужа – Давида.

В тот день они отмечали пятую годовщину супружеской жизни. Утром он преподнес ей безумно дорогой подарок – золотое кольцо с бриллиантом. Драгоценностями муж не баловал, но к вечеру ожидалось множество гостей – прекрасный повод похвастаться щедростью, намекнуть на немалые доходы.

Застолье в их просторной квартире затянулось до поздней ночи. Давид изрядно выпил, танцевал и флиртовал со всеми молоденькими девушками без разбора, изредка не надолго исчезая с кем-то из них из поля зрения...

Народ разошелся лишь к двум часам. А на огромном велюровом диване в гостиной осталась лежать спящей самая несдержанная в употреблении алкоголя – незамужняя Ирочка, живущая в квартире напротив и частенько заглядывавшая к ним на правах доброй соседки.

– И что мы с ней будем делать? – покачиваясь, недоуменно спросил супруг, с любопытством поглядывая на ровные бедра, едва прикрытые мини-юбкой.

Виктория не решилась поручить ему странствие с бесчувственной ношей по длинному коридору, холлу и подъезду – он и сам-то едва стоял на ногах. Потому, долго не раздумывая, решительно скомандовала:

– Подними ее и поддержи на руках. А я расстелю простыню, положу подушку.

Узрев же, с каким желанием тот подsunул руку под ножки соседки, с каким благоговением исполнил приказ, внезапно подумала: «А не сыграть ли мне в одну занятную игру?..»

И, постелив постельные принадлежности, сыграла...

– Ну что же ты положил ее и стоишь, как истукан? – улыбнулась она, подхватывая со стола тарелки. – Раздень-ка человека – не в одежде же ей спать!..

– Раздеть? – ошалело переспросил банкир.

– А что в этом такого страшного? Конечно, раздень. Или не умеешь?..

Он пожал плечами, послушно присел на диван и начал медленно расстегивать пуговицы светлой блузки...

Вика курсировала из гостиной на кухню, разделенные высокой барной стойкой и осторожно наблюдала за происходящим. А понаблюдать было за чем: даже занимаясь блузкой, Давид норовил прикоснуться и пощупать Ирочкины бедра, живот, грудь...

Покончив с посудой, Виктория потушила верхний свет, включила стоявший в углу экзотический торшер и, загадочно улыбнувшись, отправилась в ванную принимать душ. Вернувшись, обнаружила мужа все за тем же занятием – раздевал он девицу аккуратно и неторопливо, точно наслаждаясь каждой минутой доверенного действия. Колготки были приспущены до коленок, лифчик с юбкой валялись на полу, тонкие трусики отчего-то съехали вбок...

– Ну, что же ты остановился? А дальше?.. – медленно по-

дойдя к нему, спросила она.

Не смотря на изрядную порцию алкоголя, он пребывал в явной растерянности: молодое, незнакомое и абсолютно доступное тело влекло, и в то же время обескураживала новизна поведения с непривычной лояльностью супруги.

Он послушно стянул колготки. На девушке остались одни трусики, и Давид в нерешительности замер...

– Смелее. Чего ты боишься? – обвила Вика руками мужскую шею. – Почему ты медлишь?..

Последний элемент одежды немного сполз вниз...

– Снимай же с нее все, милый! Смотри, какая она хорошенькая!.. А потом мы ее слегка оденем, чтоб утром не возникло вопросов, – наткнувшись же на мутно-изумленный взор, поспешно пояснила: – Это мой подарок к нашему юбилею. Ты же не поскупился, преподнеся мне такое чудесное колечко! И я должна тебя чем-то отблагодарить, верно?..

Последний довод оказался для банкира решающим. Прикусив губу, он кивнул, и трусики, соскользнув с Ирочкиных ног, упали на пол.

– Ну, и как она тебе?

– Ничего... – сдавленно прохрипел супруг, пялясь на выбритый лобок.

Но и на этом Виктория не остановилась. Ей было плевать на пьяную соседку – интересовала верность близкого человека.

– Можешь потрогать ее, погладить – я не возражаю, а зна-

чит, это не будет твоей изменой, правда?..

И, окончательно уверовав в прямоту поведения жены, он расслабился, простер вперед руку, занялся упругой грудью. Вика присела на край дивана, осторожно приподняла и согнула в коленке правую ножку спящей Ирочки, слегка отвела в сторону и... содрогнулась, узрев загоревшийся взгляд Давида.

Не выдавая, однако, рвавшегося наружу возмущения, она игриво предложила:

– И здесь поласкай, не бойся – она очень крепко спит и не почувствует...

Спустя минуту, расстегивая ремень его брюк, подбадривая и осыпая поцелуями, Виктория чувствовала, насколько молодой мужчина, трепетно прикасавшийся к чужой плоти, возбужден, сколь неистово разыграло в нем желание. Голая Ирочка лежала перед ним с широко раскинутыми бедрами – окончательно осмелев, левую ножку он аккуратно пристроил на спинку дивана сам. Сидя перед ней в приспущенных брюках, Давид рассматривал и поглаживал ее прелести и... почти не обращал внимания на жену. А жена, незаметно и горько усмехаясь, все еще обнимала его и ждала развязки своего эксперимента.

Она стащила с него брюки, сама рассталась с легким халатиком, обнаженной уселась поближе, но... тщетно – лишь делая вид, что не забыл о ней, он всецело был поглощен совсем другой женщиной. И даже взобравшись на супруга

сверху и ощущая желанную близость, молодая женщина не смогла окончательно отвлечь, вернуть к себе его внимание. Одна мужская ладонь лежала на талии жены, а вторая продолжала сновать между Ирочкиных стройных ножек...

– Оставь ее в покое! – наконец, требовательно зашептала Виктория, – разве тебе не достаточно меня?..

Тот резко отдернул руку, но через минуту она снова поползла вверх по чужим бедрам, снова ощупывала округлые ягодицы...

Внезапно пьяная девица что-то пробормотала во сне, брыкнула ногой и очень кстати перевернулась на живот. Испугавшись ее движения, Давид переключился на Вику и вскоре тяжело дышал, то ли имитируя, то ли и впрямь подбираясь к завершающему действию...

«Скорее, просто делал вид!.. – печально усмехнулась девушка, не замечая катившихся по щекам слез от давней обиды. Звезды дружелюбно подмигивали с ночного небосвода, а воспоминания продолжали мучительную пытку. – Конечно, инсценировал получаемое удовольствие, пылкую страсть, оргазм... А сам только и ждал удобного момента, когда я отлучусь из гостиной».

Да, именно так оно и случилось. Спустя четверть часа, выйдя из-под тугой струи душа, Виктория осторожно выглянула из ванной и узрела кульминацию своей отчаянной затеи – лежащая на диване Ирочка, подобрала под себя колени

и постанывала в пьяном бреду; Давид стоял сзади и, обхватив руками ее талию, пыхтел в унисон монотонным движениям...

«Нет... Барклай совершенно иной! – вдруг помимо желаний, сама собой накатила теплая волна. Слезы быстро высохли, печальная улыбка сменилась радостной. – Мы не успели признаться друг другу в любви, но сколько у него было возможностей затащить меня в постель! И ни разу он не осмелился сделать это, даже когда оставались наедине, когда пили шампанское в гарнизонной квартирке и обстановка к тому располагала. И насколько он поразил меня тем давним откровением, в маленьком уютном кафе...»

– Секс с нелюбимым человеком – есть заурядная механика, не приносящая в душу света, – мягким баритоном говорил Всеволод, не решаясь поднять на милую собеседницу взора – слишком уж деликатной темы случайно коснулся долгий разговор. – Симпатия, дружба, легкое приятельство – не подходящее для близких отношений основание. Только любовь! Таково мое убеждение, Виктория. Вероятно, оно покажется старомодным и вызовет насмешку, но...

Там – за столиком в кафе она промолчала. Нет, не старомодными и смешными представлялись ей убеждения этого сильного, невозмутимого и уверенного в себе мужчины с тяжелым пронзительным взглядом зеленовато-коричневых глаз. Они казались чересчур уж правильными, если не сказать идеальными. Ныне, уже лучше зная Барклая и мно-

гократно убедившись в честности немногословного офицера, она непременно бы ответила. За сии принципы любая нормальная женщина, познавшая горечь предательства и научившаяся ценить настоящее ЧУВСТВО, пошла бы на край света.

И вновь по ее щекам покатались слезы. Теперь от той страшной мысли, что, возможно, никогда уж боле не увидит Всеволода...

Способ девятый

20-21 декабря

Трое суток Барклай со Скопцовым приходили в себя после показательной экзекуции перед строем. Чуть занималась утренняя заря, с трудом поднимались, через силу запихивали в себя куски черствого хлеба и, покачиваясь, шли на работы – ни на какие поблажки после наказаний надеяться не стоило. Однако времени подполковник даром не терял – спал ночами по привычке мало и, ворочаясь, тщательно обдумывал план побега.

Как и планировалось чеченским амиром, в назначенный день банда снялась и ушла в сторону Панкисского ущелья. Внезапная смерть молодого парня с бородкой великого резонанса в лагере не вызвала – слишком уж лютые по ночам стояли морозы и, пошептавшись, народ скоро позабыл о нем. Пару дней, правда, плечистый Леван подозрительно косил на новых подопечных, да нездоровый вид всех троих, вероятно, не давал повода считать их причастными к происшествию...

Вскоре после ухода из лагеря боевиков Всеволод знал, что нужно делать. План прорабатывался им ночами, но имелись в нем, к сожалению и белые пятна преогромного размера. В одном он был твердо уверен: для начала под покровом ночи следовало выбраться из землянки и незаметно добраться до

колючей проволоки...

Рябой выполнил обещание – оба спецназовца и вертолетчик обитали в одном убогом жилище. Рядом с ними пустовало четвертое спальное место, сам же Рябой снова обосновался в облюбованной ранее землянке. Все это весьма устраивало подполковника для тайного осуществления заветной мечты.

В ночь с двадцатого на двадцать первое декабря поднялся жуткий ветер, принесший с черноморского побережья оттепель с низкой облачностью и обильным снегопадом.

– Подъем, Толик! – негромко скомандовал Всеволод в середине ночи, – подходящая нынче погодка. Пора браться за дело! – И, растолкав крепко спящего Скопцова, приказал: – Одолжи-ка нам, братец, свою «фирменную» ложку.

Тот нащупал в темноте потянутую ладонь спецназовца и вложил в нее старую погнутую ложку из нержавеющей стали.

– Толик приступай. И постарайся без шума, – распорядился Барк, передав ему единственный инструмент.

Пока Терентьев ковырялся у выхода, пытаясь с помощью просунутой в щель длинной вещицы отодвинуть задвижку, вертолетчик окончательно проснулся и вник в значимость происходящего.

– Ты все продумал, Всеволод? – настороженно спросил он.

– Почти. Чуть позже нам понадобится и твоя помощь...

Капитан быстро справился с задачей и слегка приоткрыл дверь, пропустив внутрь полоску слабого света от ближай-

шего прожектора.

– А теперь слушайте внимательно... – прошептал подполковник, обняв приятелей.

И подобно изложил им план проникновения за пределы обнесенного забором периметра.

Поначалу Макс с легкостью предугадывал и читал замысел офицера спецназа. Выбравшись из землянки и снова заперев снаружи щеколду, они друг за другом поползли по рыхлому мокрому снегу к южной стороне периметра – там не было калитки, следовательно, отсутствовал и постоянный пост. Патрули, разумеется, появлялись, да улучшить момент между редкими в непогоду обходами не представляло великой сложности.

Далее ползший первым Барклай, подобрал две толстых обломанных ветром ветви; метров за двадцать до колючки приказал всем затаиться, чудом заметив идущих парней с висевшими на плечах автоматами. Укрываясь от ветра и летевшего навстречу снега, те молча брели по тропе, держа на коротком поводке лохматого пса. Патруль проследовал вдоль ограждения и исчез в темноте за деревьями...

Пролежав на всякий случай без движения еще пару минут, Всеволод осмотрелся и рванул к забору. Упав возле ограждения, он ловко подцепил нижнюю проволоку торцом палки, воткнул нехитрое приспособление в снег; аналогичную манипуляцию проделал и со второй ветвью, но в метре

от первой. Теперь колючка нависала над сугробом сантиметров на тридцать. Призывно махнув друзьям, спецназовец откинул из-под проволоки снег и велел по очереди выбираться наружу.

Ориентируясь по нескольким тускло мерцавшим в снегопаде прожекторам, командир отвел группу метров на триста от забора и... резко повернул к перепаханному полю. Трое беглецов достигли плантации и опять стали подворачивать влево, огибая лагерь уже с восточной стороны...

И с этого момента Максим напрочь перестал понимать ход его мыслей. «Почему он ведет нас таким замысловатым маршрутом? Зачем мы кружим у этого проклятого лагеря, вместо того, чтобы напрямик убираться подальше, к примеру – на север?! – взбираясь по склону, удивлялся майор. Он шел вторым – впереди маячила спина Баркляя; замыкал шествие осторожный Терентьев. – Возможно, подполковник ведет нас к той тропе, по которой их привела сюда банда. Но для чего?! Ведь разумнее было бы не накручивать виражи, а срезать путь по ущелью. Бред какой-то!.. Могли оказаться уже в километре к северу...»

Пашня давно закончилась, они медленно продвигались вверх по глубокому снегу. И вскоре Скопцов не выдержал:

– Всеволод, мы сейчас упремся в площадку с самолетами. Ты помнишь, что ее тоже охраняют? Не лучше будет обойти это место стороной?..

– Зачем же нам его обходить?! – усмехнулся тот. – Мы

прямиком туда и чешем.

– Не понял... За каким чертом?!

– Наверху стоят самолеты, верно?

– Ну и что?..

– Макс, ты ведь летчик. Так какого хрена нам петлять по горным тропам, рискуя быть перехваченными грузинскими «друзьями» или их чеченскими кунаками, вместо того, чтобы преспокойно отсюда улететь?

От неожиданности сего заявления молодой человек на какое-то время потерял дар речи.

– Сева... ты в своем уме?! – забыв о всякой субординации и разнице в возрасте, изумленно пробормотал он.

– В своем. А в чем ты узрел проблему? – все так же сдержанно отвечал тот.

– Во-первых, я вертолетчик. Понимаешь – вер-то-летчик! И никогда в жизни не управлял самолетами. Во-вторых, там до чертовой страсти охранников и obsługi! В-третьих, ты представляешь, сколько должно быть выполнено условий, чтобы хотя бы один из тех трех драндулетов, что я видел наверху, смог взлететь?..

– И сколько же?

Майор с жаром принялся загибать пальцы:

– Исправные двигатели, управление и электросистема для запуска; наличие на борту топлива, масла и аккумуляторов... И, наконец, подними голову и посмотри вокруг!!!

Барклай огляделся по сторонам...

– Да ты не врагов за кустами высматривай! Ты на погоду полюбуйся!! – продолжал возмущаться пилот. – Даже если нам удастся каким-то чудом оторваться от земли, то свернем шею раньше, чем успеем этому обрадоваться!..

– Согласен – погодка дрянь. Так тебя разве только в хорошую учили летать?

– Да в таких метеоусловиях летают одни самоубийцы! Вернее, не летают, а лишь пытаются!..

– Ну, вот что, Макс, – остановившись, решительно оборвал его подполковник. – Довольно истерик! Другой возможности свалить отсюда у нас нет, и не предвидится. И потом... Ты ведь сам напрашивался побыстрее и подальше убраться из этого лагеря. Верно?

– Напрашивался... но я не думал, что ты избереешь такой способ!..

– Послушай, дружище, ты всегда производил впечатление вполне управляемого и разумного парня. Так не порть обедню и дальше.

Потупившись, Скопцов молчал...

– Тебя на самом деле нужно вытащить отсюда как можно быстрее. И ты обязан нам с Толиком в этом помочь. Согласен?

– Ладно, попробую. Хотя большой разницы не вижу: сломать башку этой ночью на «Фармане» или ждать расстрела в лагере.

– Так-то оно лучше – уже похоже на мужское поведение.

Вопросы есть?

– Нет.

– Тогда вперед!..

Сева повернулся и тем же решительным шагом продолжил восхождение. Максим вздохнул и обреченно поплелся следом. Спорить с опытным воякой не хотелось, но и веры в успех авантюрного замысла далекого от тонкостей летной работы человека не прибавилось...

Погода продолжала портиться с каждой минутой. Порывы ветра все чаще достигали ураганной силы, принося с юга все новые и новые снежные заряды. Вероятно, в море сейчас опять бушевал такой же шторм, как и тот, что унес жизни Палыча и Андрея.

Беглецы осторожно подобрались к краю площадки, присели на корточки за небольшим снежным бруствером. Слева – там, где находились убогие строения, виделся единственный огонек – должно быть, светилось оконце вагончика охраны. Место стоянки самолетов тонуло во мраке...

– Толя, прошвырнись, осмотри, на всякий случай, – шепнул Барклай.

Однако тот отчего-то не прореагировал на приказ; оглядываясь назад и настороженно вслушиваясь, приглушенно произнес:

– Барк, по нашим следам кто-то идет...

Ему и впрямь удалось стереть из памяти строптивую девицу, гордо бросившую в клубе: «Извините, но мы уже уходим...»

В свободное от служебных обязанностей время Скопцов мало появлялся в городке – жизнь, как всегда, текла медленно и размеренно. Старые гарнизонные подружки нет-нет, да и забредали – посидеть за кухонным столом, уютно освещенным свисающей с потолка оранжевой лампой; выпить хорошего вина, поболтать, а заодно остаться на ночь – согреть на широком диване обаятельного и острого на словцо хозяина однокомнатной квартиры.

Торопливые будни тоже были под завязку заняты другим: частые вылеты в соседнюю Чечню; новые заботы командира звена и прочая армейская суета... Настя днями пропадала в метеослужбе; вздорная особа – очевидно, ее младшая сестра, скорее всего, сидела дома или разъезжала по югу Ставропольского края, осматривая курортные достопримечательности. Одним словом, вероятность пересечения Макса с двумя красотками, сводилась к нулю.

Лишь однажды, тихим летним вечером капитан подошел к клубу с намерением повидать по какому-то делу приятеля – незабвенного Алексея...

Внезапно, кто-то, подойдя сзади, закрыл ладонями его

глаза.

«Лешка стервец!..» – пронеслась первая мысль, и он хотел уж было ляпнуть что-то залихватское, матерное, пихнув при этом локтем в брюхо, как вдруг понял – слишком уж нежные для оболтуса-однокашника ручки. Осторожно сняв их, повернулся... Перед ним с радостной улыбкой на лице стояла Анастасия, за ней – чуть поодаль, юная, очаровательная незнакомка.

– Привет Максим, – улыбнулась молодая женщина и, приблизившись, вполголоса попросила: – не сердись, пожалуйста, на нашу девочку – она все это время только о тебе и думает...

Решительно подведя ее ближе, она представила их друг другу:

– Моя сестра – Александра. А это – Максим Скопцов. Настоятельно рекомендую, наконец, познакомиться.

– Очень приятно, – кивнул пилот, но, испытывая неловкость, не знал, что же делать дальше.

– Ты ведь сегодня не торопишься? – лукаво спросила Настя у смущенной девушки, помогая давнему приятелю выйти из затруднительного положения.

– Нет, – ответила та, пряча взгляд и покрываясь румянцем.

– Ну и славно! Пойдемте в зал...

Они вошли в клуб и смешались с толпой веселящихся людей...

– Я буду дожидаться мужа, а вы потанцуйте, – подзадорила Анастасия и, неожиданно соединив их руки, шепнула: – доверяю тебе Сашеньку на весь вечер.

Младшая сестра бросила на нее последний, умяляющий, растерянный взгляд и осторожно высвободила ладонь. Некоторое время парочка стояла в молчаливой растерянности, но при первых же аккордах медленной музыки, словно из-под земли вырос, черноусый капитан Максудов.

Восторженно пялясь на красавицу, начальник автопарка с еле уловимым восточным акцентом обратился к Скопцову:

– Разрешите пригласить вашу даму?

«А не крутануть ли нам рулетку?» – подумал летчик и, пожав плечами, возражать не стал:

– Пожалуйста, если дама не возражает.

Обворожительная барышня, даже не взглянув на подошедшего претендента, встала еще ближе – почти прижалась и сама нашла руку Максима. Столь своеобразно выраженное желание остаться с ним весьма поразило молодого человека. Он внимательно посмотрел на нее и решил в дальнейшем воздержаться от жестоких игр в фатализм, тем более что перед застенчивой спутницей еще предстояло загладить вину.

– А мне ты не откажешь?

Вместо ответа Александра опустила руки на плечи кавалера...

Обнимая девушку, он ощущал трепетное дыхание, чувствовал щекой прикосновение ее дивно пахнущих волос.

Чуть склонив голову набок, она молчала, и все же что-то выдавало легкое беспокойство.

Чтобы немного разрядить обстановку, Скопцов тихо прошептал партнерше на ухо:

– Я должен перед тобой извиниться...

– Нет-нет! – тут же отозвалась она. – Это вы простите меня за тот поступок.

– Ты поступила вполне объяснимо, – не сдержал он улыбку и почти серьезно добавил: – только одного я сейчас не понимаю...

Та вопросительно и с тревогой заглянула ему в глаза.

– ...Почему ты называешь меня на «вы»? – закончил пилот и уловил ее облегченный вздох.

* * *

– Сиди здесь, – озабоченно бросил пилоту подполковник, и оба спецназовца моментально растворились в темноте.

Внизу – метрах в двадцати, послышалась возня, чей-то короткий вскрик. Сомнения и страхи мучили Скопцова до тех пор, пока не появились знакомые фигуры, волокущие под руки какого-то нескладного человека.

– За нами увязался, идиот, – прошипел Терентьев.

Перед майором появилось лицо насмерть перепуганного Рябого.

– Ты, какого черта сюда приперся? – не сдерживая раздражения, вполголоса возмутился Всеволод.

– Вы што же затеяли-то, мужики? – слабо защищался тотший мужик. – За енто дело тута беспощадно расстреливают!

– А то без тебя не знаем!

– Мы, положим, домой собираемся – закончилась горящая путевочка в ваш «пионерский» лагерь. А вот из-за тебя, мля, все может рухнуть!..

– Вы ж пропадете тута без меня...

– Мы с твоей самодеятельностью пропадем! – потрянул его за рваную одежду Барклай.

– Ладно, парни, чего теперь выяснять? – сжалился над приятелем Максим. – С нами побежишь или здесь гнить останешься?

– Што ж мне выпадает при таком раскладе?.. – вздохнул тот. – Ентоть они вас поутру хватятся, а злобу-то на мне и выместят – спросят: почему молчал? Придется таперича с вами мыкаться.

– Хорошо, – поморщился Всеволод. – Но запомни: еще одна подобная выходка, и я сам обучу тебя хорошим манерам.

– Мужики, нас ведь все одно догонят, – жалостно запричитал Рябой. – Чай, не мы первые! И раньше бедовым ухарям удавалось удрать с территории, да што с енто толку – далеко до утра не уйдем! С собаками-то они нас живо по следу настигнут! Нихто еще отсюда не уходил живым, по-

нимаєте – ніхто!!

– Не каркай. Знаєш, як у нас в спецназе говорять? – негромко осадил его підполковник. – Делай, що повинен, і будь що буде!

Роботяга шмигнул носом і умолк. Деватися було некуда – повернутися в лагере означало підвергнути себе смертельному ризику.

Толик отправился на разведку. Старший группы, между тем, обратился к пилоту:

– Действуем следующим образом: мы с Толиком прикрываем, а вы с Рябым шарите по самолетам – выбираете исправный.

– Сева, прежде всего, нужны аккумуляторы, – вытирая лицо от налипшего снега, устало пояснил майор. – Зимой их на борту не оставляют, значит, надо искать где-то в теплом помещении. Не исключаю, что их хранят и подзаряжают от какого-нибудь автогенератора поблизости от охраны.

– Ну, вот наконец-то слышу конструктивную речь. Так бы сразу и сказал. Тогда мы с Терентьевым аккуратно наведемся к их жилищу, а ты все равно займись самолетами – проверь все ли крылья на месте, колеса... – улыбнулся Барклай, стараясь подбодрить вертолетчика.

– Во-первых, не колеса, а шасси. Во-вторых, эти «дельта-планы» зимой в лыжи «переобувают». А в-третьих...

Но озвучить третью умную мысль Скопцову не удалось –

откуда-то из снежной карусели вынырнул капитан.

– Никого. Следы хоть и быстро заметает снегопадом, но, похоже, грузины в такую погоду вообще не выходят на улицу, – вполголоса доложил он о своих наблюдениях.

– Так я и думал – надеются на лагерную охрану, – довольно кивнул старший. – Все парни, начинаем работать по утвержденному плану: мы за аккумуляторами, вы – к самолетам.

– А-а, как же охранники и обслуга? Разве они нам не помешают взлетать?

– Естественно помешают – изрешетят и самолет, и нас за семь секунд, как только услышат звук работающего мотора. Но ты не загружай, Макс, голову нашими проблемами. Твое дело – рулить штурвалом. Вперед!..

– Ну и хлам!.. – проворчал Скопцов, различив впереди выстроенные в ряд три Ан-2, – Должно быть, эти «комбайны» все еще летают в самых «развитых» странах мира. Китайцы их нарекли «Юнь-2», корейцы, кажется – «Ань-2»... Интересно, как их называют в Грузии?

– Нам нужно поторапливаться – скоро начнет светать, – поеживаясь от пронизывающего ветра, напомнил Рябой. – В лагере через час-другой объявят подъем и нас хватятся – они знают, что мы далеко не ушли. С собаками-то быстро найдут...

Слова пожилого приятеля заставили пошевеливаться.

– Совсем ты, видать, не дружишь с животными, – попытался он пошутить на ходу.

Но тот нервно повел плечами и вполне серьезно отвечал:

– Не люблю я собак – боюсь. С детства почему-то боюсь.

– В этом вопросе я с тобой солидарен – и мне больше ухоженные, ласковые кошечки нравятся.

– Домашние, што ль?..

– Нет, скорее дикие. Длинноногие, с роскошными волосами и гладкой кожей.

– Енто что ж за порода такая?! Иностранная?..

– Почему же – их в каждой стране пруд пруди! Интернациональная, в общем, порода.

– Не слыхивал о такой.

– Экий же ты непонятливый! Ну... это которые ласково мурлыкают, когда их трахаешь.

– А-а-а... – протянул Рябой. На лице, наконец, мелькнула улыбка.

Оказавшись возле первого в короткой линейке «кукурузника», молодой человек быстро обошел его со всех сторон и подергал ручку овальной дверцы. Заперто...

– Так... так... – стал быстро соображать он. – Пока я вскрываю этот гроб, пройди в ту сторону, – указал он рукой направление, откуда дул ветер, – и посчитай, какая в нашем распоряжении дистанция для взлета.

– А-а... как ее посчитать?

– Это гораздо проще, чем выращивать коноплю – считай

шаги до ближайшего препятствия. До деревьев, вагончиков или... что там еще может быть? Одним словом, до края пригодной для взлета площадки. Усек?

– А то!

– Тогда вперед – мушаобс!..

Во всей этой сумасбродной затее Макса слегка успокаивало лишь одно – летающей этажерке для взлета вовсе не требовалась длинная полоса. А при таком ураганном встречном ветре для разбега вполне хватило бы и сотни метров свободного ровного пространства. О том, что же с ними произойдет дальше, ему сейчас думать не хотелось...

«Кажется, двери подобных сельскохозяйственных трудяг запираются на всяческие замки, продетые сквозь самодельные дюралевые дужки», – вспоминал пленный офицер и шарил рукой вдоль кромки дверцы. На стоянке училищного аэродрома он когда-то рассматривал подобный экспонат...

Так и есть – слева болтался небольшой амбарный замок. Покрутив ненадежную систему из стороны в сторону, он легко оторвал замок вместе с тонкими скобами. Дверца поддавалась, и вскоре пилот оказался в чреве пассажирской кабины.

– Такой же колотун, как и снаружи, но ветра, слава богу, нет, – бормотал Максим, пробираясь меж кресел вперед.

Он никогда не летал на подобной технике с поршневыми бензиновыми двигателями, более того – даже ни разу не сидел в пилотской кабине и не имел представления о порядке запуска «посудомоечного агрегата». Усевшись в левое ко-

мандирское кресло, майор с большим трудом, почти в крошечной тьме отыскал тумблер включения аккумуляторов...

Но... сеть была обесточена – никакие манипуляции с тумблером результатов не дали.

– Придется ждать Севу с Толиком, – сорвался он обратно к выходу. – И Рябого с докладом о размерах площадки.

Несколько раз летчик обошел самолет, детально ощупывая его борта, пытаясь рассмотреть в темноте наполовину стертые надписи и разыскивая заветный лючок, открывающий доступ к аккумуляторному отсеку. Наконец, у хвоста по левому борту, почти под стабилизатором, нужная крышка нашлась, и он принялся ждать товарищей...

Первым вернулся Рябой.

– С этой стороны стоят кедры. На самом краю площадки, – мешая слова с тяжелым дыханием, пояснил местный «ветеран труда». – До них метров двести отсюда. А за деревьями сразу, значит... обрыв. Пропась – дна не видать.

– Понятно. Если не разобьем самолет о деревья – обрыв нам не страшен, – хлопнул его по плечу Скопцов и спросил, подводя к хвосту Ан-2: – Пощупай-ка вот этот лючок. Сможешь отвинтить запоры?

– Струмент бы нужен...

– Держи, – вынул он из кармана «золотую» ложку. – А потом осторожно сними с самолета носовой чехол...

Разделившись, спецназовцы приближались к домику

охраны с разных сторон. Обойдя кругом на безопасном удалении несколько приземистых строений, Барклай с Терентьевым встретились.

– Все внутри, – прошептал капитан. – И следов не видно.

– Похоже на то. И собак вроде здесь не держат.

– От кого им тут технику-то охранять? От горных козлов что ли?..

– Признаться, я не очень-то и надеялся повстречать на стоянках бодрствующих часовых, – согласился подполковник, – все внимание местного командования занимает лагерь с пленниками, а на площадке, по их мнению, нет смысла проявлять бдительность.

– Согласен.

– А генератор гудит в соседнем, темном вагончике – прислушайся...

– Точно, – кивнул Анатолий.

– Вот и отлично. Не хотелось бы раньше времени связываться с охраной и поднимать шум. Пошли...

Две тени скользнули к домику, откуда доносился мерный рокот. Дверь была заперта на обычную задвижку и распахнулась без особых усилий. Изнутри пахло бензином, выхлопными газами...

Терентьев обо что-то запнулся; упала и покатилась по деревянному полу какая-то пустая посудина...

Офицеры на минуту замерли, прислушались...

Нет, вроде никто не услышал.

– Тепло, только ни хрена не видно, – виновато зашептал капитан.

Напоминать об осторожности было излишним – оба прекрасно осознавали степень риска.

– Шарь на ощупь, – подсказал Всеволод. – Я думаю, они похожи танковые...

– И такие же тяжелые. Блин...

Поиск продолжался недолго. Вскоре один из них наткнулся на несколько металлических контейнеров с закругленными углами, стоящими в ряд вдоль стены – неподалеку от гудящего генератора.

– Кажись, нашел. Раз, два, три... Целых восемь штук!

– Макс сказал: нужно всего два. Вытаскиваем из вагончика по одному.

– Мля, килограммов сорок!.. – проворчал молодой спецназовец, подхватывая неподъемную ношу здоровой рукой.

– Меньше. Это тебе после «калорийной» баланды мерещится. Понесли...

Схватив за неудобные ручки первый, они выволокли аккумулятор на улицу; вернувшись, взялись за второй. Через пару минут, тихо матерясь, несли драгоценную находку к самолетам. Один аккумулятор покоился у подполковника на плече, другой они тащили вместе...

У ближайшего «кукурузника» их с нетерпением поджидали приятели.

– Суйте по одному сюда, – без промедления указал Скоп-

цов на зиявшее в борту открытое чрево какого-то открытого лючка.

Заветный тумблер, заставил радостно вспыхнуть на приборной доске лампочки нескольких табло.

– О! Факир сегодня трезвый! – возрадовался летчик, но тут же озаботился и пробормотал, высунув голову в открытую, сдвижную форточку: – Как бы нас не выдали бортовые огни!.. Нет, не горят. Теперь проверить топливо...

Быстро разобравшись в надписях, он щелкал автоматами защиты сети на центральном пульте – включил подсвет панелей; затем, поочередно ставя в верхнее положение переключатели, «оживил» самый нужный на данном этапе прибор – топливомер. Дернувшись, его стрелка замерла, даже не дотянув до деления «100» литров.

– Вашу нищую мать! – ругнулся майор и, встав с кресла, выключил питание. – Я не знаю, парни, какой у этих «дельта-планов» расход топлива, но в любом случае ста литров хватит минут на тридцать полета – боюсь, и до нашей границы не дотянем.

– Что будем делать? – полагаясь на опыт Скопцова, поинтересовался Барклай.

– Необходимо проверить другие самолеты. Если в остальных баки сухие – вернемся сюда. Пошли, парни...

Спрыгнув в снег, он побежал к следующей «Антошке». Рябой последовал за ним и без напоминаний взялся откры-

вать ложкой такой же лючок в борту. Спецназовцы уже вынимали из первого самолета аккумуляторы...

Во второй машине бензина оставалось чуть больше ста литров.

– Пока запустим, прогреем, взлетим... Все равно мало! Но будем иметь его ввиду – по крайней мере, на сотню километров улизнуть удастся, – выключая питание, снова поднялся из командирского кресла Макс. – Проверим последний...

И все же им повезло – стрелка топливомера третьего Ан-2, издевательски покачиваясь, замерла аккурат между цифрами «200» и «300».

– Отлично! – возрадовался стоящий в проходе между двух пилотских кресел Барклай. – Сколько тебе нужно времени для подготовки к запуску?

– Точно не могу сказать, Сева. И не знаю, готов ли этот агрегат к полету. К тому же, надо хорошенько осмотреться, найти и изучить необходимое управление...

– Ладно, изучай. И постарайся побыстрее! Как только будешь готов – дай команду – нам еще нужно успеть разжиться оружием и разобраться с охраной...

Максим спешно проделал уже знакомые манипуляции – осветил слабым светом панели и принялся читать таблички и надписи у приборов, тумблеров, кнопок – благо все надписи так остались на русском... Устройство и особенности работы бензиновых моторов он, разумеется, знал, однако тре-

бывалось отыскать нужные ручки и рычаги, уяснить порядок запуска и управления.

– Похоже на бензокран, – отрешенно бубнил он, разглядывая и переключая какую-то штуковину под левым локтем, – теперь включить все автоматы защиты, кроме освещения и бортовых огней...

Помня о потрясающей капризности поршневых движков, Скопцов отыскивал ручки каких-то насосов и делал по несколько нажатий, закачивая, как полагал, топливо в карбюратор.

– Так... эта хрень напоминает магнетто. Поставим его переключатель сюда. Помогите мне Господи, запустить убогий «Фарман»!.. Осталось найти стартер...

– Глянь вот сюда – не она? – подсказал спецназовец, указывая на какую-то рукоятку, торчащую из приборной панели командира экипажа.

– Верно – он, – кивнул летчик.

Но сложности на том не закончились. Когда, казалось, все для запуска было подготовлено, Макс решил проверить свободный ход штурвала и педалей. Тут-то и выяснилось, что управление чем-то зафиксировано. В кабине никаких признаков блокираторов не обнаружилось и пришлось в спешке снова покинуть кабину, дабы осмотреть самолет снаружи...

– Вот в чем дело! – едва не воскликнул во весь голос от радости майор.

На рулях высоты и поворота стояли металлические сто-

поры, ограничивающие их движение при сильных порывах ветра. Сняв мешавшие железяки, и совершив на всякий случай еще один обход вокруг Ан-2, пилот убедился в отсутствии стопоров на других плоскостях. Не задерживаясь, он вернулся в пилотское кресло и с удовлетворением проверил ход, свободных отныне, органов управления. Теперь, кажется, можно было приступить к запуску. И, ощущая невероятное внутреннее напряжение, Скопцов решительно выдохнул:

- Все, Сева, разбирайтесь с охраной – кажется, я готов.
- Понял. Услышишь первые выстрелы – заводи без промедления!..

Ветер все так же бушевал, бросая из стороны в стороны охапки мокрых снежных хлопьев, а два спецназовца вновь с разных направлений осторожно приближались к вагончику со светившим в ночи окном. Оставаясь на безопасном расстоянии, подполковник медленно пробрался вдоль жилища, всматриваясь в желтоватое пятно и пытаясь определить количество бодрствующих людей внутри. Но все попытки рассмотреть что-либо за окном оказались напрасны – запотевшее изнутри стекло было к тому же изрядно залеплено снегом.

«Двигаемся к двери» – просигналил он Толику.

Встретившись у короткой металлической лесенки, капитан с подполковником приготовились к молниеносному штурму – других вариантов обезвредить охрану в голову не

приходило.

Не сговариваясь, они заняли свои места: Терентьев с подвязанной нездоровой рукой должен резко открыть дверь; Барклай врывается первым и начинает крошить кулачищами челюсти тем, кто не спит. Анатолий идет следом на подстраховке. Данным способом им уже не раз приходилось пользоваться, когда руководство бросало подразделение на нелюбимую многими спецназовцами работу – зачистку мирных селений.

Капитан нащупал дверную ручку, мягко, но крепко взялся за нее здоровой рукой; Всеволод напрягся, поставил одну ногу сразу на вторую ступень...

Ему оставалось лишь кивнуть сослуживцу.

И за миг до этой команды внутри послышались шаги и приглушенная речь на грузинском – кто-то собирался выходить из вагончика.

– Назад! – шепнул Барк.

Бежать за домик или прятаться времени не оставалось. Выход был один – встать справа от входа. Дверь открывалась именно вправо, и покинувшие помещение охранники обнаружат их, по крайней мере, не в первый же миг. Это давало фору с небольшой надеждой завалить хотя бы одного и завладеть оружием.

Отпрыгнув в сторону, офицеры прижались спинами к тонкой металлической, серебристой стенке.

Дверь со скрипом отварила. Тусклый желтый луч вы-

рвался наружу, осветив длинный снежный прямоугольник...

«Мля, наши следы! – ругнулся про себя Сева, глядя на вытоптанный пяточок перед лестницей. – Если обратят внимание – дело примет хреновый оборот!»

Грузин, спускавшийся по ступенькам первым, под ноги не взглянул – миновав крыльцо, сразу повернул в другую от спецназовцев сторону. Почти сразу от противоположного угла вагончика послышался журчащий звук. Второй, что-то мурлыкая под нос, последовал за ним.

А вот третий...

Тень от фигуры третьего охранника, заслонившего собой слабую коридорную лампочку, ненадолго задержалась в дверном проеме. Затем мужчина поспешно спустился вниз и склонился, разглядывая следы. Старый добрый АК-47 при этом, начал потихоньку сползать с плеча...

Еще секунда, и он окликнет своих товарищей!

Спецназовцы прыгнули к любопытному горцу одновременно. Барклай со всего маху врезал подозрительному вояке ребром ладони в шею, Терентьев же мастерски выполнил подсечку.

В следующий миг автомат оказался в руках подполковника.

Двойной щелчок затвора; короткая очередь в темноту – куда ушли справлять нужду первые двое.

Команда Толику:

– Проверь, возьми оружие и добей!

И следующая размашистая длинная очередь – по вагончику, где, возможно, остались охранники с технарями.

На ходу резкий удар прикладом в голову лежащему; хруст черепной кости...

Прыжок внутрь вагончика. Двое распластались на полу, один – раненный, копошится в углу – в руке «лимонка», пальцы судорожно цепляются за кольцо...

Еще одна короткая очередь; брызги крови по стене...

Два автомата подмышку; несколько подсумков с патронами; гранату в карман – сгодится.

И скорее на выход! Там уже слышится стрельба...

Из темноты навстречу появляется озабоченный капитан.

– Одного уложил, другой ушел вниз – к лагерю! – докладывает он.

– Хрен с ним! Охрана внизу и без того слышала выстрелы. Через десять минут они будут с собаками здесь. Бежим. Теперь дело за Максом!..

– Палят! – ворвался в пилотскую кабину взволнованный Рябой. – Слышь, как палят?! И рядом, и снизу!..

– Слышу, не глухой... – проворчал Максим и повернул рукоятку стартера в положение «Раскрутка».

Набирая обороты, завыл электродвигатель. Озираясь по сторонам и оценивая создаваемый шум, беглец дождался, когда стартер выйдет на постоянный режим, и крутанул рукоятку дальше – до белевшей надписи «Сцепление». Винт

дернулся и, сделав несколько оборотов, остановился – первый запуск холодного и, по-видимому, долго стоявшего без дела двигателя не удался.

– Что у меня за жизнь пошла!?! Одни обломы! – выругался Скопцов, выглядывая в сдвинутую форточку. – Чачу что ли в баки залили вместо бензина, придурки?..

Он сделал еще несколько энергичных движений насосами и опять повернул стартер...

Но и вторая попытка оказалась безуспешной.

– Как бы нам не посадить аккумуляторы, – покачал головой майор. – Подождем минуту.

В это время он заметил две бегущие к самолету фигуры.

– Ну-ка глянь – наши?..

Рябой послушно исчез за дверцей, и тут же ввалился обратно, вместе с разгоряченным Барклаем.

– Ну что тут у тебя, Гастелло? Почему не запускаешь? – с ходу накинулся на пилота спецназовец.

– Дважды пытался. Движок, Сева, холодный – пока не получается. Сейчас еще разок попробую.

– Постарайся, братец! Сделай все возможное – времени у нас в обрез!

– Стараюсь! Где там Толик? Не под винтом, надеюсь, околачивается? – в очередной раз поворачивая рукоятку стартера, крикнул майор.

– Нет, он стался метрах в тридцати – прикроет.

И опять запуск не состоялся – винт крутился поживее, да

двигатель никак не желал «хватать».

– Можя, за свежими аккумуляторами стогнать? – осторожно предложил Рябой.

– Не успеем, – мотнул головой Всеволод. – Твои «приятели» уже на подходе.

И точно в подтверждение его слов, неподалеку от самолета прогремела первая автоматная очередь.

– Запускай! Гоняй его, пока не запустится!! – приказал подполковник, исчезая в проеме дверцы. И уже из темноты пассажирской кабины донеслось: – Или ты заставишь крутиться этот гребанный винт, или мы вчетвером навсегда останемся на этой высотке!..

Стрельба стала интенсивней.

Летчик снова прокрутил движок...

Бесполезно.

– Давай же, сволочь!! – громко заорал майор, саданув кулаком по приборной доске и в пятый раз поворачивая рукоятку.

Стартер выл уже слабее. Получив сцепление с его валом, двигатель нехотя чихнул, выплюнул пару клубов дыма и... ровно заработал.

– Так... Так... Славненько! Давай-давай, родной – выручай несчастных земляков! – умолял Макс, лихорадочно разбираясь в рычагах на центральном пульте, – это, должно быть, сектор газа... Это высотный корректор... Это сектор шага винта. Точно! Вот вы-то голубчики для взлета и нужны!

Несколько шальных пуль пробили борта и остекление кабины. Пилот пригнул на всякий случай голову, посмотрел на бесполезный прибор температуры масла и pokrивился – что толку от его показаний, если параметров и режимов он не знал!? Да и минут необходимых для прогрева, сейчас просто не было.

– Плевать!.. Не заклинит же он теперь. Зови парней – чего они там застряли?! – прокричал он Рябому.

– Не меньше двадцати пожаловало! – прерывая стрельбу, пояснил Барклай. – Не дадут взлететь, понимаешь? Стоит замолчать – бегут, суки, со всех ног в нашу сторону! Не дадут взлететь, сволочи!!

Рябой глядел, как спецназовец ловко определяет вражеские позиции по вспышкам и моментально бьет в ответ короткими – в два-три выстрела очередями. Затем, откатившись на пару метров в сторону и затаившись, снова выискивает цели...

С минуту покусывая потрескавшиеся губы, работяга о чем-то напряженно раздумывал, потом вдруг твердо сказал:

– Летите без меня!

– Ты что?! Совсем очумел!? – от изумления Всеволод аж перестал нажимать на спусковой крючок.

– Летите, тока оставьте мне автомат и патронов.

– Да они ж тебя тут заживо похоронят!.. – огрызнулся он очередью и пригнулся.

– Енто знамо дело. Но и у меня свои счета с ними имеются. Поквитаться бы надобно – долги раздать и прочие денвиденты.

– Брось, мужик. Ни к чему тут геройство с гордостью показывать! Сейчас половину положим, другая сама поостережется лезть. И улетим все вместе!

– Не получится, – с непостижимой уверенностью молвил Рябой.

– Это почему же?!

– У них в деревянном домишке гранатометы имеются. Видать сразу не взяли, посчитав дело несерьезным, да скоро поднесут. А коли поднесут, так спалят наш аэроплан, што пук сухой соломы.

Поменяв в автомате магазин, подполковник попытался рассмотреть глаза этого человека, при первом знакомстве показавшегося если не предателем и прихвостнем грузинской лагерной охраны, то, по меньшей мере, трусоватым и ненадежным слабаком. Однако в предрассветной темноте был виден лишь слабый контур сутуловатой, тощей фигуры.

– Почему раньше не сказал про гранатометы?

– Так никто ж не спрашивал! Да и не думал я, што до них дело-то дойдет.

Барк молчал, не зная, чем ответить на его отчаянный порыв...

– Идите. Оставьте мне патронов поболее и идите. У вас семьи, небось – детки с женами. А я один как перст на всем

белом свете остался. Меня когда в полон-то чечены забирали – всю семью и побили – женщины тута в рабстве без надобности... Бегите, братцы!..

– Ну, наконец-то! – возрадовался появлению товарищей угонщик и передвинул рычаг сектора газа.

Самолет, взревев, тронулся с места. Оглянувшись еще раз по сторонам, он вдавил правую педаль, развернул Ан-2 против ветра, включил посадочные фары и перевел рукоятку газа вперед до упора.

– Помогите мне Господи, еще разок! – попытался он перекричать работающий на взлетном режиме двигатель и толкнул сектор шага винта почти до приборной доски.

«Антошка» послушно рванул вперед, резво набирая скорость и стуча огромными неуклюжими лыжами по наметенным за ночь сугробам. Чуть отдав штурвал вперед, пилот заставил биплан оторвать от земли заднюю лыжу и, через мгновение, рванул колонку на себя.

Самолет, скользивший по снегу строго против ветра, подпрыгнул раз, другой...

Резкие порывы норовили бросить его то влево, то вправо, то сызнава прижать к земле, но майор, ворочая штурвалом, удерживал строптивца...

И вот внезапно поток подхватил беззащитное хрупкое тело, потянул вверх...

Сложное чувство охватило этот миг душу Скопцова.

И радостное ощущение полета на неведомой, незнакомой доселе технике.

И неуверенность от неумения с ней управляться.

И страх от бушующей вокруг непогоды.

И муторное сомнение в успехе задуманной Барклаем авантюры.

Однако радоваться едва стартовавшему полету было рано – едва пробивая интенсивный снегопад, лучи фар выхватили вдали многометровые деревья, сплошной стеной преграждавшие путь самолету.

* * *

Сыпавшее снегом небо слегка окрасилось в серый цвет. Непроглядная ночь сменялась предрассветными сумерками. Это было последнее утро в жизни пятидесятилетнего, худощавого мужика, ни имени, ни фамилии которого Макс так и не узнал.

Патроны в двух подсумках еще оставались – хмурый русский вояка, что ходил в замызганной кровью куртке и руководил дерзким побегом, боеприпасами не обидел. Да был ли толк от этих трехсот патронов, коль управляться Рябой умел лишь с нехитрым набором крестьянских орудий?! Он так же старательно засекал вспышки от выстрелов, но прицеливался излишне медлительно, позволяя цели ускользнуть, сме-

нить позицию... Сам же перемещался редко; очереди давал длинные, посылая пули в пустоту и подставляя себя в качестве отменной мишени.

Едва за спиною затихло стрекотание самолетного двигателя, его ранило в левое предплечье. Вскоре вторая пуля ударила вскользь по виску...

Обливаясь кровью и быстро теряя вместе с нею и без того невеликие силы, он все еще стрелял, уже не видя куда, да и не ведая в какой стороне враг...

Когда закончились патроны в очередном рожке, дрожащая ослабленная ладонь не смогла вставить в гнездо следующую. Выстрелы смолкли; десяток грузинских надзирателей несмело поднялись из-за укрытий, осторожно приблизились к лежащему лицом вниз Рябому...

Он был еще жив – скрюченные пальцы скребли снег, грудь kloкотала неровным дыханием.

– В лагерь! – коротко приказал Леван.

Окровавленного мужчину волоком потащили вниз по заснеженному склону. Следом несколько пар охранников несли коллег – пятерых убитых и троих тяжело раненных.

Возле колючей проволоки уже дожидался строй не выспавшихся, напуганных стрельбой и суматохой работяг. Рядом гавкали свирепые голодные псы, еле сдерживаемые вооруженными людьми на коротких поводках.

Рябого бросили у края пахоты.

Он очнулся, с трудом повернул к неровным шеренгам пе-

репачканное грязным снегом и кровью лицо, и взирал печальными глазами на тех, кому предстояло и впредь ежедневно бояться жестокой расправы...

Он же сделал свой нелегкий выбор, навсегда оставив все страхи позади.

Коренастый грузин с перекошенной от бессильной ярости физиономией что-то прокричал; трое подчиненных с кавказскими овчарками послушно сорвались с места и... десятки огромных клыков, разрывая человеческую плоть, довершили то, чего не успели сделать на верхней площадке автоматные пули.

Способ десятый

21-22 декабря

Скопцов изо всех сил рванул на себя штурвал.

Частокол из высоченных кедров промелькнул внизу, и лишь слабый удар правой стойкой об одну из верхушек, известил об удачном окончании самой сложной, почти несбыточной фазы побега...

Машину болтало и бросало из стороны в сторону. Жалобно скрипели растяжки, шпангоуты и прочие силовые элементы фюзеляжа; крылья издавали настораживающие звуки, похожие на треск, но... самолет летел и упрямо набирал высоту.

«Давай-давай, дружок – выручай земляков!.. – часто приговаривал довольный Максим, по очереди вытирая вспотевшие ладони об одежду и медленно подворачивая угнанный Ан-2 на север. – Теперь не въехать бы куда-нибудь в этой жуткой облачности! В каком бы районе Грузии лагерь не находился, двигаться нам следует именно туда. Там – на севере, наша Родина!..»

Ни курсовой прибор, ни радиокompас не работали – то ли были неисправны, то ли он не сумел отыскать способов их включения. Поэтому ориентироваться приходилось по дублирующему и весьма ненадежному компасу – «бычье-

му глазу» – маленькому намагниченному шарикю, плававшему в глицерине и выдававшему громадную погрешность в несколько десятков градусов. И все же самыми главными приборами для Скопцова сейчас оставались авиагоризонт с высотомером. Авиагоризонт помогал с помощью необычного штурвала удерживать самолет от опасных кренов, а стрелка высотомера неумолимо накручивала обороты – именно высота в непроглядном темно-сером месиве облаков гарантировала от столкновения с горными вершинами, точного местонахождения которых никто из троих беглецов не знал.

Барклай расположился в кресле второго пилота, Терентьев торчал сзади между двух кресел – у раскрытой дверцы. Оба помалкивали, заморожено наблюдая за нервной и напряженной работой пилота.

Ворочая штурвалом и не отрывая взгляда от приборов, майор тоже молчал – то ли сосредоточился на управлении, то ли переваривал известие о Рябом, пожелавшем остаться на площадке – прикрывать их взлет. Этот простецкий, бесхитростный человек за неделю пребывания в лагере сумел стать для него надежным и незаменимым товарищем, подчас оберегавшим от необдуманных, безрассудных поступков...

– Макс, у меня назревает вопрос, – внезапно отвлек от печальных размышлений подполковник. – Мы на кой хрен так высоко забираемся?

– А чем тебе не нравится высота? – не отвлекаясь от

управления, молвил летчик.

– Так нас же родимое ПВО пиз... шибанет и не перекрестится!..

– Насчет ПВО не знаю, а вот «поцеловаться» с первой же горой после удачного побега из плена я желанием не горю.

Бывалый вояка пожевал губами, подумал... и, точно испытывая молодого приятеля, поддел:

– Макс, все дети знают: где начинается авиация – там заканчивается дисциплина. Знал я раньше пилотов – летали так, что дух захватывало! И на инструкции, помнится, плевали...

– Отсутствие дисциплины на земле – одно, а здесь, в воздухе – другое! – парировал тот. – Знал и я таких, о которых ты напомнил. Неплохие парни были. При жизни...

– ?..

– Когда ворочаешь ручкой или таким штурвалом... – Скопцов похлопал по колонке правой ладонью, – нужны трезвые мозги и обостренное чувство самосохранения.

– А обдуманый риск ты исключаешь?..

– Да вся наша затея, включая этот полет – сплошной риск! И потом, Сева, знаешь, что?.. – он покосился вправо, – ты нами командовал на земле?

– Ну...

– Так вот, ежели не будешь лезть в летную работу со своим узколобым пехотным мировоззрением – появится шанс покомандовать снова.

– Ну, коли гарантируешь, тогда умолкаю! – громко засмеялся в ответ Барк.

– Гарантий тут никто не даст. И мягкой посадки, скорее всего не будет. А ниже безопасной высоты в горах при абсолютном отсутствии видимости летают одни самоубийцы. Даже окажись на борту навигационная карта, толку от нее – ноль, потому как места мы своего ни черта не знаем.

– Понятно. А связь работает?

– Нет. Проверил – мертва как моя прабабушка... Иначе давно бы уж орал в эфир родным русским матом.

Постепенно светало – облачность из серой превратилась в молочно-белую. Оба спецназовца, устав пялиться в непонятные приборы, глазели по сторонам, хотя и там – за остеклением кабины «кукурузника», ровным счетом ничего видно не было.

– Всеволод, вы с Толиком топали в лагерь пешком, – задумчиво проговорил Максим, – скажи, в какой стороне и как далеко находятся Эльбрус с Казбеком?

– Они западнее лагеря. Эльбрус намного западнее – километрах в двухстах; до Казбека ближе – и пятидесяти не будет. Нас провели у подножья другой горушки, высотой примерно четыре с половиной тысячи. Вот она точно была где-то неподалеку от лагеря.

– Ясно. Уже легче.

Эльбрус возвышался над уровнем моря на пять тысяч шестьсот метров; Казбек – на пять триста. Это Скопцов от-

лично помнил. Остальные горы Большого Кавказа были пониже. Потому он и намеревался забраться на безопасную высоту, однако, самолет кое-как докарабкался до четырех с половиной тысяч и дальше подниматься не захотел... «Понятно, стало быть, это твой потолок, – печально вздохнул майор и выровнял „Антошку“. – Ладно, как гласит старая пословица всех покойных русских оптимистов: авось пронесет!»

Дышать даже на этой высоте стало трудно – сказывалась разреженность воздуха и нехватка кислорода. Для экономии топлива Макс уменьшил обороты двигателя, с облегчением откинулся на спинку кресла и только теперь почувствовал: комбинезон прилип к мокрой от напряжения спине.

А стрелка топливомера уже миновала отметку «200 литров».

– И каков же у тебя план? – с интересом глянул на него Всеволод. – Горы перевалить успеем?

– До относительной равнины дотянем. Проблема в другом...

– В чем же?

– Я не знаю, как далеко на север углубился теплый фронт.

– Чего в нем страшного? – подал голос Анатолий.

– А страшен он, мужики, вот этой мощной сплошной облачностью. Равнину и ту нужно хорошо видеть или представлять, прежде чем приступать к снижению.

Спецназовцы непонимающе смотрели на Скопцова...

Вздохнув, тот пояснил дилетантам в азах летной работы:

– Видите ли... равнина ведь не гладкая как полированный стол. Помимо естественных препятствий в виде пересеченного рельефа, впереди по курсу могут торчать трубы, линии электропередач, антенны ретрансляторов... встреча с которыми так же чревата траурной музыкой и цинковыми гробами. Уяснили?

– Доходчиво, – озадаченно закивали приятели.

Прошло еще около тридцати минут слепого полета. Расход топлива у «Антошки» оказался небольшим, но стрелка топливомера неумолимо приближалась к цифре «100»; вскоре перевалила ее, поползла к нулю, а облачность по-прежнему оставалась густой, непроглядной, будто и не собираясь выпускать утлое воздушное суденышко из своего гиблого плена.

– Полагаю, самые высокие горы Большого Кавказа позади. Ну, молитесь, парни, – проворчал летчик и, решительно убавив обороты двигателя, приступил к плавному снижению.

На высотомере значилось «2000» метров.

Стрелка медленно завершала второй оборот – высота постепенно таяла, а вместе с ней таяла и надежда пилота пробить мощный слой облаков. Впрочем, и бензина в баке осталось немного. Макс убрал обороты едва не до малого газа, уменьшил скорость до минимальной; самолет потерял устойчивость – воздушные потоки вновь стали бросать его подобно легкой, невесомой игрушке.

– Пристегните ремни! – скомандовал он товарищам.

Терентьев исчез в пассажирской кабине, где занял одно из кресел; Барклай послушно сунул автомат куда-то вниз и защелкнул на поясе замок.

«Остатки топлива сейчас плещутся внутри бака, как взбиваемый миксером коктейль, – морщился от неприятных мыслей майор, – не приведи Господь, насос хлебнет вместо бензина воздуха! Тогда, считай все – кина со счастливым концом не будет. Только-то и останется – планировать в гробовой тишине вниз, да ждать встречи с первой же скалой...»

Все эти опасения настойчиво точили Скопцова, ведь сейчас – на данном этапе побега, именно от него, а не от Всеволода зависел успех общего дела. Чего говорить – там, в лагере и на верхней площадке спецназовцы лихо справились со своей миссией. И подвести товарищей теперь, когда они наверняка летели над Российской территорией, ему страсть как не хотелось. Дерзкий план был наполовину исполнен, и жалеть или отступить он не собирался!

Тем временем проклятая стрелка вплотную приблизилась к нулю – бензина почти не оставалось, и желал того вертолетчик или нет, но наступила пора подумать о посадке.

Облачность вокруг такая же плотная.

Высота тысяча метров...

Увы, но высотомер показывал барометрическую, а не истинную высоту, и сколько в данную минуту значилось метров спасительного пространства под брюхом «Антошки» не

знал никто. Абсолютная уверенность присутствовала лишь в одном: внизу – северное предгорье Большого Кавказа. А это отнюдь не кубанские и не заволжские степи – примостить самолет где угодно не получится. Проплывавшие где-то там внизу горы и ущелья не годились для пробега даже такого неприхотливого аппарата, как Ан-2, и перспектива свернуть шею при посадке была самой, что ни наесть реальной.

– Плевать! – решительно пробурчал Максим, сильнее сжимая штурвал, – буду потихоньку снижаться, пока не встанет движок! За лишних пять минут полета мы окажемся на полтора десятка километров ближе к спокойному Ставрополю. А тащиться оное расстояние по горам воюющей Чечни – суток не хватит.

Двигатель, несмотря на то, что стрелка даже не подрагивала, а, успокоившись, лежала на нуле, пока устойчиво работал.

Высота семьсот пятьдесят...

Макс до рези в глазах всматривался вперед и вниз.

Как ему сейчас хотелось узреть хотя бы небольшое темное пятнышко под крылом самолета! Хотя бы крохотный разрывчик в осточертевших до одури облаках! Дабы определить реальную высоту, резко крутануть штурвал и, оттолкнув его от себя, нырнуть сквозь это маленькое «оконце» к ней – к родимой земле-матушке...

И тотчас, словно повинувшись его страстному желанию, молочная белизна впереди по курсу вдруг стала резко темнеть.

Пилот напрягся, плотнее сжал руками рукояти управления...

– Не пойму... Что там?.. – подавшись вперед, настороженно молвил Барклай.

Вопрос его потонул в надрывном реве движка – майор дал полый газ и рванул штурвал на себя, пытаясь избежать столкновения с надвигавшейся из неизвестности вершиной горы...

* * *

И все же Давид с адресом не обманул – его бывшую жену Всеволод разыскал в небольшом городке Ставропольского края. Короткая надпись на листочке с указанными координатами привела на тихую улочку с растущими ровным рядом деревцами; к одноэтажному коттеджу, где, вероятно и проживали родители Виктории. Сердце в радостном возбуждении заколотилось еще быстрее, после того как свернув в нужный переулок, он заметил шагах в пятидесяти – против закрытых железных ворот, знакомую бордовую «десятку».

«Все верно – это ее машина!» – заключил мужчина, рассмотрев номерной знак.

Подойдя к калитке по ковру желтых осенних листьев, усевших аккуратную дорожку, он долго не решался позвонить. Потом, набравши в легкие воздуха, все же дотронулся до

кнопки...

Калитку отварила сама Виктория, но... не обрадовалась, не бросилась в объятия Барклая, не разрыдалась от жалости к себе. Скованность в движениях, пустота в отрешенном взгляде, неразговорчивость – вот что удивило, ошарашило гостя.

– Здравствуй, Вика, – попытался он улыбнуться. – Ты, кажется, мне не рада?

Без видимых эмоций она невнятно пробормотала:

– Здравствуй. Ну, проходи уж, раз приехал...

Родителей дома не оказалось. Девушка провела его на кухню, молча поставила на плиту чайник...

Кажется, у нее не было настроения ворошить прошлое; никогда не отличался разговорчивостью и Всеволод. Потому и решил действовать по-другому – приблизившись, обнял за хрупкие плечи, притянул к себе. Едва не касаясь губами лица, горячо прошептал:

– Я разыщу тебя, куда бы ты ни спряталась, как далеко ни уехала.

Опустив глаза, Виктория молчала...

Он осторожно поцеловал ее. Сначала в нежный висок, потом в губы; объятия его стали крепче...

– Не нужно, Всеволод, – слабо возразила она.

Чувствуя нутром состояние молодой женщины, мечущуюся беспокойную душу; неуверенность в их едва зародившихся отношениях; тревогу за будущее, он не останавливал-

ся, а с еще большим жаром прижимал к себе ее тело...

– Я приехал за тобой, – продолжал Барклай свой штурм, целуя шею и открытые плечи.

Когда же дело дошло до пуговиц коротенького халата, она неожиданно и резко воспротивилась.

– Нет! Нет, Всеволод, остановись, – крепко перехватила Вика мужскую руку, и, словно позабыв о слезах, проливаемых едва ли не каждую ночь, отстранилась, отошла. – Ты найдешь для этого... для... секса другую, – глухо молвила она, – человек ты хороший, с большой доброй душой. К таким бабы сами тянутся, липнут... Один, уверена, не останешься.

Чайник на плите давно исходил паром, да им было не до него...

Барклай снова подошел к ней, обнял.

– Пойми же, наконец, Виктория – не нужны мне никакие бабы! И сексом я хочу заниматься только с той, которую люблю больше жизни. И которая так же сильно любит меня! – улыбнувшись, он осторожно приподнял ее лицо, заглянул в глаза. – Я люблю тебя, Вика! Нужно было сказать об этом раньше, и... мне казалось: наши чувства взаимны. Неужели я ошибался?

– Возможно... Прости... В той жизни ты был мне прекрасным другом, и я благодарна тебе за все...

Фразы с затесавшимся словом «был», резанули слух – о нем говорилось в прошедшем времени. Да к тому же как о

друге! Говорилось так, словно все их добрые отношения безвозвратно и навсегда потеряны...

– ...Я по-прежнему тебя уважаю, испытываю огромную симпатию, привязанность...

– Симпатию?! – опешил он и совсем уж потерянно переспросил: – Привязанность?! – руки его медленно соскользнули с женских плеч. – Это... правда?..

Глаза ее снова наполнились слезами, дыхание перехватило, но она решительно кивнула.

С поникшей головой мужчина медленно шагнул к окну; бездумно глядя на осенний день, помолчал...

Затем печально произнес:

– Уважения с дружбой мне хватает и на службе. А симпатии и подавно не надо – ненавижу это слово!.. Переросток дружбы... Недоношенная любовь... Или просто насмешка после всего того, что было между нами.

И, развернувшись, решительно направился к двери. На пороге, чуть замедлив шаг, бросил:

– Не следовало мне приезжать. Прости за беспокойство – разбередил понапрасну душу...

* * *

Серые скалы с белесыми ледяными прожилками неумолимо приближались. Ни слева, ни справа конца этому страш-

ному препятствию, так внезапно и некстати возникшему перед самолетом, видно не было. Выбора у летчика не оставалось...

Двигатель наружно ревел, заставляя «Антошку» карабкаться вверх и терять необходимую для полета скорость. Еще несколько томительных секунд и самолет доберется до наивысшей точки, на мгновение застынет без движения и... закувыркается в беспорядочном, гибельном падении на бесформенное нагромождение скал, льда и снега.

Однако Максим об этом не думал. Да и о значении минимальной скорости, гарантирующей от сваливания в штопор, он не ведал – тринадцать лет коптил атмосферу исключительно на вертолетах, а там правили бал иные инструкции, аэродинамические законы. Сейчас мысли его работали с предельной нагрузкой над другой задачей: не врезаться со всего маху в вершину...

И, кажется, он с нею справился.

Ан-2 сумел дотянуть до верхней кромки вытянутого, точно стена, горного отрога. Долбанул левой лыжей по камням; правую потерял от второго удара о наледь снежной шапки и, приняв горизонтальное положение, с трудом перевалил резко выступающую над рельефом складку.

Вспотевший Барклай хлопнул майора по плечу и облегченно выдохнул:

– Ну и работенка у вас, летунов! Тоже, мля, мармеладом не назовешь!..

– Нормальная работа!.. – проворчал бледный Скопцов и, переведя дух, добавил: – Лучше только у главного военного гинеколога.

Оба от души расхохотались, да в это мгновение движок чихнул раз, другой, третий и... смолк.

«Антошка» беззвучно планировал с остановившимся двигателем.

Из пассажирского салона прибежал встревоженный Толик, о чем-то спросил, да подполковник лишь нервно отмахнулся...

Края отрога уходили далеко в стороны и тонули все в той же густой облачности. И дабы не потерять столь драгоценного визуального контакта с землей, установленного едва ли не ценой жизни, пилот плавно развернул машину и повел ее вдоль хребта.

Высота пятьсот метров...

Наконец, облака сменились дымкой – видимость немного улучшилась, стала просматриваться местность впереди и под самолетом. Они перетянули еще одну возвышенность – на сей раз поросшую высокими хвойными деревьями. Сразу за ее вершиной перед взором открылось нечто похожее на альпийский луг – огромная, вытянутая поляна, бравшая начало от залысины на вершине сопки и тянувшаяся километра на полтора вниз – к самому ее подножью. Заканчивалась пустошь относительно ровным рельефом, резко переходящим

в величавый темный лес.

И ни единого селения поблизости.

– Вторая в этом месяце аварийная посадка!.. Не слишком ли часто!? – возмутился майор, подбирая штурвал и внимательно оглядывая местность. Теперь – в полнейшей тишине, товарищи слышали даже его негромкое ворчание.

– Твое решение, Макс? – поинтересовался Всеволод.

– Чего тут решать?! Был бы бензин – поискали б место получше. А так остается действовать по принципу: ветер в харю – я х...рю.

– Это как?

– А как получится! Обычно этим принципом я пользуюсь только в отношениях с бабами – чтоб побыстрее затащить в постель.

– Пообещай, что научишь, если останемся живы. А то уж пятый десяток пошел, а я все теряюсь – боюсь их как огня.

– Ты!.. Боишься?! – искренне изумился Скопцов.

– Да, представь...

– Ладно, преподам пару уроков! Только без практики.

– Договорились.

– Все, братцы, готовьтесь к завершению нашего экстрима.

– Рули – полагаемся на тебя, – кивнул спецназовец.

– Держитесь, как следует! Лыжи мы растеряли – садиться придется на брюхо.

Летчик в последний раз оценил размеры площадки и отдал штурвал от себя, огибая оконечность зарослей, обрамля-

ющих макушку сопки. Набирая скорость, самолет бесшумно скользил вдоль уходящего вниз заснеженного склона. На середине открытой проплешины, где поверхность почти выравнивалась и лежала горизонтально, Максим и постарался притереть машину к земле...

Раздался сильный удар. Самолет подпрыгнул и снова приложился о слежавшийся снег.

Послышался хруст, сильный скрежет. По верхнему крылу долбанула отлетевшая лопасть винта.

Еще удар...

Управляя педалями, майор подвернул нос в самый дальний угол поляны...

Подскакивая на сугробах, Ан-2, почти не сбавляя скорости, мчался к могучим лиственницам и кедрам...

«Так-так-так... Только бы не влупиться лбом в эти саженцы!» – работая пока еще целым и эффективным рулем направления он выбирал место последней «парковки». Выбирать было, по сути, бесполезно – удачно увернуться удалось бы только от первых стволов в два обхвата. Далее деревья стояли в плотном беспорядке, и избежать столкновения все равно бы не вышло. Как и две недели назад, бросив бесполезный штурвал, он пригнулся и уперся руками в приборную доску...

Первое, страшной силы столкновение пришлось на основания левой пары крыльев – «Антошку» подбросило и крутануло влево. Тут же, через мгновение, с громким треском

отломались и два правых крыла. Еще через секунду Макс понял, что биплан остался без стабилизаторов, а то всего хвоста, и вот-вот перевернется на бок. Цепляя обшивкой стволы, переворачиваясь, самолет продолжал под ужасающий грохот смертельный слалом промеж вековых деревьев. Внутри кабины все кувыркалось, дважды пилоту доставалось то полным патронов подсумком, то автоматом...

Все закончился последним, сокрушительным тараном – то, что осталось от летательного аппарата врезалось изуродованным двигателем в основание огромного кедра. Привязные ремни больно впились в живот пилота, но спасательные функции исполнили добротню.

Качнувшись, «кукурузник» замер на правом боку. Наступила удивительная тишина...

– Уважаемые пассажиры, наш самолет совершил посадку в аэропорту города Кавказское Прижопье, – радостно прошептал повисший на ремнях Скопцов и крикнул: – Все живы?

– Трудно сказать... – прокряхтел снизу Барклай и тоже громко позвал: – Эй, пассажир!.. Толик! Как ты там?..

Но капитан почему-то не отвечал.

– Куда ж он подевался-то? – ворчал подполковник, освобождаясь от привязи и привычно нашаривая оружие. – Жаль, пенсии за такие «мягкие» посадки не увеличивают!..

– Зато чиновники себя не обижают, – шумно выдохнул майор, акробатически извернулся, уперся ногой в кресло

второго пилота и, расстегнув замок ремней, спрыгнул вниз. – У них, небось, ежедневно подобное приключается: от кондиционеров простужаются; в бассейнах по пьяни тонут; со стульев в кабинетах падают; в Думе промеж собой сражаются; чуток зазевался и на фуршете собственной блевотиной захлебнулся... Не-е, Сева, тяжкая у них работенка – не то, что у нас!..

– Никогда в политику не лез, – тряхнув головой, признался тот, – грязное это дело. Я, Макс, простой военный работника. Приказали – выполнил. Промолчали – тоже доволен.

– Выполнил, не задумываясь? – улыбнулся молодой человек, высовываясь в проем сорванной с петель дверки – вместо хвоста зияла огромная дыра; борта всюду были пробиты; многие кресла отсутствовали...

Барклай пожал плечами:

– Как тебе сказать?... По идее должны быть где-то эти самые профессионалы от политики, которые обязаны предвидеть беду и повернуть дело так, чтоб народ не умывался кровью. Согласен?

– Конечно.

– Но раз нету в нашей стране этих гениев... хер его зает – не уродились, иль менингитом в детстве посекло... значит, в дело вступаем мы – профессионалы от войны. А задумываться, Макс, приходится, прежде всего, о том – кто вместо и лучше меня сумеет справиться с руководством операцией, понимаешь? Опыта – хоть отбавляй, поэтому никогда не

отказывался, не обсуждал, не роптал. Знаю: если пойду на задание – получится сохранить группу, сберечь людей, спасти чьи-то жизни... Ежели, конечно, не случается таких обломов, как в последний раз.

Подобрав валявшийся автомат с подсумком, майор кое-как выбрался из пилотской кабины. Пробравшись по тому, что раньше именовалось пассажирским салоном, Терентьева он не обнаружил.

– Где же он есть? – все боле волновался идущий следом Всеволод.

Спрыгнув на землю, они обошли со всех сторон останки самолета, дважды громко окликнули Толика, однако ответа так и не услышали.

Повалив несколько молодых деревьев и примяв кустарник, Ан-2 проделал в лесу узкую, малозаметную просеку, длиной более двух сотен метров. Теряя по пути плоскости, обшивку и пассажирские кресла, он уперся двигателем в толстый кедр, да так и застыл на месте своей вечной стоянки. Следы аварийной посадки бедного «Антошки» надежно закрывали плотные хвойные кроны, и надеяться на то, что сверху кто-то отыщет последнее пристанище самолета, было бы абсурдно...

Погладив искореженный борт спасителя и, прощаясь с ним, авиатор тихо прошептал:

– Прости дружок, я старался, но так уж вышло.

– Нам повезло, что от бензина в баках оставался один за-

пах, а то пылал бы костерок до небес. И мы бы в нем жарились как... неразделанные бараньи туши, – вздохнул Всеволод, припомнив катастрофу «восьмерки» и гибель своей группы. Закидывая «калаш» на плечо, поторопил: – Пошли искать Толика. Что-то не нравится мне его молчание. Не к добру это...

На Терентьева они наткнулись метрах в ста двадцати от самолета. Тело мертвого капитана лежало рядом с большим куском обшивки и парой выдранных из креплений кресел. Голова и шея были расплосованы от удара обо что-то острое – должно быть, об этот же чертов кусок дюраля.

После тщательного осмотра молодого сослуживца, подполковник с потемневшим осунувшимся лицом сказал:

– Почти все кости переломаны. Возможно, и позвоночник разбит в труху. Видать, выбросило сквозь дыру вместе с креслом, да шмякнуло о дерево...

Анатолия они похоронили здесь же – меж двух красавцев кедров. Вместо таблички в изголовье могильного холмика приладили выпрямленный дюралевый лист с нацарапанной фамилией погибшего. С минуту постояли молча, навсегда прощаясь с товарищем и, неспешно двинулись дальше на север...

К вечеру, голодные и утомленные долгим путешествием по труднопроходимой горной местности, они швырнули автоматы под разлапистую аянскую ель, и попадали на свобод-

ный от снега толстый слой ржавой хвои – сил продолжать движение на сегодня не осталось. По приблизительным подсчетам за весь пеший переход удалось преодолеть километров пятнадцать. Идти только ложбинами – меж возвышенностей не получалось. Во-первых, повторяя извилистые росчерки ущелий и низин, приходилось постоянно отклоняться от курса. Во-вторых, именно в низинах произрастал самый непролазный кустарник. Потому и приходилось чаще карабкаться по утомительным подъемам или ковылять по крутым спускам.

Лишь однажды, за нынешний марш-бросок, Скопцов с Барклаем набрали на незамерзающий горный ручей и растущие вдоль него рослые кусты кизила. Вдоволь напившись ледяной прозрачной воды, они наелись иссушенных морозом ягод, коими был обильно усеян каменистый бережок и, набив ими впрок карманы, двинулись дальше.

Теперь, устроившись на ночлег под елью, офицеры «поужинали» двумя горстями припасов. И сразу же, прижавшись спинами друг к другу и накрывшись третьей курткой, снятой с Толика, забылись крепким сном...

Среди ночи, частично восстановив силы, Всеволод очнулся.

Усевшись поудобнее и хорошенько накрыв летчика, он положил на колени автомат и принялся размышлять. Чудесная эйфория от свершившегося побега из лагеря прошла; наступал черед сызнаова включать мозги и заботиться о без-

опасном продолжении похода – до самого его логического и успешного завершения.

«Мы находимся в горной части Чечни. Здесь пока неспокойно – то тут, то там, наши части блокируют и уничтожают остатки бандформирований, – неторопливо рассуждал подполковник. – Боевики расползаются и по чеченскому югу, и по соседним республикам. И встретиться с ними в этих краях – пара пустяков. Чуть зазевался и лови пулю либо в спину, либо в лоб... Что же делать? Пока мы идем на север, ибо не знаем своего места с точностью, необходимой для определения другого, более рационального направления. Вполне возможно, где-то рядом петляет дорога с нашими блокпостами, а мы тащимся параллельно и не догадываемся о близости своего спасения. Что же делать?..»

Спустя пару часов он растолкал Скопцова и повелел сменить его на дежурстве. Сам же, как ни пытался, забыться крепким сном так и не смог. Стоило задремать – немедля мерещилась погоня или слышался рык диких зверей. То представлялось: изнеженный летной службой Макс, привалившись спиной к стволу дерева, беспробудно дрыхнет и не слышит чьей-то тихой поступи по зимнему лесу...

Дождавшись первых лучей солнца, он с нетерпением поднялся на ноги, умылся обжигающим снежком, сжевал несколько кисловатых ягод и, закинув на плечо автомат, приказал продолжать поход.

К середине второго дня пешего марш-броска погода стала налаживаться – нижний слой облачности растаял, в верхних появились прорехи, позволявшие солнечным лучам изредка пробиваться к белеющим снежными шапками горным вершинам.

Скоро до слуха донесся знакомый звук – где-то на востоке слаженным хором гудело несколько вертолетов. Беглецы успели рассмотреть лишь быстрые стремительные тени, когда парочка пятнистых «крокодилов» мелькнула между двух склонов.

– Ну, слава богу! – чуть не закричал от радости Скопцов. – Значит, мы все-таки на нашей территории.

– Возможно, – пожал плечами спецназовец.

– Что значит: возможно?! Ты видел на их бортах красные звезды?

Всеволод улыбнулся:

– Видел, Макс, видел. Мы в своей стране – я в этом уверен. Пошли...

Запасы кизила в обед иссякли. Более никаких плодоносящих кустарников на маршруте голодных, измученных путников не попадалось. Не покидавшая с самого утра слабость от недоедания и усталость заставляли все чаще делать привалы; подолгу лежать на островках пожухлой травы, глядя в

просветлевшее небо и ждать, покуда успокоится учащенное, тяжелое дыхание.

Ближе к вечеру они пробирались к северу густым грабовым лесом. Внезапно подполковник остановился и резко вскинул вверх левую руку – правая держала за рукоятку автомат. Впереди, меж деревьев он заметил какие-то строения. Оглядываясь и напрягая слух, офицеры подошли ближе – сквозь черноту корявых стволов и кустарников просматривались приземистые домишки...

– Горный аул, – шепнул Барклай.

– Ну, так пошли, – наивно предложил летчик. – Хоть по-человечески, спросим, где находимся!..

– Не спеши. Мы должны убедиться в отсутствии там боевиков. Смотри под ноги – не наступай на снег и сухие ветви. Иди по листве и следи за моими командами.

Озираясь по сторонам, они осторожно подобрались к краю зарослей и стали наблюдать за селением.

Кривые улочки, плоские крыши, дворы и дувалы... Все вокруг казалось пустынным, необитаемым. И только дымок, струящийся почти вертикально вверх от десятка домов, выдавал присутствие жизни.

Стараясь держаться подальше от крайних дворов, беглецы обогнули аул и осмотрели его с другой стороны. Но и оттуда, разрезавший селение пополам переулочек, предстал таким же заброшенным.

– Ладно, давай наведемся в ближайший «сарай», – ре-

шился Всеволод. – Иначе скоро ноги протянем. Иди за мной. След в след...

Пригнувшись, спецназовец с летчиком прошмыгнули от опушки леса к каменному забору; снова осмотревшись, перемахнули сооружение из неотесанного камня и метнулись к стене.

Где-то рядом залаяла собака, ей вторила другая...

Вдоль стены беглецы прошли под небольшими окнами; изготовили для верности оружие и... ворвались внутрь.

В небольшой полутемной комнатке, за которой виделось более светлое помещение, они сразу же столкнулись со стариком, одетым в поношенный серый бешмет. Одной дряблой рукой тот натягивал на седую голову папаху, в другой держал охотничье ружьишко. Заслышав лай собак, хозяин явно спешил выйти во двор, да вот наткнулся на непрошенных гостей...

Макс от неожиданности растерялся; Барклай же, словно предвидя эту встречу, сходу выхватил у аксакала двустволку и сказал что-то резкое на непонятном языке. Тот попятился, злобно зыряка на двух странных мужчин бесцветными подслеповатыми глазами.

– Пригляди за ним. Рыпнется – врежь прикладом по лбу, – повелел подполковник, исчезая в следующей комнате.

Дергаться старик не стал. Вероятно, сказанного грозного вида мужиком, оказалось достаточно, чтобы понять: церемониться с ним не будут. Спустя минуту Сева вернулся, неся

подмышкой сложенный пополам лаваш, а в левой руке – литровую бутылку, наполненную жидкостью, похожей на молоко.

Передав добычу майору, разрядил ружье и бросил его в угол. С той же деловитостью вынул из болтавшихся на поясе горца ножен кинжал и о чем-то спросил по-чеченски. Насупив кустистые брови, тот упрямо молчал...

– Пошли, это бесполезно, – кивнул на дверь спецназовец.

Во дворе не то скептически, не то с настоящим любопытством Максим справился:

– Тебе и с такими дедами приходилось воевать?

– Ты, братец, поменьше думай и рассусоливай! А то следующий старикан долбанет дуплетом в брюхо и станет еще одним могильным холмиком на Кавказе больше. С чичами безотказно работает одно правило – не ты, так тебя!..

– Что этот божий одуванчик мог нам сделать?

– Одуванчик?! Их с самого детства приучают к оружию – дарят ножи вместо игрушек. И умирают они с оружием в руках. Так что не строй иллюзий – это тебе не наши пенсионеры с клюшками на лавочках в цветущих сквериках.

– О чем ты у него спрашивал?

– Название села хотел узнать...

На улице относительное спокойствие и радость от удачного посещения горного селения внезапно сменились тревогой – собаки ближайших дворов заходились в бешеном лае; что-то, пока непонятное офицерам, насторожило, заставило быть предельно внимательными. Осторожность оказалась

нелишней: на грунтовом проселке, делившем аул надвое, вдруг послышался шум автомобильных двигателей. Беглецы ломанулись к дувалу, выглянули наружу... С противоположной стороны дороги в селение въезжали три машины: два серых «уазика» и небольшой импортный грузовичок.

– Духи, – негромко объявил подполковник. – Уходим, Макс. Нам сейчас не до перестрелок с ними...

Пригнувшись, они пересекли двор в обратном направлении. Однако стоило преодолеть каменный забор, как оба одновременно заметили группу бородатых мужчин в пятнистой форме. Пятеро или шестеро вооруженных боевиков появились на открытой заснеженной полосе меж леса и крайних домов, неспешно выруливая из-за неровного ряда сплошных заборов. Вероятно, руководивший бандой амир отдал приказ прочесать округу прежде, чем банда расквартует в горном селе.

В голове пилота еще зрели догадки и предположения относительно последствий неожиданной встречи, а Всеволод уже знал что делать.

Их заметили сразу – расстояние и открытость полосы иного варианта не предполагали. Но пока бородачи, рассыпаясь по ее ширине, срывали с плеч оружие, прогремела длинная прицельная очередь спецназовца. Пулями срезало как минимум двоих из повстречавшейся группы...

– Быстро в лес! – крикнул он растерявшемуся товарищу. Ответные выстрелы раздались через несколько секунд,

когда до ближайших деревьев оставался десяток шагов. Пули вздымали под ногами снежные фонтаны, с треском отбивали кору с древесных стволов, противно визжали рядом...

– Не отставай, авиация! – не оборачиваясь, приговаривал Барк. – Теперь погоня за нами обеспечена – их десятка два пожаловало, не меньше. И пожрать, суки, нормально не дали!..

Петляя по лесу, он старался вести Скопцова по проталинам, дабы не оставлять на снегу следов. А, отдалившись от деревеньки на километр, резко повернул в сторону – организованная обозленными боевиками погоня не отставала.

Беглецы уходили на север. Сзади – с юга, слышалась беспорядочная стрельба, но более Всеволода озадачило другое: собачий лай, отдаленные голоса и редкие выстрелы стали доноситься и с восточной, и западной сторон.

– Вот тебе и деревенька в пять дворов!.. Пусть хоть в один дворик, да встречаться нам сейчас ни с кем не светит! Особенно с местными собаками, – недовольно бурчал Сева, углубляясь в чащу. – Видать машинами раскидали группы по грунтовке. А те уж пошли прочесывать лес. Научились воевать, бараны...

Задыхаясь от быстрого движения, Макс вторил:

– Согласен. Лучше бы и дальше шли голодными... Слушай, а мне кто-то говорил, будто чичи собак не держат – как и свиней считают их грязными животными.

– Это что ж за умник тебя просвещал?

– Не помню. В гарнизоне или в Ханкале...

– Плюнь ему в морду, когда встретишь снова. О кавказских овчарках, о волкодавах слыхивал?

– Конечно.

– За хороших щенков здесь по тысяче баксов платят. Без них баранов в горах пасти – дороже в десять раз выйдет.

– Волки?

– А то кто же!..

Летчик настороженно спросил:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что за нами по пятам идут чечены с волкодавами?

– Рад бы тебе соврать про пуделей с левретками, да боюсь, не поверишь.

Несколько минут Скопцов бежал за спецназовцем молча, переваривая невеселую информацию. Потом проворчал:

– Мля... лучше уж на «Фармане» летать, чем по горам от этих чертовых собак шарахаться.

Погоня не отставала, но решение отыскалось внезапно и скоро, когда путь преградила горная речушка.

– Чудненько! – возрадовался Барклай. – Ноги промочить не боишься?

– Здесь ты командуешь – принимай решение. Только куда? Вниз по течению или вверх?

– А-а, то-то и оно! Вот и бородатые приматы споткнутся на том же вопросе.

– Ну, споткнутся, подумают... А потом разделятся и дви-

нут в обоих направлениях.

– Верно. Пусть делятся. Нам-то, братец, это на руку! Разобраться с небольшой группой куда проще, чем с цельной бандой. Смекаешь?

Он смекал. Как смекал и то, что слабость от голода, помноженная на многодневную усталость, не позволит долго выдерживать взятый темп.

Вода обжигала холодом до самых колен; стремительное течение и неровное, каменистое дно мешали скорому передвижению. На время подполковник забыл о направлении, о необходимости держать курс на север – все мысли были подчинены одному: запутать идущих по следу бандитов, оторваться от наседавшей погони. Около получаса они шли по дну мелкой речушки, повторяя все ее замысловатые изгибы.

Наконец, Всеволод повернул к бережку...

– Все. Позади тишина. Протопаем пяток километров в нужную сторону и организуем привал – обсохнем, перекусим, – подбодрил он майора и вдруг заметил его настороженный взгляд куда-то в сторону.

Обернувшись, увидел воловью повозку, стоявшую за плавным поворотом русла, потому и не видимую с реки. Рядом копошились двое подростков, кидавших в деревянный кузовок округлые речные булыжники. Прячется или возвращаться к воде было поздно – мальчуганы завидев незнакомых вооруженных мужчин, распрямились, прекратили работу...

Летчик медленно поднял автомат.

– Не стоит торопиться с этим, – качнул головой Барклай. – Поступим по-другому. Идем...

Не таясь, они двинулись к повозке. Подростки не убежали и двинулись с места, хотя настороженные взгляды и не скрывали враждебности. Приблизившись, Сева осмотрел повозку, заглянул внутрь кузова, затем спросил о чем-то на непонятном языке. Фразы звучали спокойно и даже с некой отеческой ноткой в голосе...

«Играет, – решил про себя Максим, разобрав лишь слово „руса“. – Опять задумал какую-то хитрость. Да... с этим мужиком не пропадешь!.. Всегда и всюду найдется, выберет единственно верное решение. С таким и в гости к черту не страшно!»

Старший из пацанов что-то ответил, нехотя указав рукой на север. Барклай картинно возрадовался, похлопал его по плечу и, незаметно подмигнув вертолетчику, воскликнул:

– Ну вот, а мы плутали в этом чертовом лесу! В той стороне наши. Пошли!..

Уведя молодого товарища от берега на приличное расстояние, он негромко пояснил:

– В этих краях плотность населенных пунктов небольшая – сто процентов, что мальчуганы из того аула, где мы «одолжили» у старика провиант. О булыжниках они уже забыли – не сомневайся! И скоро наперебой расскажут о случайной встрече с нами местным старейшинам, а те – амиру банды.

– Тогда зачем ты завел разговор о северном направлении?

– Я спросил: где искать русских военных? Об этом спросил бы любой, оказавшийся в нашем положении. Разве не так?

– Резонно...

– Теперь пусть особо любопытные думают, что мы с тобой отправились напрямиком на север. Стало быть, и погоня пойдет по ложному следу.

– Куда же мы отправимся на самом деле? – поинтересовался, разгадав его план Скопцов.

– Немного подвернем на запад – в противоположную от селения сторону, пропилим пяток километров, стараясь не наследить и, устроим привал с ужином и ночевкой. Устаивает?

– Скорее бы уж. У меня в брюхе кроме слюней и воды – ничего...

– Аналогично, – добродушно усмехнулся тот. – А утром спокойно двинем к нашим...

Способ одиннадцатый

22-23 декабря

«Пропилить» пришлось не пяток, а с десяток километров. Местность попадалась заснеженная, открытая, без растительности. Потому Барклай кружил и петлял, тщательно выбирая дорогу. К тому же подходящей для ночлега укромной лощинки или складочки, как назло, не встречалось. Половину припасов они, не утерпев, съели и выпили по дороге, не останавливаясь. Немного полегчало, но зато отчаянно захотелось спать.

– Все, остаемся здесь, – прошептал пересохшими губами подполковник, выйдя на небольшую горизонтальную площадку, расположенную на поросшем жидким кустарником склоне. Устало опустившись на камень, он достал из кармана куртки провизию: – Есть будешь или оставим на завтрак?

– Лучше оставить на завтра, – севшим голосом отвечал пилот. – Сегодня уже нет сил. Только спать...

– Ложись первым. Я подежурю. Даст бог, завтра наши приключения закончатся.

Майор откинулся на спину, глаза сами собой закрылись. Приятель продолжал что-то тихо говорить, да слова его доходили до сознания с большим опозданием...

– Чечня крохотная... Пешком, что с востока на запад, что

с юга на север за три дня пройти можно... Если б не горы с ущельями... Нам бы на дорогу приличную набрести, подались бы по зарослям вдоль нее... До первого блокпоста... А там, глядишь и горячий ужин, банька со стаканчиком водки. И теплая постель... Ничего, дружище, завтра эта чертова эпопея завершится...

«Повезло! Наконец-то, крупно повезло! Проскакав по разноцветной картонке, кубик остановился и показал удачное число. Я попал на зеленый кружок! Призовая стрелка стремительным росчерком бросила мою фишку от этого кружка далеко вперед, дозволив обогнать опережавшего соперника...» – проплыла счастливая мысль, и Максим в полном бессилии забылся.

Забылся для того, чтобы вновь во сне повстречаться с любимой девушкой...

* * *

Многое передумал Скопцов этой тихой зимней ночью, лежа на диване своей однокомнатной квартирки. Сон долго не шел; в памяти беспрестанно проплывал образ Александры, и звучали ее слова, произнесенные полгода назад при расставании.

Да, несколько месяцев разлуки пролетели незаметно: командировки, боевые вылеты, обыденная служебная суета...

Саша исправно присылала по два-три письма в неделю; он с той же частотой отвечал. Несколько раз они болтали с ней по телефону. При расставании они стоворились встретиться в Самаре в его отпуске, да с отпуском вначале зимы ничего не вышло. И она расплакалась, услышав об этом известии по телефону.

А потом, успокоившись, твердо сказала:

– Ничего страшного, Максим – я все понимаю. Ты же на службе... Тогда завтра же пойду в деканат и напишу заявление о досрочной сдаче сессии. Я сдам все экзамены и приеду сама. Ничего страшного...

Она сдержала данное слово – в начале декабря уже купила билет до аэропорта Минеральных Вод.

И вот наступил день ее приезда – скоро он наконец-то увидит свою Сашеньку. Накануне вечером к нему забежала радостная Анастасия и, протянув телеграмму, попросила встретить сестру на машине.

Не выдержав, он приехал в аэропорт за два часа до назначенного времени и бесцельно слонялся по огромному аэровокзалу, считая минуты... Будто электрическим током прошибло Скопцова, когда в толпе прилетевших пассажиров он увидел стройную фигурку Александры. Вглядываясь в лица встречающих, она медленно вошла из широкой галереи в аэровокзал. Завидев же быстро идущего к ней Максима, приветливо улыбнулась, и... кинулась навстречу.

Он долго сжимал ее в объятиях, целовал мокрое от слез

лицо.

Вскоре, получив багаж, они уселись в его машину и в радостном возбуждении поехали в гарнизон...

– Жаль, но нужно появиться у Лихачевых, – негромко сказал он, выезжая на шоссе.

– Почему жаль? – подивилась она.

– Мы должны сообщить, что уходим.

– Куда?.. – тихо спросила Саша, почувствовав, как сердце учащенно забилося в груди.

– Потом скажу.

– Скажи сейчас.

– Позже.

– Сейчас. Ну, пожалуйста.

– Вечером...

– Но ведь до вечера еще так далеко.

– Хорошо. Лихачевы наверняка уже накрыли стол и ждут нас. Мы посидим, отметим твой приезд, а потом...

– Что потом? – нетерпеливо прошептала она.

– А вечером мы с тобой пойдем ко мне.

– К тебе? – с некоторым сомнением переспросила девушка, – удобно ли это?..

– Удобнее некуда. Я многое должен сказать Сашенька и непременно сегодня.

Спустя сорок минут бордовая «Десятка» остановилась возле одной из пятиэтажек. Максим помог спутнице выйти из машины, вытащил из багажника вещи. Девушка взяла мо-

лодого человека под руку и слегка озадаченная направилась с ним к подъезду.

– Ты разве не поужинаешь с нами?! – удивленно спросила Анастасия, когда Скопцов, едва дождавшись восьми вечера, засобиравшись уходить из гостей.

– Нет, спасибо – и так целый день за столом просидели, – улыбнулся он и незаметно подмигнул хозяйке: – У меня другое предложение. Мы должны сегодня с Александрой обсудить некоторые важные вопросы. Вы не станете возражать, если я заберу ее с собой? Обещаю не обижать и как следует накормить ужином.

Только на один короткий миг старшая из двух сестер допустила в свое сердце сомнение – слишком уж устойчивую заработал Макс репутацию женского обольстителя. Но, зная от Сашеньки об их страстной переписке, о взыгравших в обоих чувствах, она отогнала прочь тревожившие мысли. Супруги заулыбались и, глядя на смущенную девочку, закивали.

Настя внезапно куда-то сорвалась и через минуту протягивала им бутылку шампанского:

– Держите. Надеюсь, найдется повод выпить до дна.

– И просьба не беспокоится, если она задержится, – тихо шепнул майор в дверях молодой женщине.

– Господи... пусть у них все сложится, – проводив парочку, пробормотала Настя и прильнула к мужу...

По дороге до соседнего дома, Александра напряженно молчала. Поддерживая за локоть очаровательную спутницу, молодой человек явственно ощущал, как в душе той борются страх и желание, сомнение и решимость.

Поднявшись до четвертого этажа и распахнув дверь квартиры, Скопцов заметил как гостя с отчаянной отвагой, не раздумывая, переступила порог.

– Посмотрим, что тут у нас из стратегических запасов... – приговаривал хозяин, открывая холодильник.

– Максим, ты покушай сам, – скромно устроилась на стуле в углу кухни девушка, – а я совсем не хочу.

– Взятая ответственность, равно как и данное обещание, мне этого не позволят, – назидательно и с расстановкой возразил он.

На столе росла горка разнообразных продуктов: баночки с красной икрой и рыбой, сыр, масло, фрукты...

– Ты пока займись бутербродами, а я начну сервировать столик в комнате, – предложил он, проворно открывая консервы.

Завершив подготовку небольшого пиршества, Макс зажег три свечи и, погасив свет, пригласил Александру в зал. Бесшумно ступая, та подошла к столику и, заворожено глядя на покачивающиеся огоньки, замерла. Но хозяин квартиры неожиданно опустился перед ней на одно колено и, нежно обняв талию, твердым голосом произнес заветные слова:

– Прости меня – я должен был сказать это полгода назад. Я

люблю тебя, Сашенька. И... ты не согласилась бы стать моей женой?

Девушка чему-то улыбалась и долго смотрела в глаза молодого мужчины, любуясь отблесками мерцающих свечей. Потом, поглаживая ладонями, прижала к себе его голову...

– Конечно, Максим... – прошептала она, – да, мой любимый, я согласна...

Легкий ужин при свечах удался на славу. Влюбленные сидели рядом, не выпуская друг друга из объятий, счастливые и довольные. Они вспоминали ушедшее лето и трудное, неудавшееся поначалу знакомство. Все крепче он обнимал Александру, все больше страсти было в их поцелуях, трепетнее становилось дыхание.

Откинувшись на спинку дивана и закрыв в блаженстве глаза, она поглаживала мужскую ладонь, скользившую по вздымающейся, упругой груди и не спеша расстегивающую пуговицы на тонкой блузке...

– Проводи меня... – вдруг услышал Скопцов, добравшись губами до набухшего соска.

Выпрямившись и поправив полу ее кофточки, он с досадой на собственную поспешность виновато смотрел на девушку.

– Проводи меня в ванну, – еле слышно прошептала Саша, – я больше не могу...

Пришедший на Северный Кавказ теплый фронт, едва не погубивший их прошлой ночью, теперь отчасти спасал – температура даже на рассвете не опускалась ниже нуля. Днем же, под лучами иногда пробивавшегося сквозь облачность солнца, да от быстрой ходьбы по взгоркам становилось и вообще тепло.

Ранним утром они допили козье молоко, съели по последнему куску хлеба и вновь двинулись на север...

Пару раз им казалось, будто откуда-то сзади доносится лай собак, но, останавливаясь и прислушиваясь, они ничего, кроме воя ветра не улавливали.

В целом же второй день пешей прогулки сложился таким же неудачным, как и первый. К вечеру, вспоминая количество вынужденных остановок, и приблизительно подсчитывая пройденный километраж, Всеволод усмотрел впереди очередную возвышенность с реденькой растительностью на пологом склоне. А, взобравшись на вершину, дабы осмотреться и подкорректировать направление, они увидели перед собой обрыв, под которым путь преграждала быстрая река.

– Так... на территории Чечни имеется только две приличных речки, похожих на эту, – озаботился подполковник, наморщил лоб, потер ладонью обросшую бородой правую щеку. – Терек находится много севернее – это и дураку понят-

но. Да и пошире он будет, полноводнее. Остается Аргун, потому как остальные боле смахивают на ручьи.

– Но Аргун течет с юга на север, – возразил пилот, припоминая начертания полетных карт.

– Верно. За исключением недлинного участка от истока на грузинской территории. От границы километров тридцать-сорок он петляет между гор аккурат с запада на восток, а на север подворачивает у Итум-Кале.

«Да... С таким напарником не пропадешь – из любой передрыги отыщет выход!» – подумал майор, уважительно поглядывая на приятеля и удивляясь отменной памяти с профессионализмом.

– Пойдем по берегу, до брода, – рассуждал вслух Барклай, – переправимся и подвернем на северо-восток. А там и на шоссе выйдем – оно до самого Шатоя шурует слева от Аргуна.

– Пойдем, – не раздумывая, согласился Скопцов.

Форсировать водную преграду лучше было ночью – днем за этим занятием их могли засечь боевики, встреча с которыми не сулила сейчас ничего хорошего. Но погоня осталась далеко позади и наверняка потеряла их след; берега речушки выглядели пустынными, безжизненными... Потому Всеволод и отказался ждать наступления темноты.

До приемлемой переправы пришлось тащиться километра три.

– Через эту стремнину и переправимся, – указал Сева на

бурлящие пороги. – Течение шустрое, зато неглубоко. Раздевайся...

Вертолетчик начал неторопливо стаскивать с себя одежду.

– Все снимай! И футболку с трусами тоже, – подсказывал старший товарищ. – Чем меньше перед зимним купанием на тебе останется одежды, тем быстрее потом согреешься.

Затем показал, как следует связать обувь, как свернуть одежду, как ловчее и надежнее перетянуть вещи автоматным ремнем... Войдя же в воду первым, постоянно оборачивался и приговаривал:

– На берег поглядывай, и вокруг глазеть не забывай!

– Я привычный – голова не закружится.

– Это само собой... Ты у нас и к плену теперь привычный.

А чтобы снова к «духам» не угодить – внимательно смотри по сторонам! На слух, сам понимаешь, полагаться бестолково – стремнина все звуки глушит.

Ширина реки была смешной – метров двадцать пять. Глубина – по колено и только у середины кипевший перекатами ледяной поток доходил до пояса. И здесь же, на середине Максим почувствовал, как немеют, отказывают от холода ноги. Голые ступни вдруг перестали ощущать неровности каменистого дна; стремительное течение туго било беспорядочными завихрениями лишь в бедра да в правый бок, а ниже словно сменялось спокойным, ласковым током – ни колени, ни голени не чувствовали неистового напора. Не на шут-

ку перепугавшись, он ускорил движение, неловко выбрался на берег и трясущимися руками стал освобождать вещевой сверток от оружейного ремня, чтобы поскорее одеться.

Но и тут подполковник упредил дельным советом:

– Сначала разотри себя хорошенько. Да не футболкой!..

Наружной стороной куртки три – влага-то с нее на ветерке в момент сойдет.

Он сделал все, как сказал Всеволод. Одеваясь и стуча зубами от холода, не заметил, как на камнях осталась выскользнувшая из кармана ложка из нержавеющей стали – заветный подарок Рябого...

Наскоро облачившись в комбинезон и накинув куртку, он с облегчением почувствовал возвращавшееся в тело тепло.

Преодолев реку, они подвернули вправо – на северо-восток. Пройти, по словам опытного напарника, предстояло километров тридцать, прежде чем улыбнется удача и на пути окажется шоссе. Увы, но стопроцентной уверенности в правильно выбранном направлении не было – не взирая на четкость выдвинутой гипотезы относительно названия оставшейся сзади речушки, обоих точило сомнение...

– Постой, – внезапно тронул товарища за плечо летчик. – Прислушайся...

Тот остановился, повернул голову вправо – именно туда смотрел, напрягая слух, Максим.

– Лай... Собачий лай, – прошептал Барклай. – Идут берегом реки в нашу сторону.

– Неужели все те же – из села? – настороженно спросил майор.

– Кто и с какой целью – время покажет.

Достав из кармана единственную гранату, прихваченную на площадке в вагончике охраны, Всеволод легко подкинул ее в ладони, словно определяя вес убойного заряда и, сплюнув под ноги, сказал:

– Пошли – по дороге что-нибудь придумаем; отойдем на пару километров и определимся. Если не отстанут – я знаю, как поступить...

* * *

Небольшой отряд вооруженных мужчин торопливо, едва поспевая за четырьмя, рвущими поводки кавказскими овчарками, продвигался по левому берегу реки. Шумно перекатываясь через пороги, течение несло навстречу десятку угрюмых и уставших боевиков. Наспех организованная погоня за двумя неверными, нагло сунувшимися в горный аул, куда неделей раньше пришла на отдых банда, продолжалась вторые сутки...

Особое внимание лидер отряда уделял тем участкам реки, где русло становилось шире и мельче, а стремнина утрачивала буйную резвость – в подобных местах русским было проще перебраться с одного берега на другой. На одном из

плавных речных поворотов все четыре собаки вдруг перестали рваться вперед и принялись снова от воды к зарослям кустарника, с жадностью принюхиваясь к чьим-то следам.

Лидер, внешне более напомилавший грузина, нежели чеченца, приказал бойцам остановиться; тщательно огляделся вокруг... Да, по цепочке неглубоких перекатов здесь без труда можно было преодолеть реку вброд. Затем его внимательный взгляд выхватил блеснувший металлический предмет, лежавший меж камней.

Им оказалась старенькая ложка из нержавеющей стали.

– Батонебо, собаки взяли след! – крикнул один из бойцов, – люди пошли от реки на северо-восток.

– Это они, – довольно кивнул командир отряда. – Вперед!..

Спустя полчаса быстрой погони собаки привели группу преследователей к одиноко торчащей среди лесистых взгорков скале. «Странно, – подумалось кавказцу в суете преследования, – какого черта их понесло по самой неудобной тропе – по камням и под нависшими над головой глыбами?..» Однако рассуждать за неверных, понимать и предугадывать их действия, было некогда – время поджимало; короткий зимний день клонился к закату...

Сотню метров они петляли вдоль серых каменных нагромождений, пока не наткнулись на полусгнившее дерево, лежащее на исполинских глыбах поперек тропы. Иссохшая древесина с остатками коры была оплетена лианами актини-

дии, уходившими куда-то вверх по вертикальной скале...

– Не задерживаться! – поторапливал лидер.

И пока он рассматривал цепочки отчетливых следов на снегу, отчего-то теснившихся вдоль поваленного дерева, его люди стали послушно переползать через ствол, цепляясь за одеревеневшие лианы. Одна из потревоженных лиан отчего-то дернулась, с треском сползла вниз. За ней посыпался снег, каменная крошка... Никто бы не обратил на это внимание, если бы следом не полетели камни, а за ними огромные булыжники.

– Назад! – рявкнул старший группы, отскакивая подальше от скалы, – собак берегите! Назад!..

Но собаки, учуяв опасность, и сами потащили своих хозяев в сторону от обвала. Двое же чеченцев уберечься не успели – изувеченные тела их скоро скрыли бесформенные обломки и продолжавшие сыпаться сверху снег с коричневатой пылью.

– Я не удивлюсь, если этот обвал – дело рук неверных... – прошептал лидер. И, закинув на спину автомат, скомандовал: – Вперед! У нас остался один час до захода солнца.

Расстояние между боевиками и русскими беглецами быстро сокращалось – теперь собаки вели себя по-другому: не метались из стороны в сторону, оглашая округу радостным лаем, а от самой скалы тянули поводки строго в одном направлении. Голос подавали редко – когда хозяева, сдержи-

вая неистовый порыв, замедляли преследование, дожидаясь приотставших товарищей.

В паре километров от места обвала, овчарки внезапно заволновались, обшаривая небольшую лесную поляну...

Командовавший отрядом мужчина приказал остановиться и вновь, как и на берегу, принялся изучать следы, оставленные двумя парами ног на округлом снежном пятчке.

– Батонебо, здесь у них был привал. Взгляните... – позвал тот, чья собака вынюхивала ближайшие заросли.

Он сделал несколько шагов к нему и, увидав «находку», непроизвольно поморщился. На снегу между двух кустов лежала кучка человеческих экскрементов...

– Когда настигнем русских и поведем обратно, я заставлю их сожрать это! – злобно процедил лидер и направился к центру поляны. – Пошли, они где-то недалеко.

В это время собака, продолжавшая исследовать своим носом следы пребывания под кустами кого-то из беглецов, задела лапой упругую ветвь, изогнутую дугой и отчего-то утопленную тонким концом в снег. Ветка с силой распрямилась; на кончике ее что-то негромко звякнуло...

Владелец собаки с интересом проследил за качавшимся металлическим колечком, потом рассмотрел два усика чеки, беспечно болтавшейся на кольце. Глаза его расширились в накатившем ужасе; ноги сами собой сделали два шага назад, да натянувшийся повод остановил – животному было невдомек о нависшей смертельной угрозе...

Прогремевший взрыв отбросил собаку и ее хозяина на несколько метров. Еще один боевик упал, сраженный осколком в голову. Не успевший далеко отойти командир согнулся, схватившись за плечо...

В центре поляны лежали два мертвых чеченца и изуродованное взрывом тело кавказской овчарки...

Бандит, получивший единственный осколок в голову, казался живым, не надолго уснувшим. И только небольшое отверстие над ухом с сочившейся по вмятому внутрь клочку волос темной кровью говорило о том, что сон этот отныне вечен.

Хозяину убитой овчарки в последний миг жизни повезло куда меньше, если в подобных обстоятельствах вообще стоит упоминать о «везении». Лицо, руки, шея пестрели многочисленными кровоподтеками; вероятно, то же самое творилось и на закрытых одеждой участках тела. Сорокалетнего мужчину буквально нашпиговано мелкими осколками...

– Они дорого заплатят за это!.. – шептал лидер спустя минуту побелевшими губами, бросая взбешенный взгляд то на окровавленную руку, то на потери небольшого отряда.

* * *

Спустя каких-то двадцать минут, после истечения расчетного времени возвращения с задания вертолета Скоп-

цова, началась суматоха спасательной операции. Несколько авиационных частей расположенных близ береговой черты, раз за разом посылали самолеты и вертолеты в предполагаемый район катастрофы. Десяток кораблей флота были одновременно задействованы в поисках пропавших авиаторов, и лишь по истечении десяти дней, когда угасла последняя искорка надежды, поисковую операцию остановили.

Впечатляющая по своему составу комиссия не имела ни свидетелей происшедшего; ни фактов, объясняющих причины катастрофы. Следователи военной прокуратуры и работники контрразведки дотошно опросили всех, кто обслуживал перед вылетом машину; кто занимался регламентным ремонтом в технико-эксплуатационной части; кто заправлял топливом, маслами, менял фото пленку разведывательной аппаратуры. Однако все работы проводились вовремя и надлежащим образом; персонал имел соответствующие допуски и необходимую квалификацию; все записи в журналах делались правильно.

Зацепиться следственным органам ровным счетом было не за что и через две недели после злополучного полета председателем комиссии – долговязым генералом из штаба авиации округа был подписан акт с официальным, сухим вердиктом: «... Членов экипажа вертолета МИ-8МТ с бортовым номером... считать пропавшими без вести».

– Лешка, ключ взял?

– Взят, – буркнул в ответ тот, изнемогая под тяжестью объемной, набитой бутылками, сумки.

Пятеро майоров – однокашников Скопцова, безмолвно и понутив головы, шли по гарнизону к дому пропавшего друга. Все десять дней, пока полным ходом шел поиск, они тоже ждали и надеялись на чудо; некоторым, включая Лешку, даже довелось сделать по паре вылетов – осматривать берег и прибрежные районы моря. Но теперь уже надеяться было не на что.

Договорившись на утреннем построении, офицеры встретились во второй половине дня возле гарнизонного военторга и, накупив спиртного с закуской, отправились в квартиру товарища. Максим давно отдал второй ключ Лешке, дабы во время его отпусков и командировок в Чечню друзья могли иной раз спокойно посидеть за столом и расслабиться. «Посуду за собой не забывают мыть, – сурово напутствовал он, объясняя приятелю, как легче справиться с дверным замком, – а то буду ваших жен приглашать для оной цели...»

– Мужики, а как долго по нашим законам, человек числится пропавшим без вести? – хмуро спросил один из пилотов.

– Кажется, полгода.

– А я слышал – год.

– Квартиру ведь у Макса отберут, когда этот срок закончится, – объяснил тот свое любопытство.

– Ну, пока не отберут! – зло отрезал третий, – а когда до

этого дело дойдет, аккуратно упакуем вещи в контейнер и отправим его матери.

– Матери нужно передать самое ценное и памятное. Остальное лучше продать здесь и выслать деньги...

– Может, хватит об этом, балбесы! – цыкнул на приятелей Лешка, – что бы там ни было – мы пока Макса не хороним, а идем выпить за его спасение. Не знаю, как вы, а я ужрюсь сегодня в зюю именно за это!

– Кто же возражает?..

– И мы за то же будем пить!..

Дальше пятеро летчиков под легкий перезвон бутылок шли молча, пока на узенькой аллейке, самую малость не дойдя до заветного подъезда, не столкнулись нос к носу с женой Алексея.

– Куда это вы намылились? – уперев в крутые бока кулачки, поинтересовалась суровая женщина.

Зная скандальную и задиристую натуру Галины, вертолетчики не отвечали. И только муж, не став на сей раз отпираться и играть в прятки, заявил с непривычной для супруги твердостью:

– Мы в квартиру Скопцова. Ты прости, Галя, но я должен сегодня напиться.

Женщина смерила его долгим и удивленным взглядом, приоткрыла было рот для очередного грубого словца, да тут же, что-то про себя смекнув и как-то разом обмякнув, тихо и по-доброму сказала:

– Мы не меньше вас любили Максима. Почему же вы решили вспомнить о нем одни?

Майоры виновато переглянулись...

– Вот что, господа, – деловито подытожил Алексей, – мы с Галей пойдем накрывать стол, а вы идите за женами. Давайте и впрямь по-человечески посидим как в тот, последний раз...

* * *

Звук от гроыхнувшего в километре взрыва прокатился меж холмов по относительной равнине и затих.

– Сработало, – довольно кивнул Барклай и тут же озабоченно добавил: – Но идут ребятки с квадратными бородками определенно за нами. И это очень скверно.

– А не могло их там всех... взрывом положить?.. – полюбопытствовал пилот.

– Вряд ли. Боевики по горам ходят группами. Так безопаснее. А уничтожить группу одной «лимонкой» к сожалению невозможно.

– Жаль... Опять придется нестись, высунув язык.

– Ну, теперь-то они пойдут осторожнее, – усмехнулся спецназовец, – им же невдомек, что у нас имелась всего одна граната. Так что есть неплохой шанс оторваться.

Встав, он подхватил автомат, обернувшись, еще разок

окинул взглядом неширокую, затерявшуюся среди горных «айсбергов» равнину – местечко для короткого привала и наблюдения за возможной погоней они подыскали отличное. Если б не чертовы преследователи, обязательно на часок бы задержались – вытянули ноги, отдышались, расслабили ноющие мышцы...

Нехотя поднялся и летчик.

– Пора двигаться дальше, – объявил Всеволод и зашагал вверх по склону.

Он упорно выдерживал направление марш-броска на северо-восток. Изредка обходя ущелья или возвышенности, все одно подворачивал туда, где, по его мнению, Аргун нес свои холодные воды по соседству с асфальтовой лентой шоссе.

Лая собак за спиной они больше не слышали. Тишина безмерно радовала майора, однако подполковник вернул с небес на землю, пояснив:

– Настоящих служебных собак, натасканных на след, у приматов нет. Или почти нет... Но и «кавказцы», идущие по следу, как правило, не гавкают – возможно, срабатывает охотничий инстинкт или что-то другое...

Вместо ответа сзади послышался тяжелый вздох...

– Ты, Макс, запомни на будущее: доведется уходить от подобного преследования одному – старайся прежде уничтожить или подранить собак. Без них отыскать в горах человека чрезвычайно сложно. Ежели, конечно, человек этот не

дурак, и сам не следит где попало.

– Как же нам быть? – недоумевал вертолетчик, – сколько, по-твоему, осталось до шоссе?

– Километров двадцать. Засветло сегодня не успеть.

– Да, скоро стемнеет. Надо бы устроиться на ночлег, а если за нами тащатся чичи с собаками, то... сомнительно – вряд ли удастся вздремнуть.

– Посмотрим. Что-нибудь придумаем.

Собственно, выдумывать или выбрать было не из чего – в наличие оставалось два варианта дальнейших действий: либо без отдыха и привалов топать до шоссе, а далее до ближайшего блокпоста; либо, выбрав подходящее местечко, организовать засаду и встретиться с преследователями лицом к лицу. Только уничтожив собак, а, заодно перестреляв большую часть боевиков, можно рассчитывать на спокойный отдых. Да и то, удалившись потом на приличное расстояние от точки прямого столкновения.

– Мне по хрену, – тяжело дыша, прошептал изможденный Скопцов, – как решишь, так и сделаем. Башка уже ничего не соображает...

– Это от голода и усталости, – согласился Барк. – Потерпи, дружище. Скоро будем дома – в наших соседних гарнизонах.

Однако сам он был прекрасно осведомлен о немыслимой сложности первого варианта. Многократно блуждая со своими орлами в темное время суток по горам и лесам в поисках банд, он всегда использовал приборы ночного виде-

ния, в крайнем случае – ночные прицелы. Современная техника позволяла безошибочно выбирать наилучшую дорогу, перемещаться без вынужденных задержек, своевременно засекать противника... Тащиться же по наитию, на ощупь по складкам неизвестной местности – означало дать приличную фору тем, кто шел с собаками по пятам. Шел, возможно, имея в наличие те же приборы с прицелами...

И минут за двадцать до наступления сумерек, подполковник принял единственно верное решение.

Решение вызревало на протяжении последнего часа, пока вечернее солнце, частенько пробивавшееся сквозь серую облачность, позволяло двигаться с изрядной скоростью по лесистому протяженному взгорку. Но окончательно оно оформилось в желание устроить досаждавшим чичам кровавую взбучку, когда расступившийся лес открыл взорам исполинскую гору с крутым склоном, испещренным множеством горизонтальных уступов и площадок.

Подобравшись поближе к горе, Сева довольно хмыкнул: растительностью на скалистой породе даже не пахло – искать приемлемую позицию и маскироваться пришлось бы на тех же уступах, но и перед возвышенностью уберечься от пуль особенно было негде. Разве что в мелких складках подножия и за небольшими валунами. Кажется, этот вариант его устраивал.

О своих соображениях он вкратце поведал напарнику, за-

вершив изложение плана выводом:

– Шансов в перестрелке и у нас, и у «духов» будет поровну, но на нашей стороне внезапность – право первого прицельного залпа. Пока каждый из них добежит до подходящего укрытия, пока засечет нашу позицию на фоне темных скал – мы успеем покалечить собак и продырявить два-три человека.

На том и порешив, они приступили к восхождению – с трудом вскарабкались по склону до одного из уступов, метров на пятьдесят возвышавшимся над подножием.

– Вот здесь, Макс, мы и примем бой, – известил спутника Барклай. – Посмотри-ка, оглянись по сторонам...

– Неплохой видок, – оценил майор.

– Это у вас в авиации «видок», – залихватски хлопнул его по спине подполковник, – а у нас в пехоте – позиция!

– Ты поаккуратней, Сева! Если отсюда ковырнешься – кости собирать запаришься!.. – опасливо поглядел вниз молодой человек.

– Не понял!.. Высоты что ли боишься?! Ты ж пилот!

– Пилот я в кабине современного вертолета. А здесь – чокнутый скалолаз без страховки и снаряжения.

– Ладно, отдыхай, пока есть возможность. Дай-ка мне свой шпалер...

Измотанный Максим уселся подальше от края, привалился спиной к серому монолиту скалы и принялся наблюдать за действиями приятеля...

Устроившись на узкой скальной площадке, спецназовец внимательно осмотрел оба автомата, проверил плавность хода затворов, магазины... Затем очередь дошла до боеприпасов – вытряхнув на колени содержимое трех подсумков, разделил его поровну. На каждого вышло по пять полных рожков и еще по горсти патронов.

Странно, но даже в эти беспокойные минуты перед появлением неизвестного противника, хладнокровие Всеволода вселяло в душу спокойствие и уверенность в благополучном исходе задуманной дерзкой акции. Движения были неторопливы, выверены – ничего лишнего, как будто занимался он будничной, малозначимой работой; на лице хоть и обитала сосредоточенность, да создавалось впечатление будто вот-вот улыбнется, расскажет анекдот или веселенькую историю из своего богатого прошлого...

И в который раз вертолетчик поблагодарил бога за встречу в плену с этим невозмутимым и надежным человеком.

– Патроны береги. Очередями бей только вначале – по групповым целям; позже – когда рассыплются по равнинке, работай одиночными, – закончив возиться с оружием и боеприпасами, посоветовал спецназовец. И по-доброму улыбнувшись, добавил: – Понапрасну не высовывайся и почаще меняй позицию. Ползком меняй – на ноги не вставай. Держи...

Он передал летчику его оружие с подсумком; подхватил свой автомат и бодро поднялся с камней. Казалось, ожида-

ние предстоящего боя добавило подполковнику сил, улучшило настроение.

– Посиди, переведи дух и понаблюдай за опушкой леса, а я обследую склон, поищу лазейку, по которой мы незаметно в темноте смоемся с этих уступов.

– Надеюсь, ты не надолго? – обеспокоился молодой человек.

– Минут за пятнадцать-двадцать управлюсь. заметишь кого – свисни. Да я и сам буду посматривать...

Крепкая фигура скрылась за поворотом длинного неширокого уступа.

Пилот вновь прислонил спину к плоскости холодной скалы, положил автомат на колени и устремил взгляд на опушку лесочка, из которого они с Барклаем вышли часом раньше...

Способ двенадцатый

23-25 декабря

Утренний сон потревожил звонок в дверь. Осторожно встав, Скопцов накинул халат и направился в прихожую. На пороге стояли Лихачевы...

– Извините ребята, что побеспокоили в такое утро, – начал инженер, пытаясь улыбнуться, – но тут... срочно просили передать...

– Да что же вы стоите? – прошептал майор. – Проходите на кухню. Только не шумите – Сашенька еще спит.

– У вас все нормально? – осторожно поинтересовалась Анастасия.

– Более чем, – уверенно ответил хозяин, засыпая в турку кофе, – присаживайтесь. Что случилось?

– Макс, мы повстречали у штаба оперативного дежурного, – пояснил Лихачев, – он собирался отправить к тебе посыльного, да узнав, что идем мимо, попросил зайти, сообщить...

– Что-то срочное?

– Да. Готовится какой-то разведывательный полет. Хотят послать твой экипаж.

– Ясно. Спасибо за информацию.

Лихачевы молча смотрели как слегка помрачневший при-

атель колдует с маленькими чашечками, разливает ароматный напиток. Внезапно скрипнула дверь комнаты и в кухню вошла Александра. Улыбаясь, она расправляла на себе длинную футболку Скопцова.

– Привет! – поздоровалась девушка с родственниками и, обняв Максима, прижалась к его плечу щекой.

Молодой человек встрепенулся и уже в полный голос объявил:

– Что это мы с вами, товарищи, о делах?! У нас есть для вас более интересная новость!..

Супруги с любопытством взирали на довольную парочку.

– Сашенька вчера согласилась стать моей женой, – торжественно объявил он и нежно поцеловал ее в висок.

– Боже... Как мы рады за вас! – расцвела в счастливой улыбке Настя. – Какие же вы умницы!

– Поздравляю! – пожимал его руку Лихачев, – правильное решение.

– Теперь нам нужен совет. Как это все оформляется официально? Я, честно говоря, не в курсе, – признался майор.

– Вернешься со своего срочного задания, и обсудим этот вопрос, – предложила старшая сестра.

Саша удивленно посмотрела на будущего мужа:

– Ты разве уходишь?

– Увы, придется сейчас бежать в штаб – вызывают.

– Какие у нас планы на сегодняшний вечер? – проводив

гостей, поинтересовался молодой человек.

– Мне первый раз в жизни принесли завтрак в постель, – ответила девушка, снимая надетую на голое тело футболку, и снова забираясь под одеяло, – вот сейчас съем этот красивый бутерброд, выпью кофе, потом приму душ и буду ждать тебя.

– Предложить отобедать таким же способом не могу, – улыбнулся он, меняя халат на летний комбинезон. – Подготовка и вылет займут не менее четырех часов. Но к ужину в любом случае должен вернуться. Не в Чечню же, надеюсь, посылают...

– А что, могут вот так неожиданно опарить в Чечню?

– Ну... теоретически могут. Но обычно о подобных командировках предупреждают заранее.

Успокоившись, Александра кивнула и, лукаво посмотрев на Максима, прошептала:

– Тогда я не прочь дождаться ужина.

– Постараюсь не задерживаться, – заверил шутливым тоном Скопцов. А, собравшись и поцеловав ее на прощание, вдруг спросил: – Ты машину водить умеешь?

– Да. Недавно получила права.

– Вот ключи от моей «десятки», – выложил он связку на столик, – если захочешь проветриться, покататься по гарнизону – пользуйся. Она стоит во дворе, на том же месте. Только будь осторожнее – дорога местами скользкая.

Она еще долго стояла у окна, провожая взглядом удалявшуюся фигуру любимого человека. Терзавшая печаль скоро

улеглась, позабылась – кратковременная разлука не казалась катастрофой; огромное счастье, переполнявшее душу, вытеснило все временные неприятности, заставило улыбнуться. Она оделась, нашла тряпку и принялась наводить порядок в небольшой холостяцкой квартире, ставшей отныне и ее домом...

Меж тем, до последнего, рокового взлета вертолета-разведчика в сторону Черного моря оставалось чуть более одного часа...

* * *

Мысли его пребывали все еще далеко – в ставропольском гарнизоне, где осталась ждать Александра, когда от опушки реденького лесочка отделилось и стало быстро приближаться несколько точек. Бесцельно блуждавший по горизонту взгляд Максима случайно зацепился за эти точки и какое-то время бездумно их сопровождал... Потом, когда в предвечерних сумерках непонятные пятна обрели вполне различимые контуры людей, бегущих следом за огромными собаками, он разом очнулся, подался вперед, схватив правой ладонью цевье автомата...

Отрывистый свист известил спецназовца о появлении противника.

– Человек шесть-семь и три собаки, – всматриваясь вдаль,

доложил майор.

– Ты погляди, сколько тупого упрямства! – удивленно проронил вернувшийся на площадку Барклай. – Пару «духов» небось потеряли при взрыве, кого-то наверняка покалечило обвалом, и все равно прут по следам! Странно.

– Должно быть, обозлились на нас за визит в горное село. Или почуяли легкую добычу.

– Нет, тут что-то не то. Не замечал я раньше такого в чихах – обычно дашь разок по зубам, и сразу понимают, с кем имеют дело.

– Проход в скалах нашел? Уйти сможем? – спросил Макс, передергивая затвор и приспособив автомат меж камней.

Устраиваясь в десяти шагах правее, подполковник обмолвился:

– Имеется небольшая проблема – метров тридцать придется карабкаться по открытому склону. Без снаряжения быстро этот участок не проскочить.

– Будем ждать темноты?

– Верно мыслишь. Да и недолго осталось до ночи...

Группа боевиков приближалась. Вертолетчик уже спокойно посматривал на товарища в ожидании команды, а тот все медлил, подпуская бандитов ближе.

И вот, когда дистанция сократилась метров до ста двадцати, Всеволод негромко проговорил:

– Черт, среди них снайпер!.. У одного за спиной висит снайперка. Цель по собакам, а я постараюсь снять этого коз-

ла.

– Понял, – прошептал Макс, – поводя стволом автомата.

– Огонь!

Казалось, вся предгорная равнина потонула в грохоте стрельбы.

Первые же очереди срезали двух бегущих мужчин; жалобно заскулила и завертелась юлой одна из собак. Оставшиеся боевики рассыпались по открытой местности и открыли беспорядочный ответный огонь.

Скопцов старательно следовал наставлениям старшего товарища – сделав два-три прицельных одиночных выстрела, перекатывался на пару метров в сторону, осторожно выглядывал из-за края уступа и, подыскав подходящую цель, снова давил на спусковой крючок.

В десятке шагов короткими очередями работал Сева. При этом сдабривал свои выстрелы крепким матом:

– Мля, руки бы поотшибать твоему бывшему хозяину! Кладет, куда ни попадя, сука!

– Что там у тебя? – пригнув голову, спросил летчик.

– Автомат не пристрелян!.. Снайпера я положил, да что от того толку, если винтовка цела?! Никак не могу ее разбить!..

– Плюнь ты на нее!

– Рад бы плюнуть, Макс, да скоро сваливать нужно, – приговаривал тот, отбрасывая пустой магазин и вставляя в гнездо полный. – Всех боевиков не достать – попрятались за валуны и темновато уже! А со снайперкой они не дадут нам

забраться по склону! Даже ночью не дадут, понимаешь?

– Подскажи, где она – я попробую.

– Собаку подраненную видишь?

– Да. Возле двух трупов мечется...

– Винтовка около того, что к нам ближе.

– Вижу-вижу! Сейчас...

Переменив позицию, он высунулся и выпустил подряд три пули по лежащей возле убитого снайпера винтовке. После одного из выстрелов та слегка подпрыгнула и развернулась...

– Молоток, вроде попал, – оценил подполковник. – Через пару минут уходим!

Снизу, из опустившейся на подножие горы темноты, по-прежнему доносилась стрельба – пули впивались в скалы; сверху сыпались отбитые ими камни. Но вся эта канонада больше напоминала неистовое бешенство оставшихся в живых бандитов из-за своего бессилия перед отчаянной смелостью и тактической смекалкой двух беглецов.

Опустошив очередные магазины и перезарядив оружие, офицеры поползли по выступу вправо. Местами выступ сужался до полуметра, и оставалось лишь надеется на сгустившийся мрак да удачу.

– Добрались, – скоро прошептал Всеволод.

– Куда теперь? – боясь понять голову, вопрошал пилот.

– Вверх – другого пути у нас нет. Давай, лезь первым...

Скала не была вертикальной, однако угол ее наклона впечатлял. Вертолетчик вскочил на ноги, пристроил автомат на

спине, уцепил подсумок зубами и, нащупывая пальцами какие-то трещины с углублениями, медленно пополз вверх.

Спецназовец тем временем рассовал по карманам два оставшихся рожка, а пустой подсумок оставил на уступе. В последний раз оглянувшись на вспышки выстрелов, расправил на плече автоматный ремень и последовал за приятелем...

Сколь высоко предстоит забираться, Скопцов не ведал – темные скалы сливались с небесной чернотой, а рта, для того чтобы спросить у ползущего чуть ниже Севы, он открыть не мог – в зубах болтался тяжелый и ненавистный подсумок. Одно радовало: стрельба внизу вскоре стихла, пули перестали противно шелкать по скальной породе, отбивая и разбрызгивая мелкую крошку; вокруг наступила поразительная тишина...

– Потерпи... Немного осталось – метров десять-двенадцать, – прошептал подполковник, словно нутром ощущая его беспокойство. И озабоченно добавил: – Постарайся поаккуратнее шерудить ногами – не скидывай вниз камни. Возможно, они для того и перестали палить, чтобы по звукам определить, куда мы двинулись.

– Угу, – тихо промычал в ответ майор. И далее стал более тщательно обследовать те места, куда предстояло ставить тупоносые летные ботинки.

Наконец, руки его нащупали глубокую каменную плоскость. Еще не понимая: финиш ли это опасного восхождения

или только промежуточная площадка, он попытался поскорее на нее вскарабкаться, да оступился; повис, ухватившись за край...

По скале закувыркалось несколько крупных обломков. Один из них задел голову Барка. Камни стучались о крутой склон, крошились, увлекали за собой другие...

– Осторожнее!! Не торопись, – послышался шепот снизу. Ладонь подполковника нашла беспомощно скользивший по гладкому камню ботинок Макса, крепко уцепила его, подтолкнула вверх, – давай... Ну же... Выбирайся...

И он выбрался.

Разжав нывшие челюсти, уронил рядом с собой подсумок.

Трижды вдохнул полной грудью пьянящий холодной свежестью воздух.

Снял со спины автомат; лег на живот, протянул руку вниз...

Всеволод схватил ее, стал подниматься проворнее. И вот уж уперся локтями о ту же плоскость; голова его оказалась рядом с головой пилота – Макс разглядел в темноте лучезарную улыбку...

Вдруг что-то стукнуло между ними по камням.

Стукнуло так, что полетели мелкие осколки, шибанувшие тугой волной по голым запястьям.

Следом снизу донесся звук громкого выстрела.

Барклай дернулся всем телом, охнул...

Не осознавая происходящего, а скорее интуитивно майор

изо всех сил рванул его наверх. И уже вытащив, понял: напарник ранен – пуля угодила куда-то в спину.

– Снайпер, – прошептал враз обессиливший спецназовец, – это из снайперки лупанули... Навылет.

– Мы же ее разбили!.. Как же так?! Ты же видел – я в нее попал!! – испуганно выговаривал Скопцов, осторожно ощупывая Севу.

– Спрячься... Опусть голову. Говорю тебе: выстрел из снайперки...

Он снял с него теплую куртку. Камуфляжка на спине и правой стороне груди уже были липкими от обильно истекшей из раны крови.

– Сейчас... Сейчас, – повторял летчик, доставая из-за пояса друга кинжал, прихваченный в ауле у старого чеченца.

Сбросив летную куртку, он отодрал от нее подкладку и распустил острым лезвием на полосы. Затем, аккуратно перебинтовал мощный торс и сизнова одел теряющего кровь подполковника.

– Теперь пошли, Сева. Уходить отсюда надо, – попытался поднять его майор.

Но тот слабел с каждой минутой.

Тогда Максим взвалил Баркляя на спину, прихватил оба автомата и наугад, спотыкаясь в темноте, поплелся прочь от этого проклятого места...

Около часа Скопцов лежал на опушке хвойного леса, окутавшего плотным темно-зеленым покрывалом протяженную северную сторону горной гряды. Здесь, у пологого подножия лес редел и прерывался, постепенно сменяясь низкорослым кустарником и открывая взору удивительный вид на лежащую внизу долину, шириной около километра. За равниной начинался такой же хвойный лес, за лесом виднелись освещенный солнцем горы пониже той, что находилась за спиной...

Но не долина с ее красотами интересовала усталого, изможденного многодневным походом летчика. Да и настроение, увы, не способствовало пустому созерцанию. В низине – прямо перед ним, плавными изгибами петляла грунтовая дорога – первый, не считая горного селения, признак присутствия поблизости людей.

Памятуя о настоятельных советах Баркляя быть предельно осторожным, он не бросился к этой дороге, не пошел вдоль ее обочины. Он выбрал укромное неприметное местечко под раскидистым черным кустом и принялся терпеливо наблюдать...

Минут сорок назад по дороге с запада на восток промчался, поднимая белесый туман, серебристый внедорожник. В салоне находилось как минимум четверо пассажиров. Дру-

гих подробностей, а именно наличия у них оружия, майор рассмотреть не сумел – не позволяло расстояние. Проводив взглядом навороченный автомобиль, он с тоской посмотрел вдаль... Для того чтобы выдержать вычисленный Всеволодом курс марш-броска, во что бы то ни стало требовалось пересечь грунтовку, а заодно и эту чертову заснеженную равнину, словно сошедшую с холста неизвестного гениального художника. Долина тянулась в обе стороны вдоль дороги, и конца ей с выбранной позиции было не видно.

Погода окончательно наладилась – ветер стих, на небе с утра не появилось ни единого облака. Стало немного холоднее, но температура Скопцова не волновала – видать организм, не взирая на долгое отсутствие пищи, по привычке к морозу. До захода солнца оставалась прорва времени, а препятствие, неожиданно загородившее путь, не позволяло продуктивно завершить день. Проблема осложнялась и отсутствием вдоль рокады растительности. Пробежать открытую полосу до ее полотна, потом пересечь ровный как стол альпийский луг в надежде на то, что во время спринтерского забега слева или справа не появится очередной автомобиль... Данная затея обессиленному скитальцу представлялась почти невозможной. Минуты бесполезно уходили, а решение так и не вызревало...

Порой его мучили сомнения: а не оставить ли рискованное мероприятие, попросту дождавшись ночи? Но само наличие дороги с редким, но движением, наводило на догадку

о близости населенных пунктов, блокпостов, воинских подразделений, и заставляли рассудок снова просчитывать шансы на успех.

В какой-то момент в голову пришла, как показалось, неплохая идея.

– А что если пойти краем леса – незаметно, постоянно держа в поле зрения грунтовую насыпь? – радостно пробормотал он обветренными губами. Но ликование быстро сменилась разочарованием: – А в какую сторону идти?! На запад?.. На восток?.. Куда и откуда петляет эта дорога?

Поразмыслив и потерев ладонью обросшие бородой щеки, как это обычно делал Всеволод, Макс покачал головой:

– Нет, не годится! Я могу опять оказаться в каком-нибудь забытом богом ауле. А этот урок мы уже проходили.

Переменив позу – тело затекло и заоченело без движения, он вздохнул, вспомнив о приятеле и о событиях прошлой ночи...

– Знаешь... Я все время думаю об одной женщине, – слабым голосом напомнил о себе Барклай.

Голова его лежала на плече летчика; ноги лишь изредка сгибались в коленях и совершали подобие шагов, в остальное же время безжизненно волочились по камням. Сгорбившийся под тяжестью могучего тела, он упрямо тащил раненого друга вниз по пологому скалистому боку...

Несведущий в тактике наземных боев и никогда не хаживавший пешком по здешнему рельефу, он понимал: найденный ими проход в бесформенном и протяженном нагромождении исполинских глыб – далеко не единственный. Скальный отрог определенно где-то заканчивается, теряет свою неприступность. Его наверняка можно обойти слева или же справа – сделать изрядный крюк, потерять пару-тройку часов, но точно так же оказаться с противоположной стороны.

Потому-то, стиснув зубы и позабыв об усталости, покачиваясь и с трудом удерживая равновесие, Скопцов шел без остановок и отдыха, спеша оттащить Всеволода подальше от проклятого каменного утеса...

– И меня дома ждет замечательная девушка, – отвечал он прерывистым шепотом.

– Это здорово, когда ждут... Как зовут-то ее?..

– Александра.

– Хорошее имя. А мою знакомую звали Виктория.

– Почему звали? – мешая сбивавшееся дыхание со словами, спросил пилот, – с ней что-то случилось?

– Ничего, надеюсь, не случилось. Просто давно не виделись... Она даже не знает, где я...

– Как не знает?! Ты же рассказывал, будто живете вместе...

Барк закашлялся, в груди что-то заклокотало. Успокоившись и выровняв дыхание, признался:

– Выдавал мечты за реальность. Никогда мы с Викой вме-

сте не жили... Последний раз виделись осенью – ездил к ней... в маленький городок. Не захотела быть со мной – говорила о всякой... ерунде: о симпатии, уважении... Видать никогда не любила.

– Быть этого не может, – проворчал майор, решив все же несколько минут передохнуть. Сердце уж зашло в сумасшедшем ритме, в висках стучало, а зрение и слух притупились.

Разыскав в темноте ровное местечко, осторожно опустил товарища на снег, положил под голову подсумок. Скинув свою куртку, бережно укрыл его.

– Не может этого быть, – повторил он, упав рядом. – От таких мужиков как ты, уходят только сумасбродки... которые сами не знают, чего хотят.

– Она не такая. Это я где-то напортачил, ошибся... Что-то сделал не так.

– Ну, ничего, Сева – все поправимо. Вот найдем наших, вернемся домой... Оклемаешься в госпитале, встретишься со своей Викторией и разрешатся ваши недоразумения. Уверен, все у тебя сложится нормально!.. Кстати, Виктория – тоже отличное имя. Красивое, звучное, редкое.

Но тот отчего-то не отвечал. Похоже, тема себя исчерпала или продолжать ее он боле не хотел. Помолчав, вдруг снова закашлялся; изо рта хлынула кровь...

Повернув его голову набок, Макс вытер кровь обрывками подкладки; украдкой вздохнул – состояние Баркляя ухудша-

лось. И точно подтверждая мрачные опасения, спецназовец нащупал руку товарища, судорожно сжал и заговорил. Заговорил не шепотом, а своим обычным, ровным баритоном:

– Всех собак нам уничтожить не удалось. Поэтому идти придется быстро – счет идет на минуты.

– Сейчас, через пару минут встанем и двинемся...

Но тот не дал закончить фразу, еще крепче сжав ладонь.

– Не перебивай – сил уж почти не осталось... Патроны из моих карманов выгрести не забудь!.. Патроны на войне – первейшее дело. Поважнее хлеба... А теперь слушай и запоминай: отсюда до Шатоя, где стоит укрепленный блокпост и подразделение комендатуры, километров пятнадцать – не больше. Идти нужно строго на северо-восток. Перед райцентром по левому берегу Аргуна расположено несколько селений: Борзой, Рядухой, Вашиндарой... В них не заходи и от встречных людей хоронись. А лучше выйди на шоссе и тормози любую машину – припугни оружием и прикажи довести до наших...

– Сева, мы доберемся до Шатоя вместе. Ты только не сдавайся, потерпи немного, – попытался возразить Скопцов.

Да тот не слушал; потеряв ладонь вертолетчика слабыми пальцами, попросил:

– Ты дойди, Максим, слышишь?! Обязательно доберись до наших!.. Увидишь там генерала Ивлева – передай... дескать, группа погибла, но приказ мы выполнили. Дойди, чего бы тебе это ни стоило! Иначе все станет напрасным... Пони-

маешь?.. Столько загубленных жизнью и... все напрасно...

Спустя минуту рука его безжизненно повисла, kloкочущее дыхание стихло.

Не веруя в смерть друга, Макс еще несколько минут легонько тормозил его, окликал, пытался нащупать пульс...

Похоронить напарника он решил в небольшой ложбине. Перетащив поближе к ней бездыханное тело, вынул из карманов спецназовской куртки два полных рожка и горсть патронов. Уложив Всеволода на дно, пристроил рядом автомат. Сгреб к неровному краю огромный ворох веток, прошлогодней листвы и присел в последний раз рядышком...

Глянув на светлевшее небо, протяжно вздохнул – нужно было поторапливаться. И прежде чем засыпать «могилу», поднял и прижал к груди коротко остриженную голову Барклая...

Никогда в жизни ему не доводилось обнимать мужчин. Но тут не удержался, обнял...

«Всех собак нам уничтожить не удалось. Поэтому идти придется быстро – счет идет на минуты...» Именно эта фраза подполковника не давала покоя, она же в итоге и подтолкнула на исходе часового наблюдения за рокадой принять отчаянное решение.

Всеволод был прав: одну собаку майору удалось подранить в самом начале вчерашней перестрелки, вторую он вроде бы зацепил пулей чуть позже – во всяком случае, оба они

слышали ее жалобный визг. А вот третий «кавказец», которого проворный хозяин успел спрятать в складке за камнями, остался невредим. Стало быть, погоне по его следам обеспечено продолжение. А значит, надолго задерживаться на одном месте непозволительно.

Щелкнув автоматным затвором, он поднялся, намереваясь броситься к дороге. И внезапно вновь пригнулся – по проселку ехала легковая машина. Дабы остаться незамеченным, пилот распластался на снегу, провожая взглядом старенький «жигуленок».

«Стало быть, приблизительный интервал движения – один час», – сделал он вывод, покидая свое укрытие. Кусты остались позади, через сотню метров предстояло пересечь грунтовку...

– Быстрее! Быстрее!.. Вспомни, какие в детстве выдавал рывки по правому флангу футбольного поля – ни один взрослый не мог догнать! Ну, вот и дорога, нужно потерпеть совсем немного.

Воровато оглянувшись по сторонам, летчик спешно перемахнул дорожное полотно и пустился бегом по заснеженной равнине, отчего-то здесь – внизу, вдруг ставшей бесконечной.

– Один автомобиль за час. Всего один! Неужели не успею незаметно одолеть километровую равнину?!

Бросая взгляды назад, первые метров двести он преодолел сравнительно легко. Затем сугробы стали глубже – ноги

проваливались, увязали; появилась сильная одышка, в глазах потемнело.

Захотелось упасть прямо в снег, полежать без движения, восстановить дыхание.

Пришлось сбавить скорость – перейти на шаг; автоматный приклад волочился по сугробам...

Задыхаясь, он одолел еще метров триста...

В это время из-за восточного поворота, огибавшего все ту же злополучную скалистую гряду, совершенно некстати показался очередной автомобиль. Обессиливший стайер не оборачивался и не видел, как светло-серый УАЗ резво мчался по рокаде; как, проехав то место, где он перебегал грунтовку, резко остановился и сдал назад. Как из салона выскочило четверо вооруженных боевиков, следом на дорогу выпрыгнули две кавказские овчарки...

– Сколько осталось до леса?.. Метров четыреста... Триста пятьдесят... – отсчитывал вертолетчик расстояние до спасительного кустарника, за которым начинался кедрач.

Вдруг в воздухе раздался тонкий свист, а впереди почти одновременно взметнулись белые фонтанчики. Только после этого докатился звук автоматных очередей и отрывистый лай собак. Над темной полосой деревьев, к которой так спешил майор, испуганно захлопав крыльями, устремилась ввысь стая птиц...

Максим испуганно оглянулся. На дороге застыла серая машина с раскрытыми дверцами, а по равнине за ним бежа-

ли четверо мужчин, стреляя на ходу. Двое из них еле сдерживали рвавшихся вперед собак.

– Ах, черт!! – выругался он, пригибая голову, – откуда ж вы взялись, клопы диванные!? Теперь не уйти...

Сдернув с плеча «калаш», он полоснул длинной очередью по преследователям. Дерзкий ответ немного охладил пыл погони – все четверо остановились, присели и стали вести прицельный огонь с колена. У Скопцова слабой искоркой вспыхнула надежда: если не зацепит пульей – удастся достичь леса...

Меняя направление, подобно загнанному зверю, он делал несколько тяжелых шагов между падениями в снег; оборачивался и, не прицеливаясь, давил на курок, наугад выпуская короткую очередь в темневшие беспорядочной россыпью среди белого поля пятна ненавистных бандитов. Воздуха не хватало, перед глазами плыли круги, сил почти не оставалось, а спасительные кустарник с деревьями почти не приближались...

Скоро опустел первый рожок, за ним второй, третий... Выход пошел один из двух магазинов, взятых у Баркляя. Перезаряжая на последних метрах равнины автомат, недавний узник лагеря военнопленных снова отчетливо различил за спиной собачий лай. «Совсем дело плохо... – пронеслось в голове, когда позади остались первые кусты зарослей, – теперь и лес не спасет – эти мохнатые твари отыщут на счет раз!...»

И тут же на ум пришли слова Баркляя, словно предсказавшего прошлым вечером сегодняшние события: «Ты, Макс, запомни на будущее: доведется уходить от подобного преследования одному – старайся прежде уничтожить или подранить собак. Без них отыскать в горах человека чрезвычайно сложно. Ежели, конечно, человек этот не дурак, и сам не наследит где попало...»

– Спасибо, Сева! – бормотал майор, устраиваясь за удобным бугорком, – спасибо огромное за то, что ты был моей жизни!.. Теперь ты навсегда в ней останешься – никогда тебя не забуду! Сейчас... сейчас мы с этими волкодавами разберемся! А уж о своих следах я позабочусь. Вернее, об их отсутствии.

Летчик слегка раздвинул мешавшие ветви, вытер разгоряченное лицо мокрой ладонью; сделал несколько ровных вдохов и, хорошенько прицелившись в бежавшему к нему по сугробам пса светло-бежевой масти с рыжими подпалинами, плавно нажал на спуск...

– Вот так-то лучше!.. – прошептал он, когда собака, сделав очередной высокий прыжок, неуклюже упала на подвернувшиеся передние лапы, завалилась набок, да так осталась лежать неподвижно. Где-то вдали, в неистовой злобе рвалась с поводка еще одна, но черед той пока не пришел.

Преследователей оставалось трое – видимо четвертый тоже получил свою пулю. Макс удовлетворенно кивнул, сплюнул тягучую слюну, закинул в рот горсть чистого снега и, вы-

пустив для верности в боевиков пяток пуль, кинулся в чащу...

То ли из-за хвойных кедровых макушек, плотно смыкавшихся над головой и плохо пропускавших свет, то ли из-за позднего времени, показалось, что небо потемнело. Кустарник скоро закончился и теперь майор поспешно ковылял вверх по склону меж гладких древесных стволов, пока не взобрался на вершину.

Сейчас ему было безразлично, какие сюрпризы уготовила судьба впереди – сзади доносились выстрелы вперемешку с собачьим лаем, и спасение от погони становилось самой возжеленной мечтой.

Затяжной спуск с сопки близился к завершению.

Неожиданно сзади раздался частый топот, разбавленный хрустом сухих ветвей. Скопцов повернулся на звук и, шаркнувшись в сторону, без подготовки выстрелил в прыгнувшую на него огромную лохматую овчарку. Пуля прошла мимо, пес же, лязгнув клыками у самой щеки, сбил его с ног мощными передними лапами.

Майор распластался между двух деревьев, автомат отлетел в сторону...

До следующего прыжка разъяренного зверя оставалось мгновение, однако лежащему на спине человеку этого оказалось достаточно, чтобы выхватить трофейный кинжал. Лезвие угодило чуть ниже мощной груди снова бросившейся на

него собаки – в этот удар он вложил все: и страх, и всю накопившуюся ненависть. Псина уже не подавала признаков жизни, хотя и продолжала висеть, вцепившись в его левую руку, а он все бил и бил в ее бок длинным остро оточенным кинжалом.

– Получай, сука! Это тебе за Рябого! Это за Толика! За Севу! Получай, скотина!! Получай!..

Наконец, успокоившись, пилот сбросил с себя труп животного, поднялся на ноги, нашел автомат и, покачиваясь, неверной поступью направился дальше. Он продирался сквозь кусты, не обращая внимания на залитую собачьей кровью одежду; на собственную кровь, обильно стекавшую с искалеченного клыками левого запястья. Все утеряло остроту, кроме главного достижения: отныне отпала нужда опасаться стремительного преследования – овчарок у бандитов не было, а явных следов, способных привести к нему погоню, он, разумеется, не оставит. Уроки подобные тем, что преподавал Барклай, даром не прошли!..

Вскоре склон опять перешел в равнину, хвойный лес сменился полосой смешанного редколесья.

– Действительно смеркается, – бросив беглый взгляд на серое небо, прошептал авиатор. – Минут бы двадцать еще продержаться. Без собак в темноте им меня не отыскать. Правда об отдыхе этой ночью, скорее всего, придется забыть...

Сзади иногда гроыхали выстрелы. Но пальба велась

вслепую – видимость в хвойной чащобе ограничивалась тремя-четырьмя десятками метров, однако, когда буйная растительность прервалась, несколько пуль протяжно пропели в опасной близости.

– Ничего-ничего!.. Это агония, господа моджахеды, – приговаривал Макс, старательно обходя участки снега. – Главное сейчас не отвечать на стрельбу – не обозначать своего места и не облегчать вам задачу. До Шатоя осталось километров десять, а до шоссе и того меньше...

Немного подвернув вправо, он изменил направление и четверть часа, прихрамывая на разболевшуюся от бега и быстрой ходьбы правую ногу, перемещался строго на восток. Погоня же, судя по редким выстрелам, кажется, забирала левее.

Где-то высоко в небе протарахтел вертолет, словно подбадривая одинокого скитальца: цель трудного похода совсем близко – давай, дружище – поднажми!..

И он нажимал из последних сил, покуда равнина, поросшая кустарником и редкими деревцами, внезапно не закончилась – вниз уходил обрыв, а дальше... У него перехватило и без того сбившееся дыхание – внизу сквозь густые сумерки виднелась речная излучина...

– Стоп! Только не пороть горячку!.. – тормознул сам себя изгой и прежде чем начать очередной головоломный спуск, прислушался. Вокруг было тихо; даже горе-вояки, гнавшие его от самой рокады, перестали палить, видимо, прочесывая

то место, где терялся след наглого кафира.

Повесив на грудь автомат, и цепляясь за корни деревьев, он полез по склону. Рыхлый грунт предательски осыпался под ногами, непослушные руки скользили, теряя опору. С середины дистанции Скопцов попросту скатился в колючий прибрежный кустарник, пребольно тюкнувшись плечом о какую-то корягу. Но первым делом, ругаясь вполголоса на ниспосланные испытания, дополз по камням до воды и надолго припал к ледяному потоку, делая большие жадные глотки...

Времени и сил на поиски брода или более-менее подходящего местечка для переправы не было, и беглец без раздумий приступил к уже знакомым манипуляциям с одеждой – через пару минут предстояло войти в полноводную, быструю реку.

Эта река, показавшаяся немного той, что форсировали с Барклаем, вероятно, брала начало где-то восточнее, либо... была ее же продолжением. «Вполне возможно, что это тот же Аргун» – подумал летчик, поеживаясь от холода. Поднятые над головой руки крепко держали перехваченную автоматным ремнем скатку с одеждой и обувью, сделанную именно так, как учил Всеволод.

Тугой водный поток дошел до пояса, миновав же середину стремнины, он провалился по грудь...

– Господи, ну еще немного!.. – бормотал он, – еще чуть-

чуть...

Не помогло – стремнина подхватила обессиленного человека, понесла, швыряя меж гладких валунов и порогов... И теперь уж волей-неволей приходилось полагаться на судьбу.

Поднятой рукой он спасал от воды пока еще сухую одежду с оружием, другой пытался подгрести, лавируя между опасными препятствиями.

Вокруг в вечерней темноте мелькали каменистые берега, заросли; светло-серые, снежные островки...

Счет времени и расстоянию в этой борьбе за жизнь он скоро потерял; все тело трясло от холода. Слабую надежду вселяло лишь одно – горная река несла свои воды в нужном направлении – на северо-восток и отдаляла от тех мест, где остались трое преследователей.

Сознавая, что скоро потеряет сознание, и уже начиная отчаиваться, Максим вдруг узрел впереди и слева ствол вывороченного с корнями дерева. С трудом подгребая свободной рукой, он немного сместился в бурном потоке, налетел с размаху на лежащий ствол и намертво ухватился за торчащий сук...

Судьба в очередной раз, оказалась к нему благосклонной – скоро он в изнеможении выполз на противоположный берег. Не взирая на слабость, хорошенько обтерся наружной стороной летней куртки, оделся; покачиваясь на ватных ногах, отошел к прибрежным кустам и... рухнул, сраженный нечеловеческой усталостью и сном.

* * *

Дотошно осмотрев отпечатки летных ботинок, пересекавшие узкую илистую косу, плечистый грузин поднял бинокль и долго всматривался в противоположный берег бурлящей порогами речушки, в освещенную косыми лучами утреннего зимнего солнца редкую растительность...

– Там его следов нет, – зло процедил он и рывкнул чеченским проводникам: – За мной! Русский где-то там – ниже!..

Трое мужчин, вооруженные двумя автоматами и снайперской винтовкой, двинулись на восток – вниз по течению реки...

Шли долго и неторопливо. Грузин частенько приказывал остановиться; подносил к глазам бинокль, пристально изучая каждый куст и каждую подозрительную тень по ту сторону потока.

Наконец, он вскинул руку и просиял, что-то заметив неподалеку от поваленного дерева. Помощники покорно замерли, дожидаясь очередных распоряжений...

– Винтовку. Быстро, винтовку! – не оборачиваясь, прошипел коренастый лидер.

Один из чеченцев услужливо подал СВД. Тот схватил ее за цевье, покрутил головой...

Узрев огромный булыжник, метнулся к нему. Поудобнее

пристроив на поверхности камня левый локоть, припал правым глазом к окуляру оптического прицела...

Правая рука, осторожно передернула затвор. С замиранием сердца Леван рассматривал лежащего под кустами человека, и бубнил под нос единственную известную ему молитву.

Покончив с ней, улыбнулся...

Еще час назад выполнение приказа командования грузинских спецслужб представлялось мифической, несбыточной мечтой. Всего лишь час назад. И вдруг такая удача!..

О бегстве на угнанном самолете трех российских военнопленных спецслужбы узнали моментально – утром следующего дня. А спустя четыре часа на верхнюю площадку уселось два вертолета, и во владения Левана пожаловали очень большие люди, включая тучного очкастого генерала – одного из руководителей разведки. В короткой беседе ему было высказано в очень резкой форме многое, а в конце высокопоставленные гости недвусмысленно намекнули: если русский летчик доберется до своих, если в России узнают о сбитом над морем вертолете, о лагере военнопленных, о конопле – не ты, ни твои родственники жить не будут.

На целых четверо суток Леван забыл о сне, об отдыхе, о комфорте... Четверо суток утомительного, головоломного марафона. Одному богу известно, сколь много переживаний и унижений пережил он за этот срок! В день старта его отряд насчитывал двенадцать человек и четыре отличных собаки.

К сегодняшнему утру – все собаки мертвы, а из дюжины людей стало трое. И это, не считая ощутимых потерь в лагере, что пришлось понести в ту проклятую ночь побега.

Да... эти чертовы русские испортили ему много крови! Подобных оплеух Леван не получал, пожалуй, ни разу в жизни!..

И вот он, вождеденный миг удачи – лежащий на островке прошлогодней листвы человек, смерть которого устроит всех: и политиков, и генерала разведки и, конечно же, самого Левана! Вот он, результат многодневной погони – пилот сбитого русского вертолета! Спит себе крепким сном и не подозревает, что никогда не проснется!..

Перекрестье плавно переместилось от головы бывшего подопечного ниже – вдоль позвоночника. Нервно поблуждало по спине – в районе левой лопатки и вновь возвратилось к затылку.

Злорадно ухмыльнувшись, наскоро осенив себя крестом и что-то прошептав на грузинском, Леван мягко нажал на курок...

Способ последний

30-31 декабря

О том, что Барклай пропал без вести, она узнала случайно – из телефонного разговора с подругой-врачом, работавшей в медсанчасти гарнизона «Южный». Страшная новость ударила наотмашь, обожгла – в глазах потемнело, сотовый телефон выскользнул из дрожащих непослушных пальцев и, упав на асфальт, с сухим треском рассыпавшись на множество частей...

Двое суток Виктория пролежала в постели – не было ни сил, ни желания подниматься, что-либо делать. И опять родители, ни на шутку перепугавшись, кружились возле единственной дочери. И опять, роняя на подушку слезы, она каждую ночь вспоминала Всеволода: поминутно восстанавливала в памяти тот осенний день, когда он внезапно появился у калитки. Заново погружалась в нежные объятия его сильных рук; снова слышала долгожданные признания в любви и, ругая себя, представляла растерянного Барклая, стоящего у окна и выслушивающего необъяснимую глупость об уважении и симпатии...

Но гораздо ужасней были другие воспоминания. Сердце девушки разрывалось, когда вновь приходилось переживать ту кошмарную пустоту, в которой внезапно оказалась после

его ухода. Вначале она неподвижно стояла на том же месте. Потом не выдержала, бросилась к окну и зацепила взглядом лишь мелькнувшую в проеме калитки мужскую спину. С четверть часа металась по дому, с трудом сдерживая рвавшиеся наружу стоны, рыдание, истерику... В конце концов, побежала к машине и сломя голову понеслась к вокзалу – догнать, рассказать о неистовой к нему любви, вернуть дорогого и единственного человека...

Не вышло. Не успела.

Да и не знала: поездом, автобусом или на такси уехал Всеволод в свой гарнизон.

Не получилось, за что теперь и приходилось расплачиваться мучительным сожалением, болью, отдающей прямо в сердце. Ведь все могло сложиться иначе...

Она ненавидела эту формулировку: «Пропал без вести». Сколько уж их пропало – кануло в вечность, пока довелось поработать в гарнизон «Южный»!.. За три года чудо случилось однажды – разведка каким-то образом выяснила: пропавший спецназовец жив и томится в плену. Командование через посредников вышло на полевого командира; переговоры были долгие, трудные и, в конце концов, счастливица на кого-то обменяли.

Остальные до сих пор числились в том списке «подвешенных» между жизнью и смертью, хотя почти все обитатели гарнизона, не произнося вслух, понимали: этих людей нико-

гда уж больше не вернуть, не увидеть...

Немного оклемавшись после страшного известия, Виктория приехала к командиру бригады и узнала ужасные подробности гибели группы Барклая. Но даже после того обстоятельного разговора не хотелось верить в его смерть – нескольких тел на месте катастрофы вертолета обнаружить не удалось. Разум с холодным бесстрашием отвергал возможность чудесного совпадения, а сердце упрямо заставляло надеяться...

Она и верила, и не верила...

И тоска со щемящей болью тянула, звала к тем местам, где они когда-то бывали вместе. Она заходила в уютное кафе и садилась за тот самый столик, за которым неоднократно ужинали, болтали, улыбались друг другу; повторяла маршрут их вечерних прогулок – бродила теми же улочками; подходила к его дому и подолгу смотрела на темные, безжизненные окна в четвертом этаже... Трижды, не отдавая себе отчета, зачем-то ездила на железнодорожный вокзал в Минводы – просто стояла на перроне и встречала поезд из Грозного с зыбкой, отчаянной надеждой: а вдруг мелькнет знакомое, дорогое лицо?..

* * *

Утром тридцатого декабря Вика снова отправилась в

небольшой городок, приютивший на своей окраине гарнизон «Южный». Тоска по пропавшему Всеволоду привела ее в то же кафе с неброской надписью «Визит» на светло-бежевой вывеске...

Посетителей до обеда здесь и раньше бывало немного, а уж накануне всеми любимого праздника в зале с приглушенным ровным светом она насчитала двоих: в самом углу за чашечкой кофе читал газету старичок, а у барной стойки завис прыщавый юнец в мятых джинсах и длинном белом свитере навывпуск.

Девушка повесила на крючок короткую дубленку, подошла к знакомому столику, села, бездумно полистала меню...

– Вы уже выбрали что-нибудь? – заботливо поинтересовался официант, вынырнувший из полумрака.

– Бокал сухого вина, пожалуйста. Или нет – лучше два.

– Может быть, бутылку?

– Хорошо. Принесите бутылку и два бокала.

– Вы кого-то ждете?

– Мне просто нужно два бокала.

– Понятно, сделаем. Из закуски могу предложить салаты, горячие блюда...

– Нет, спасибо. Только вино. Хотя... захватите кусочек хлеба.

– Одну минутку... – поклонился он и исчез.

Заказ был исполнен расторопно; молодой человек откупорил бутылку, аккуратно наполнил оба фужера...

– Если вам что-то понадобится – я за стойкой, – известил он удаляясь.

Заняв же свое место напротив прыщавого паренька в свитере, кивнул на симпатичную шатенку и, хитро подмигнув, поделился впечатлением:

– Не первый раз ее вижу. Знойная стервочка...

Приятель оглянулся, с интересом осмотрел привлекательную особу в короткой юбке и полусапожках на высоком каблуке. Оценив же стройность ножек и соблазнительность форм, проскрипел:

– Ничего бабенка. На разок бы сгодилась.

– Видать у мадам неприятности – целую бутылку собралась вылакать в одиночку...

Не замечая пристального к себе внимания, Вика положила хлеб на бокал Баркляя, подняла свой и, вздохнув, прошептала:

– Я знаю: ты никогда не вернешься. Такие всегда доводят дела до конца, до логического завершения и... не возвращаются. И все же я хочу выпить за тебя, Всеволод!

Вкусив терпкий, приятный вкус красного вина, она вновь наполнила бокал; помолчала, разглядывая рубиновые блики на столе...

– Упокой твою душу, Господи. Где бы ты сейчас ни находился, пусть тебе будет хорошо!.. – произнесла девушка прежде, чем осушить вторую порцию.

Парни продолжали без утайки наблюдать за одинокой

незнакомкой.

– Займись – времени у тебя навалом, – посоветовал гарсон, поочередно натирая полотенцем стоявшие длинным рядом сауэры.

– Легко! – допивая дешевое пиво, оскалился прыщавый. – Не даст, так винцом угостит! Пиво уж надоело...

– Верно мыслишь, – усмехаясь, согласился тот.

Наполненный и предназначенный для любимого мужчины бокал так и стоял нетронутым. Стоял именно там, где он обычно садился. Взор ее затуманился то ли от слез, то ли от выпитого вина, но рука сызнова потянулась к бутылке...

Внезапно рядом возникла фигура официанта:

– Позвольте за вами поухаживать.

А пока он наполнял фужер, кто-то бесцеремонно уселся на место Всеволода...

– Что это значит?! Здесь занято! – возмутилась Виктория – напротив маячила довольная физиономия прыщавого мальчишки.

– Вы его не бойтесь, он у нас безобидный, – успокоил служащий кафе, незаметно поставив на стол третью емкость. – Еще что-нибудь желаете?

– Я хочу, чтобы он освободил это место! – стараясь казаться трезвой, отчеканила она.

– Пересядь, – распорядился молодой человек.

– А тут разрешается? – съязвил юнец, перемещая костлявую задницу на стул, стоящий рядом с девушкой.

С молчаливым отвращением Вика разглядывала непоседливого нахала и не спешила с ответом...

«А почему бы, не попробовать излечиться от воспоминаний более радикальным способом? – внезапно подумала она. – Всеволод меня держит, не отпускает. Сколько уж не нахожу себе места? Так недолго сойти с ума. А что если сотворить нечто ужасное, нестерпимо гадкое, мерзкое?.. Такое, после чего неотступно преследующий образ Баркляя непременно возненавидит, забудет, исчезнет, навсегда отпустив на волю. Вот взять и позволить этому самодовольному ублюдку исполнить все похотливые желания, нарисованные на пакостной прыщавой роже! О возвращении хотя бы на одну ночь к бывшему мужу я уж думала, но его кандидатура не годится – все ж, когда-то любила... – мучительно искала она выход из безнадежного тупика. – А вот этот уродец, пожалуй, устроил бы!.. Вполне подходящий тип – хуже не сыскать во всем городке!..»

Худая тщедушная ладонь с обгрызенными ногтями на пальцах потянулась ко второму, наполненному вином бокалу.

– Не тронь! – повысила голос шатенка и пододвинула к нему бутылку с остатками вина.

Прыщавый плеснул из нее в пустой фужер и скрипучим голосом представился:

– Геннадий. А тебя как предки нарекли?

– Геннадий... – повторила она и усмехнулась фамилляр-

ности. – Гена, значит?.. Я тебя буду звать Крокодилом. Не возражаешь?

– Мне пофиг, зови, как хочешь, – оскалил тот в широкой улыбке неровные зубы. – Давай, за знакомство.

Виктория уже пила через силу; мальчишка же запросто влил вино в большой, как у птенца рот, и с той же беспечно-стью опустил ладонь на запястье соседки. Не услышав протеста, мгновенно осмелел – погладив руку, коснулся плеча, волос...

Она закрыла газа, опустила голову, с брезгливой дрожью вынося отвратительные прикосновения. Потом ладонь прыщавого убралась, исчезла. И вдруг появилась под столом, мягко опустившись на ее коленку...

«Ну вот, не долго пришлось ждать. Надеюсь, Всеволод это видит. Или чувствует мою измену, – обреченно подумала молодая женщина. – Давай, Крокодил – действуй. В другой раз давно получил бы бутылкой по убогой мордашке. А сегодня все можно. И даже нужно. Давай же, не стесняйся!..»

И тот не стеснялся. Напротив – не встречая сопротивления, наглед с каждой минутой – рука уж не робко покоилась на гладком бедре, а сновала челноком, с каждым движением забираясь выше под юбку...

– Закажи мне водки, – тихо попросила она.

– А ты заплатишь?

– О, господи!.. Не волнуйся, мальчик.

– Может, лучше коньячку? – воодушевился тот.

– Все равно... – пожала плечами Вика.

– Что у нас с коньяком, Артем? – обернувшись, на весь зал крикнул юнец.

– Очень большой выбор, – выростая перед столиком, заученно отвечал официант. – Но из настоящих – армянский «Отборный», «Дагестанский», кизлярского разлива. Могу предложить и французский.

– Мне все равно... – монотонно повторила она, не замечая едких улыбок парней.

– Тогда это, Артем... принеси грамм по сто пятьдесят французского и это... чем там его закусывают?

– Лимон, шоколад, кофе... – начал перечислять вышколенный молодец, завистливо кося на левую руку знаконца, обосновавшуюся на ровной женской ножке.

Прыщавый отмахнулся, подвинул свой стул вплотную к девице. Усевшись поудобнее, закурил, сделал несколько жадных затяжек, поднес к ее лицу обмусоленный фильтр. Она обхватила его губами, затянулась, закашлялась...

В зале погасло центральное освещение – вокруг стало еще сумрачнее. Пенсионер в углу недовольно зашелестел газетой, и вездесущий Артем поспешил включить небольшую лампу на стене – над столом престарелого посетителя, так некстати засидевшегося в кафе и мешавшего заняться податливой женщиной. Затем наполнял ароматным коньяком тумблеры; гремел какой-то посудой; мелькал то тут, то там...

– А ты это... кого поминаешь-то? – кивнул юноша на пол-

ный вина бокал, покрытый кусочком хлеба.

– Это тебя не касается. И ты к этому не прикасайся, – отвечала она и, переигрывая в своем старании казаться беззаботной, кокетливо щелкнула ноготком по изрядно оттопырившейся складке на его штанах. – Ты делай свое дело, мальчик, и не задавай вопросов...

Прыщавый нетерпеливо докурил сигарету с испачканным помадой фильтром, бросил окурок в пепельницу и решительно вернулся к прежнему занятию – принялся страстно изучать коленки и бедра удивительно сговорчивой соседки.

Глотнув крепкого алкоголя, она прикрыла глаза, постаралась забыться и не думать о происходящем. Но внезапно показалось, будто телом ее занят не только юнец в белом свитере – руки того обосновались на гладком капроне, и в то же время кто-то копошился у ворота кофточка – ловко растягивал верхние пуговицы...

Вика в ужасе открыла глаза: по другую сторону от Крокодила над ней нависал официант. От возмущения захватило дух, да едва набравши воздуха для крика, она лишь невразумительно замычала – наклонившись, Артем упредил – припал к ее губам, заодно прорвавшись ладонью к лифчику – под растянутый ворот.

«Пусть! Пусть Всеволод видит и это!» – передумав противиться, решила она и решительно обвила рукою шею официанта.

И вдруг, словно из другого, загробного мира – в ответ на

это решение, послышался старческий голос:

– Вы хоть бы людей постеснялись. Развелось в городе проституток!..

Парни разом отпрянули от девицы.

Она поднялась; с трудом удерживая равновесие, достала из сумочки крупную купюру, бросила на стол; не оправляя одежды, мимоходом сняла с крючка дубленку и неверной походкой направилась к выходу...

– Я те щас башку оторву, старая козлятина!.. – взбесился Прыщавый.

Ухватившись за дверную ручку, Виктория обернулась:

– Крокодил, оставь человека в покое! Я жду тебя в машине...

Бордовая «десятка» отъехала от кафе на пару кварталов, прежде чем сидящая за рулем женщина произнесла с глухим безразличием:

– Можем остановиться, и ты трахнешь меня прямо здесь...

– Не, тут народ тусуется – опять найдется какой-нить урод. И не удобно в машине – тесно, – учуяв ее согласие на все, закапризничал мальчишка. Потом, покосившись на штаны, проворчал: – Да и не готов я – этот козел весь «аппетит» перебил!..

С тем же отрешенным безразличием она потянулась правой рукой к его джинсам, расстегнула молнию, скользну-

ла узкой ладонью в ширинку... Мальчишка закатил глаза к светлому потолку салона, но, скоро спохватившись, испуганно напомнил:

– Знаешь, в твоём состоянии лучше рулить двумя руками. Я знаю одно место – тут недалеко. Езжай прямо. Мы там с пацанами травку покуриваем. Кстати, не хочешь попробовать?

Вика кивнула – ей действительно было все равно. Автомобиль поехал дальше по неширокой улице...

– Вот здесь сворачивай влево.

«Десятка» юркнула в темную арку, оказалась в захламленном, заброшенном дворике; двигатель смолк...

– Куда теперь?..

– В третий подъезд. Дом готовят к сносу, жильцов давно отселили. Там и трахнемся – никто не помешает. Пошли!..

Войдя в подъезд ветхого шестиэтажного дома, странная парочка – молодая женщина лет двадцати семи и восемнадцатилетний мальчишка, медленно поднималась по полуразрушенным ступеням грязной лестницы. «Аппетит» сызнова выиграл – поддерживая качавшуюся спутницу, Крокодил с нетерпеливой проворностью довершал начатое в кафе официантом: расстегивал пуговицы кофты, справлялся с застежкой дорогого черного лифчика... А, остановившись на четвертом этаже – изрядная порция алкоголя взбеленила дыхание – резко задрал ее юбку и, присев на корточки, одним движением стянул черные кружевные трусики.

И на это ответом последовало безмолвное равнодушие...

Желая поскорее покончить с мерзкой затеей, она послушно развернулась лицом к хлипким перилам, нагнулась. Однако прыщавый партнер отчего-то не спешил: несколько томительных минут женщина ощущала только его ладонь, без усталости елозившую между ног. Вдоволь же насладившись податливым телом, он потянул ее дальше – к верхним этажам...

Закончив утомительное восхождение и толкнув дверь с выломанным замком, шлепнул по аппетитной попке:

– Заходи. И будь как дома.

Длинный коридор покинутой жильцами квартиры встретил тем же хламом и мусором. Вдобавок в квартире витал странный запах: смесь незнакомого аромата с затхлой кисловатой плесенью... Они вошли в просторную залу с единственным предметом мебели – сколоченным из грубых досок широким, почти двухспальный топчаном и с брошенными вдоль громоздкого сооружения двумя тощими старыми матрацами. Напротив – под грязным длинным окном, на корточках сидели и по очереди смолили общий бычок трое парней...

– Здорово, Генарик! – оскалился в улыбке один из них. – Торкнуться зашел?..

– И торкнуться, и подружку вот эту трахнуть. Целый час упрашивает, чтоб я ей своего дурака вогнал!.. – покачал тот в воздухе снятыми с девицы трусиками и для убедительности бесцеремонно задрал ее юбку: – Во! Видали?..

– Ты обещал: тут никого не будет, – тихо произнесла Виктория. В голосе не было ни возмущения, ни разочарования, ни удивления...

– А чо, они тебе мешают?! – усмехнулся Крокодил, подталкивая ее к топчану. – Падай вон на матрацы. Ща курнем и трахнемся...

Сам же подошел к сверстникам, принял от одного из них крошечный бумажный пакетик и начал мастерить сигарету. Сменив табак на зелье, щелкнул зажигалкой, сладко затянулся дурманящим дымком, передал сигарету следующему...

Все четверо жадно уставились на незнакомку, присевшую на деревянный лежак прямо перед ними.

Она была чертовски соблазнительна: стройная; с правильными чертами лица; с недлинными, но красиво уложенными волосами; с гладкой глянцевой кожей. И даже замутненный взор серых глаз, нетрезвые жесты с неловкой походкой – не отторгали, не портили ее внешности.

Девушка даже не удосужилась запахнуть полы кофточки и расправить юбку – то ли была профессиональной шлюхой, то ли...

Впрочем, пацанов это не интересовало. Они бесцеремонно пялились на сползший вниз расстегнутый лифчик, на красивую грудь с набухшими от холода сосками. На ровные, обтянутые черными чулками ножки; на белевшие за широкими резинками чулок полоски голой кожи... А уж слегка раздвинутые бедра вкупе с отсутствием нижнего белья и вовсе

дозволяли лицезреть то, отчего кровушка враз куда-то отливала от молодых бесшабашных голов...

Получив окурок обратно, Крокодил направился к случайной подружке:

– Держи.

– Что здесь? Конопля?.. – безучастно спросила она, принимая тлевший бычок.

– Х-хе... – присаживаясь рядом, опять показал тот желтые зубы. – Кому конопля, кому каннабис, кому укропчик... Не бойсь, дерьма не держим – из Грузии убойный товар поставляют. Горло не дерет и по вкусу – не сено. Ганжа – что надо!

Обычные сигареты Вика курила давно – со студенческой поры, а вот действие наркотика вкусила впервые. Дурман ложился на выпитый алкоголь, и после первых же затяжек легкая вуаль приятной слабости сковала мышцы; и без того размытое алкогольным туманом зрение, перестало различать даже лица сидевших в трех шагах мальчишек...

Тем временем Прыщавый по-хозяйски, словно возмужавший не предвиделось и в помине, снимал с нее оставшуюся одежду. Побросав на матрасы кофту с лифчиком и шаловливо оглядываясь на друзей, потискал упругую грудь... Двое приятелей беззвучно хихикали, третий громко ржал. Ни на миг не задумываясь о причинах покладистости – это были недоступные для его ума материи, заставил ее откинуться на топчан. Та покорно легла на спину и докуривала сигарету, пока узкая юбка медленно сползала по бедрам. Раздевая

женщину, юнец отпускал пошлости, корчил рожи. Дружки гоготали над «представлением» и пожирали глазами открывавшуюся наготу...

Но даже подобное поведение четверых подонков не разбудило сознание Виктории, не всколыхнуло притупленный алкоголем и травкой стыд, не заставило воспротивиться, переменить пришедшее в кафе решение – Всеволод не отпускал ни на минуту.

Издевательской пытки она не выдержала, когда Прыщавый зашел слишком далеко – покончив с юбкой, попытался продемонстрировать «зрителям» самые интимные детали ее тела.

Отпихнув его, Вика устало сказала:

– Хватит, Крокодил паясничать – трахни меня и довольно. Нет больше сил, тебя терпеть. Да и пора мне отсюда убраться.

– Ладно, щас, – оскалился тот и подмигнул парням: – Щас еще по одной курнем, и я так и быть – засажу тебе по самые жабры.

Вновь у окна зашуршал мизерный пакетик...

Устраивать порно-шоу – отдаваться на топчане, прямо перед троицей недорослей, все же не хотелось. Она поднялась; в одних чулках и полусапожках сделала несколько неверных шагов к большому мутному окну, дабы упереться руками в край грязно-серого подоконника. Но голова вдруг закружилась, все вокруг поплыло... Рядом вмиг оказались дружки

Крокодила – помогли неровно простучать каблуками в обратном направлении и снова упасть на матрацы.

Пока Прыщавый ухмыляясь, деловито набивал сигарету, прикуривал и скидывал джинсы, приятели расположились вокруг обнаженной женщины. Несколько минут она не замечала любопытных созерцателей; потом, понемногу придя в себя, равнодушно взирала в почерневший потолок и терпела прикосновения, покуда чья-то осмелевшая рука не добралась до лобка. Отвесив ей звонкий шлепок, Виктория позвала:

– Крокодил, сколько же можно ждать?!

Наконец, он сподобился, подошел; подхватил под коленки ее ноги...

– Ну, вот и «славно»!.. Гаже уж некуда, – беззвучно говорила она, ритмично покачиваясь на неудобном ложе. И, смирившись с настырными повесами, теребившими соски колыхавшейся груди; ползавшими ладонями по всему ее телу, она лишь морщилась от застарелой пыли и, подгоняя время, твердила, точно молитву: – Теперь ты обязан забыть меня. Навсегда вычеркнуть из своей памяти. Навсегда...

Еще немножко... и можно будет покончить с гнусным занятием, одеться, спуститься к машине; убравшись подальше от этого дома, привести себя в порядок – выпить где-нибудь крепкого кофе и уехать домой. Дома она прямиком направится в ванную, подольше постоит под горячим душем – отмоется от всей этой грязи... И больше уж никогда не появит-

ся в маленьком убогом городке. И непременно забудет весь этот кошмар, сотрет его без остатка из анналов своей памяти...

Не прерывая сладостного действия, Прыщавый подал вернувшуюся от дружков сигарету. Вика отказалась – рассудку и так уж хватало туману, да все четверо проявили необъяснимую настойчивость – чуть не насильно заставили затягиваться...

Сигарета показалась крепче первой, аромат другим. Горло будто царапало дымом – она закашлялась; конечности быстро становились ватными. Докурить не смогла – окурочек выпал из побледневших губ; сознание окончательно подернулось густой пеленой. Все куда-то поплыло и перестало восприниматься реальностью.

Испутив протяжный стон, Крокодил обмяк, отошел... и тут же ее ножки подхватил кто-то другой – освободившееся место попытался занять следующий. Скинув с себя мальчишеские ладони и, с трудом поднявшись, Виктория оттолкнула похотливого наглеца; неуверенно встала, попыталась сориентироваться и вспомнить, где одежда. Но, почувствовав подступившую тошноту, на миг закрыла глаза; по телу прокатилась холодная волна, на лбу выступила испарина... Теряя равновесие, она покачнулась...

А четверо парней, точно того и ждали – вновь бросили на твердый лежак, жадно облепили со всех сторон...

Остатки сознания лишь на короткий миг охватил пани-

ческий страх, но больше не оставалось ни сил, ни желания сопротивляться. Она слышала где-то вдали противные голоса, омерзительный смех, возню, шаги; чувствовала чьи-то сильные пальцы, снимающие с нее золотые украшения: кольца, серьги, цепочку. Казалось, что десятки рук одновременно ощупывают ее плоть...

– Смотри же! Хорошенько смотри! Полюбуйся на ту, которую любил!.. – машинально шептали губы. – Видишь, какая я дрянь?! Доступная кому угодно шлюха! Прокляни меня, Всеволод!! Прокляни, забудь и отпусти!.. Дай, наконец, свободы!..

– Чо она там, мля, бормочет? – доносился чужой голос.

– Хрен ее разберет! Пусть бормочет, нам какое дело?.. – отвечал ему другой, столь же незнакомый мальчишеский алыт.

– С головой, по-моему, телка не дружит.

– Зачем тебе голова?! Мне лично больше нравится вот эта штучка! Глянь сюда...

– Ногами к окну разверните – к свету!

Ее снова подхватили и как будто долгое время куда-то несли, волокли, переворачивали...

– Подтаскивай ближе. Клади задницей на самый край!..

– Отлично!

– Раздвигайте... Шире-шире – не стесняйтесь! Вот так и держите...

– Класс!

– Офигенный видок!

– Дай-ка ей колес. Чтоб до утра не очухалась.

Кто-то заставил приоткрыть расслабленные губки, пропихнул в рот какие-то таблетки.

– Глотай! – услышала она, – сейчас полегче станет.

Вика попыталась отвернуть голову вбок и выплюнуть непонятное снадобье.

– Глотай, я сказал, сука!! – сдавил кто-то щеки.

Пришлось сделать усилие – послушно проглотить две или три таблетки...

Потом голосов стало больше.

– Привет, Евгений! Проститутку что ль сняли?

– Не-е... с Генариком приперлась. Сама умоляла, чтоб оттрахали.

– Клеевая киска. Пьяная, что ль?..

– Обкурилась чуток и колес дали. Щас первый торчок пройдет, поживее будет...

И ей действительно становилось лучше – приступы тошноты так же неожиданно прекратились, как и начались; лоб уж не покрывался холодным потом; губы порозовели. Однако улучшение было чудным и необычным: равнодушие сменилось интересом; творившееся с ней вдруг представилось чем-то увлекательным и совсем не мерзким, не отвратительным...

«Он отпускает меня! Барклай меня отпускает!! – осенила счастливая догадка. – Или так восхитительно действует гру-

зинская травка?.. И пусть действует – какая разница?! Разве это не выход?! Ведь я чувствую себя легко и абсолютно свободно!!!»

И со сладостной улыбкой на устах, Виктория окончательно утратила над собой контроль. Невесть откуда появились силы, веселость, азарт, возбуждение; на короткое время вернулась острота зрения.

Приподняв голову, она обнаружила себя лежащей поперек матрасов в неудобной и предельно откровенной позе; успела рассмотреть лица мальчишек, плотным рядом сидевших на корточках у топчана – кажется, их стало пятеро или шестеро... Двое крайних, разведя и согнув ее ноги в коленях, крепко держали голени с торчащими кверху тонкими каблуками полусапожек, остальные безбоязненно и по-своему исследовали бедра, лобок, ягодицы...

– Клеевая стрижка. Ровненькая!

– Под этого... как его?.. Под вождя революции! Ха-ха-а!..

– Не, тот на портретах почти лысый...

– Так и здесь волос не много – только сверху!..

– Х-хе...

Увиденное не взволновало, не вызвало истерику, протест, а напротив – позабавило и еще сильнее возбудило. Вырвавшись из цепких рук, она проворно скинула надоевшую узкую обувь, разбросала по комнате чулки и... позабыв о Барклае и обо всем на свете, отдалась разнузданной похоти...

Одурманенная и заливавшаяся беспричинным смехом

Вика стягивала с юнцов брюки, футболки, трусы... Искушенные в действии наркоты, они уж поджидали перемены в поведении и, подобно матерым хищникам, с вальяжной неторопливостью упивались агонией жертвы.

И верно, к чему было утруждаться, спешить? Девушка уж сама, без помощников задирала и широко раскидывала ножки; сама придвигалась поближе к мальчишкам, бесстыдно предлагая свою наготу; сама страстно целовала их, прижимала к себе; сама помогала проникать в самые сокровенные местечки податливого, словно разогретый парафин тела. Безропотно подчиняясь воле каждого желающего получше разглядеть, потрогать, побывать в ней – крутилась, переворачивалась, изгибалась, точно резиновая кукла, принимая самые немыслимые позы и старательно подставляя ему свои прелести; испытывая при этом иступленное наслаждение от порой грубоватых, болезненных, но неведомых ранее ощущений. Обнимала каждого, кто наваливался сверху. Или же, торопясь угодить очередному партнеру, с готовностью устраивала колени на краю топчана, красиво изгибала спинку, извивалась, норовя попадать в такт тугим толчкам внизу живота и, с удовольствием вдыхала внезапно ставшие приятными застарелые запахи матрасов: пыли, плесени, мочи...

Она не ведала, который час; сколько юных парней и мужчин побывало в квартире брошенного дома – день за окном сменился вечером, вечер ночью. Лишь под утро в темной зале никого не осталось, и опустошенная, разбитая нече-

ловеческой усталостью Виктория забылась крепким сном...

* * *

Вылетев за пределы городка, и оставив позади Боргустанский хребет, бордовая «десятка» резво пронеслась по асфальтовой дороге несколько километров. Далеко впереди замаячил синий указатель; за ним дорога пересекала широкую трассу, и шла к соседнему гарнизону. За поворотом виднелась автобусная остановка и чья-то одинокая фигурка – должно быть, опоздавшего к рейсовому автобусу пассажира...

Не сбавляя скорости, машина лихо повернула на перекрестке влево; скромное строение остановки быстро осталось позади. Но внезапно «десятка» резко тормознула, остановилась; на корме зажглись белые фонари заднего хода. Коробка передач натужно взвывала; автомобиль вернулся назад – к растерянной девушке...

Стекло правой дверцы наполовину опустилось. Сидевшая за рулем молоденькая женщина кивнула:

– Садитесь.

Та нерешительно подошла, чуть наклонилась.

– Но мне не близко – до Минеральных Вод, – попыталась объяснить она заминку.

– Садитесь-садитесь. Доедем. Мне туда же...

И снова навстречу летело темное асфальтовое полотно, плавно подворачивая вместе с руслом Подкумка на северо-восток. Слева проплывали высокие холмы, справа серебрилась незамерзающая, быстрая горная река.

– Вам куда в Минводах? – дабы нарушить тягостную тишину в салоне, любопытствовала владелица авто.

– На железнодорожный вокзал.

– Кого-то встречаете?

– Да... Поезд скоро подойдет – «Грозный-Армавир». Мне нужно успеть к его прибытию, – пояснила пассажирка; с минуту напряженно помолчала, потом, видно, на что-то решившись, добавила: – Я встречаю любимого человека. Каждые два дня езжу и встречаю...

Однако, встретив изумленный взгляд случайной собеседницы, запнулась.

– Он не вернулся? – тихо спросила та.

– Пропал без вести.

Неприятный холодок волной пробежал по телу женщины от этих проклятых слов...

– Его вертолет упал. Ровно три недели назад... – не подмечая бледности соседки, продолжала пассажирка, – но я верю, что он жив, и мы обязательно увидимся.

От сих признаний, от неожиданности совпадения у привлекательной молодой женщины перехватило дыхание. «Неужели так бывает?! – изумилась она. – Надо же! И мой любимый мужчина не вернулся с задания – тоже сбили вер-

толет. И я точно так же ездила на вокзал – встречать его. Напрасно ездила – так и не дождалась... Может быть, ей повезет больше? Встретит. Дождется. Внезапно обретет свое счастье?..»

– Сегодня – в канун Нового года, я обязательно его увижу!.. – упрямо повторила девушка и прошептала как заклинание: – Обязательно увижу!

В другой ситуации подобная уверенность наверняка бы вызвала улыбку, но сидевшей за рулем было не до смеха.

– Я завидую вашей вере, – глухо сказала она. – По-хорошему завидую. Дай Бог вам дождаться своего суженого.

– А как же не верить, если любишь? По-другому и быть не может, – твердо отвечала та, будто речь шла о неизбежности рассвета, каждое утро сменявшего ночную тьму. – Я жду его, храню верность. И он не может не чувствовать этого. Он обязан вернуться!

Женщина промолчала. Только бледность красивого лица и с силой сжимавшие руль ладони, выдавали не покидавшее волнение. Или отчаяние. Должно быть, точка зрения, убежденность и поступки попутчицы произвели сильнейшее впечатление, заставили оглянуться назад – в день вчерашний, переосмыслить какие-то взгляды...

Река скрылась из виду, и «десятка» мчалась по ровному шоссе, петлявшему между гор. Справа высилась гряда поросших густым лесом холмов; слева мелькали голые скалы, затем их оттеснило от дороги пугающее бездной ущелье. Да-

леко впереди показалась вершина величественной Бештау...

«Да... ее духу, силе любви – можно позавидовать. А я?... Я предала и его, и нашу любовь! – едва сдерживала рвавшийся наружу стон хозяйка „десятки“. Кусая до крови губы, она долго смотрела на дорогу, машинально поворачивая руль. Потом украдкой покосилась на задумчивую девчонку, вздохнула: – А если она никогда его не встретит? А если так и будет изводить себя страданиями; ездить точно на дежурство и рыдать, не отыскав родного человека среди сошедших с поезда „Грозный-Армавир“?.. Господи, да за какие же грехи нам это выпало?! Ведь не отпустит он ее! Ни за что не отпустит! Как не отпускает и меня тот, которого любила больше жизни... – И снова покосившись на пустоту, зиявшую в нескольких метрах, вдруг подумала: – А не прекратить ли разом невыносимые пытки? Стоит лишь промедлить, забыть повернуть руль в нужную сторону и... Главное пережить несколько секунд падения, а потом... Потом конец всем нашим мучениям!»

Темная ленточка трассы стала понемногу уходить вправо, а молодая женщина, плотно сомкнув тонкие губы, не торопилась корректировать направление. И вот уж левая пара колес дружно достигла белой сплошной полосы; через мгновение пересекла ее...

Забывшись или опять уверовав в близость долгожданной встречи, попутчица подставляла лицо врывающемуся сквозь приоткрытое окно потоку, провожала взглядом заснеженные

вершины...

А «десятка» уже неслась по встречной полосе.

До губельного края, огороженного рядом тонких бетонных столбиков, оставалось совсем немного, когда из-за поворота вынырнула квадратная кабина огромного грузовика.

Кажется, водитель фуры начал отчаянно тормозить; одновременно послышался громкий, пронзительный гудок.

Вздрогнув, пассажирка легковушки посмотрела вперед; правая рука непроизвольно вцепилась в ручку дверки; в широко раскрытых глазах застыл ужас...

Грузовик шумно промчался слева, обдав упругой воздушной волной – в самый последний момент «десятка» вывернула на свою полосу.

С километр они проехали молча, плавно теряя скорость, покуда не остановились совсем; голова молодой женщины упала на руки, обхватившие руль.

– Вам плохо? – прошептала девушка, дотронувшись дрожащими пальчиками до ее плеча. И только сейчас, когда в окна перестал врываться ветер, почувствовала в салоне стойкий запах алкоголя.

– Лучше не прикасайся ко мне, – отозвалась та каким-то странным, отрешенным голосом. И добавила: – Выходи.

– Что с вами?!

– Выходи из машины. Нам дальше не по пути.

– Но вы же говорили... Вы же ехали в Минводы!..

Женщина с безмолвной решительностью покинула са-

лон, обошла спереди автомобиль, открыла правую переднюю дверцу и молча воззрилась на нее.

– Хорошо. Спасибо вам, – повиновалась та и, оказавшись на обочине, попросила: – Но вы, пожалуйста, будьте на дороге поосторожней...

Вместо ответа громко хлопнула дверца. Двигатель взревел, легковушка рванула с места и скоро исчезла за ближайшим поворотом...

Резко отбросив мужскую ладонь, неожиданно перебравшись с рычага переключения скоростей на ее левое бедро, девушка сдвинула брови и твердо произнесла:

– Вы ошиблись. Пожалуйста, остановите – я выйду.

– Да ладно, чего ты испугалась?.. – рассмеялся водитель бензовоза. – Я пошутил – вижу: кажись, не такая, как эти... дежурные придорожные барышни.

Ловко управляясь одной рукой с огромным рулевым колесом, он выщелкнул из пачки сигарету и, прикурив от зажигалки, осторожно покосился на смазливую девицу. Всего пятнадцать минут назад это очаровательное создание одиноко стояло под скалой на правой обочине, зябко поеживаясь от пронизывающего декабрьского ветра. В теплой кабине она быстро согрелась, расстегнула молнию куртки, раскрыла ее полы. Под курткой виднелся тонкий обтягивающий привлекательные формы свитер; из-под юбочки заманчиво выглядывали затянутые в колготки телесного цвета колени...

Вот и не выдержал шофера – предложил сделать остановку в ближайшем кемпинге, сопроводив предложение некрасивым жестом.

– Смотрите, там что-то случилось!.. – вдруг прошептала она, позабыв о недоразумении и вглядываясь вперед.

Метрах в двухстах, прижавшись к самому обрыву, стояли два автомобиля. Трое мужчин и пожилая женщина смотрели вниз, о чем-то переговаривались; четвертый мужчина расхаживал вдоль дороги и прижимал к уху сотовый телефон...

– Кажись, опять кто-то навернулся с трассы, – вздохнул водила, выпуская в лобовое стекло густую струю едкого табачного дыма. – Каждый год в это ущелье по две-три машины слетает. Не повезло бедолаге...

Бензовоз сбавил скорость и медленно прокатил мимо группы обеспокоенных людей. Чуть дальше шоссе повернуло влево, плавно огибая гиблое местечко и предоставляя возможность рассмотреть последствия трагедии.

– Легковушка, – угрюмо кивнул шофер в окно своей дверцы – на дымившие внизу останки автомобиля. – Кажись, «десятка»... Или иномарка – теперь сам черт не разберет.

– Какого цвета машина? – потерянно молвила побледневшая девушка.

– Скоро станет черной. А была-то, кажись, бордовой...

Она в ужасе закрыла глаза и до самых Минеральных Вод не произнесла ни слова...

Эпилог

31 декабря

Поезд из Грозного приходил в этот город по нечетным числам, и каждое его прибытие с момента известия о пропаже любимого человека она встречала на одной и той же платформе. Успев привыкнуть за эти дни к вокзальной толчее, к выкрикам носильщиков, к спешащим на перрон пассажирам, девушка вставала в сторонке – на нижние ступеньки пешеходного моста, и в трепетном ожидании вглядывалась в фигуры и лица выходящих из вагонов людей.

Надежда когда-нибудь снова увидеть, прижаться к его груди, услышать до боли знакомый голос, не покидала. Сегодняшний день был особенным – предновогодним. Вероятно, поэтому и вера в долгожданную встречу достигла наивысшей точки. И даже страшное событие, произошедшее по дороге сюда, не поколебало, а наоборот – утвердило уверенность в неизбежности скорого свидания. Еще бы – едва не улететь в пропасть, едва не погибнуть с той странной молодой женщиной, почти ее ровесницей. Разве это не знак свыше!..

Толкаться среди встречающих она не хотела, да и заметить родное лицо сквозь плотную толпу гораздо труднее. Поэтому, как всегда спустившись до пятой ступеньки моста, девушка положила руку на холодные перила, замерла; взгляд

заскользил по сверкавшим на солнце рельсам, вместе с ними уплыл вдаль, почти до самого горизонта. Поезд как всегда немного запаздывал – объявление уж несколько минут как прокатилось многократным эхом по перрону и платформам, а зеленый с красной горизонтальной полосой локомотив никак не желал появляться...

Наконец, в точке, где сходились блестящие стальные нити, что-то неприметно изменилось – родилось дрожащее пятнышко. Постепенно оно росло, окрашиваясь в нужную расцветку и обретая знакомую форму. И вот уж темно-зеленый локомотив достиг торца бетонной платформы, поплыл вдоль нее, едва не касаясь края. Сзади замельтешили блестящие бока вагонов...

Когда начало тяжелого состава прогудело, прогрохотало, простучало колесами мимо пешеходного моста, девушка почувствовала, как внутри лавиной нарастает напряжение, как все внутри дрожит в предчувствии важного, долгожданного... Сейчас поезд остановится, одновременно откроются тамбурные двери. Первыми на бетон спрыгнут проводники, протирающие тряпками ручки и освобождающие проход нетерпеливо толпящимися в узких проходах пассажирам.

Все это она уже не раз видела и знала.

Сейчас... еще несколько секунд и стекающие из вагонов тонкие людские ручейки сольются в единую, полноводную реку. Вот тогда-то и начнется самое главное, ради чего она сюда приехала – река хлынет к мосту, прижмет ее к перилам,

но надо будет изо всех вглядываться в проходящих мимо людей, успевать выхватывать из потока каждое мужское лицо.

Наконец, действие стартовало: скрипя тормозами, поезд замер; дружно открылись двери; потекли ручейки...

Жиденский поначалу поток пополнялся и набирал силу с каждой секундой; первая «речная» волна достигла нижних ступеней моста. Посторонившись и выискивая знакомые черты, девушка жадно всматривалась в спешащих куда-то людей...

Вот рядом пробежал по ступеням рослый парень – фигура и возраст совпадали, но... Не он.

Тут же в толпе появилась мужская голова с такой же прической и покатым лбом как у... Нет, не тот.

Через минуту взгляд зацепился за похожий овал лица, но молодой мужчина снова оказался не тем...

В кармане куртки уж несколько минут пищал и надрывался сотовый телефон, да она не замечала посторонних звуков – все внимание было приковано к приезжим...

Поток понемногу иссяк – на мост входили те, кого задержали у вагонов объятия встречавших. От хвоста поезда неспешно плелись несколько человек, но душа ее, еще несколько мгновений назад жившая великой надеждой, уже ощущала ледящую пустоту; свет вокруг начал меркнуть; глаза заволокло слезами. Надежда и сокровенная мечта, согревавшая сердце дольше суток, рушилась, таяла, исчезала...

Повернувшись и уронив голову на грудь, она медленно пошла вверх по лестнице. Дойдя до парящего над рельсами длинного пролета, всхлипнула и в последний раз оглянулась...

Взор наткнулся на одинокую фигуру слегка хромавшего, худого мужчины. Одежда его совсем не походила на ту, что носили в гарнизоне; ростом он казался выше, возрастом старше того, которого она искала и ждала.

Но какая-то непонятная, необъяснимая сила удерживала девушку, заставляла вглядываться в лицо, фигуру, жесты медленно поднимавшегося по ступеням человека. И чем ближе он подходил, тем громче и быстрее стучало ее сердце...

Стучало от борющихся противоречий: она находила знакомые черты и натыкалась на разительные отличия. Стучало от предчувствия огромного счастья и от боязни жестокого разочарования...

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, боясь пошевелиться, сделать шаг навстречу.

Секунды томительно ползли...

Но все решилось в одно мгновение.

Заметив ее, мужчина остановился, поставил у ног небольшой портфель и... широко улыбнулся.

И улыбку эту не узнать было просто невозможно!..

В предновогодний день супруги Лихачевы неторопливо возвращались из магазина. Мимо то и дело сновали радостные сослуживцы, слышался смех и поздравления с наступающим. Дома предстояло колдовать на кухне, готовить, накрывать стол. Возможно, праздник и застолье в узком семейном кругу хотя бы немного отвлекут Сашеньку от мрачных мыслей...

Дойдя до широкой асфальтированной дорожки, петлявшей вдоль жилых пятиэтажек до самого КПП, девушка взяла мужа под руку и заметила шедших навстречу пятерых майоров – однокашников Скопцова. Понурился, те поздоровались, скупо поздравили чету с Новым годом и хотели пройти мимо, однако Настя, женским чутьем заподозрив неладное, остановила заводилу.

– Что это с вашей компанией, Алексей? – настороженно спросила она.

– А вы разве ничего не знаете? – усердно отворачивал тот взгляд.

– Нет, не знаем... Что опять произошло?

Остальные пилоты так же остановились и безмолвно переглядывались.

– Макс уже не числится пропавшим без вести, – объяснил полным трагичности голосом выпивоха.

Боль и немой вопрос застыли в глазах молодой женщины...

– Вчера его тело найдено на берегу чеченской реки Аргун. Анастасия побледнела и оперлась о плечо мужа. В этот момент Лешка отступил к дружкам и, как ни в чем не бывало, поинтересовался из толпы:

– Ребятки, а как там, в магазине с водкой и закуской?

– Как всегда – негусто, – печально отвечал инженер Лихачев, обнимая готовую расплакаться жену.

– Да?.. Вот черт! Из-за нерасторопности этих долбанных коммерсантов скоро самогон придется гнать и огурцы сажать на балконе! Ну, ничего, когда есть повод – убогость выпивки с закуской значения не имеют. Да, парни? – улыбаясь, пропел майор и, хлопнув по ладони ближайшего собутыльника, собрался идти дальше.

– Стой! – приказала вдогонку Анастасия, заподозрив подвох. – Лешка, я ж тебя как облупленного знаю. А ну выкладывай все, что знаешь о его смерти!

Отойдя на приличное расстояние и смакуя момент истины, майор под смешки приятелей смело выкрикнул:

– А кто это вам брякнул о его смерти!? Да, тело Макса нашлось – так что с того!? Просто человек спал мертвецким сном. Очень крепко дрях.

Алексей для верности еще немного переместился, удаляясь от девушки, но той было не до сведения счетов за дурацкий розыгрыш.

– На берегу Аргуна... Лешка... Лешенька, надеюсь, это не шутка? – умоляюще прошептала она.

– Кто ж так шутит, братцы!?! – удивился непоседа, будто только что не он, а кто-то другой едва не довел метеоролога до сердечного приступа. – Жив Макс, жив! Говорят, скоро должен подъехать!..

И махнув на прощание рукой, присоединился к веселой компании.

– Господи... Господи, какое счастье!.. – твердила Настя, быстро поднимаясь по лестнице пятиэтажки, – а где наша Сашенька? Нужно скорее ей сообщить – она уж столько дней не находит себе места!..

– Успокойся, милая. Где бы она сейчас ни была – мы позвоним ей по сотовому телефону, – открыв дверь квартиры, улыбнулся Лихачев.

– Теперь я точно знаю, за что тебя люблю! – с изумлением глядя на сообразительного мужа, воскликнула счастливая Анастасия.

* * *

Всю дорогу до гарнизона она прижималась к его плечу, бережно и легко поглаживая перебинтованное запястье и, не на миг не выпускала мужской руки, точно боясь новой и неожиданной разлуки. Такси мчалось по тому же извилисто-

му шоссе, вокруг проплывали те же горные вершины с ослепительно белыми снежными шапками. Но сейчас уже не волновали ни скорость, ни крутые повороты, ни пугающее бездной ущелье справа, где совсем недавно погибла та странная молодая женщина...

Ничто ее боле не волновало, ведь отныне рядом был ОН!

Максим пробудет с нею три дня. Целых три дня! Потом ему нужно уехать куда-то по делам – кажется, вызывает большое начальство для важного разговора. Надолго ли – он и сам не знал. Но твердо пообещал вернуться скоро. Очень скоро!..

– Неужели ты так сильно верила?... – удивленно покачивая головой, негромко спросил молодой человек.

– Верила, – твердо отвечала она. – Ни минуты не сомневалась! Иначе не ездила бы через день на вокзал – к поезду... – и с нежностью посмотрев на него, спросила: – А ты верил, что вернешься? Что мы опять будем вместе?

Он долго молчал, раздумывая над вопросом, потом поцеловал свою милую Александру и тихо отвечал:

– Всякое случалось за это время... А шесть дней назад довелось проснуться на берегу быстрой горной речушки, в которой ночью едва не утонул. Под утро приснилось, что настигла меня погоня; будто с другого берега целят из винтовки в затылок и вот-вот убьют... Очнулся в холодном поту, вскочил на ноги, оглянулся – никого. Тут-то и заметил асфальтовую дорогу в пятистах метрах от реки. А по дороге

идет колонна машин с бэтээрами под российским флагом... Вот тогда-то – побежав наперерез, и поверил окончательно, что выжил, что снова увижу тебя. А до того солнечного утра...

Макс тяжело вздохнул, видно вспомнив какие-то подробности своих долгих злоключений. Рука чуть крепче сжала ладонь любимой девушки; лицо немного отвернулось влево, дабы никто не видел слегка повлажневших глаз...

И он повторил:

– А до того всякое случалось...